

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

П. Смирновекій.

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VII.

XIV. Комедіи Загоскина.—XV. Обработка водевиля Хмельницкимъ и Писаревымъ.—

XVI. А. С. Грибоѣдовъ

(начало статьи о немъ, а окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“: Петербургская Стр., Большой пр., д. 6.
1903.

THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES

П. Смирновскій.

Smirnovskii

Istoriā

ИСТОРИЯ

Russkoj

literatury

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

deviātnadŕsatago viēka /
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VII.

XIV. Комедіи Загоскина.—XV. Обработка водевиля Хмельницкимъ и Писаревымъ.—

XVI. А. С. Грибоѣдовъ

(начало статьи о немъ, а окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“: Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.

1903.

Наши критики не всегда обращают вниманіе на цѣль автора. Академикъ Пыпинъ имѣлъ въ виду „читателя, болѣе или менѣе подготовленнаго, и, предполагая основные факты извѣстными, въ особенности считалъ задачей установить явленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія“,—а нѣкоторые критики взглянули на его трудъ, какъ на учебникъ ¹⁾). Я, наоборотъ, имѣю въ виду прежде всего ознакомить читателя съ фактической стороной нашей литературы XIX-го вѣка,—а отъ меня требуютъ „эволюціи“, „литературной традиціи“ и т. п.

Историческій синтезъ, несомнѣнно, важенъ и нуженъ; но, смѣю думать, нужно и важно и знакомство съ фактами—и даже прежде всего. Еще недавно, чуть ли не на дняхъ, одинъ профессоръ русской словесности жаловался въ очень многолюдномъ собраніи педагоговъ, что слушатели его весьма часто обнаруживаютъ крайне скудное знаніе самыхъ фактовъ литературы, самаго содержанія произведеній; въ слѣдующемъ такомъ же собраніи еще пуще жаловался на то же самое другой профессоръ (онъ же и академикъ). Слѣдовательно трудъ, въ которомъ подробно излагается главнымъ образомъ фактическая сторона пред-

---

¹⁾ См. предисловіе къ IV-му т. его „Исторіи русской литературы“.

мета, далеко не лишній. Правда, такому труду приличнѣе было бы названіе не „Исторія русской литературы XIX-го вѣка“, а просто: „Русская литература XIX-го вѣка“. Впрочемъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ (X-мъ или XI-мъ) будетъ представлень и чисто историческій очеркъ разсмотрѣнной эпохи, — очеркъ, основаніемъ для котораго и послужитъ рядъ монографій выпусковъ предшествующихъ.

П. Смирновскій.

О П Е Ч А Т К А.

Стр. 1,

строка 12 снизу:

напечатано:
въ ходу

читай:
къ ходу.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

XIV. Комедія Загоскина.

СТРАН.

Литературный дебютъ Загоскина и его связь съ кн. Шаховскимъ.—Биографическія свѣдѣнія объ авторѣ „*Комедіи противъ комедіи*“.—Статья его: „Путешественникъ“.—Общій характеръ комедій Загоскина.—Комедія: „*Г-нъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ*“ и статья: „Театральныя сѣни“, какъ первообразъ Гоголевскаго „Театральнаго разѣзда“.—Комедія: „*Вечеринка ученыхъ*“.—Комедія: „*Благородный театръ*“.—Бирюлькинъ, какъ лицо трагикомическое.—Замѣтка С. Аксакова о постановкѣ этой комедіи и о приѣмѣ ея публикой.—Комедія: „*Добрый малый*“ и связь Вельскаго съ Загорѣцкимъ.—Ближайшій прототипъ сцены съ письмомъ Хлестакова.—С. Аксаковъ о комедіи: „*Урокъ холостымъ, или насмѣдники*“.—Комедія: „*Недовольные*“.—Типы „недовольныхъ“.—Невыдержанная обрисовка Владимира Радугина.—Глинскій, задуманный по образцу Чацкаго.—Мысли и чувства автора и его отношеніе къ ходу просвѣщенія въ Россіи,—Типъ Анисьи Дмитріевны.—Причины неуспѣха этой комедіи.—Свойство таланта Загоскина. . . .

1

XV. Обработка водевиля Хмельницкимъ и Писаревымъ.

Общій взглядъ на сочиненія Хмельницкаго.—Отрывки изъ его комедіи: „Арзамасскіе гуси“.—Хмельницкій главнымъ образцовъ—водевилей.—Общій характеръ его водевилей.—Водевили: „*Говорунъ*“, „*Воздушные замки*“, „*Нерѣшительный*“. Два слова о другихъ водевиляхъ Хмельницкаго.—Отзывъ Дурова о его куплетахъ.—Хмельницкій—тоже вкладчикъ въ нашу драматическую литературу.—Биографическія свѣдѣнія о немъ (съ указаніемъ дѣятельности его, какъ смоленскаго губернатора). . . . .

Биографическія свѣдѣнія о Писаревѣ (годы его ученія и раннее умственное развитіе; страсть къ литературнымъ занятіямъ; связь съ литераторами и театральнымъ міромъ; ненависть къ Полевому; черты личности Писарева; его болѣзнь и рановременная смерть).—Краткій очеркъ его литературной дѣятельности.—Характеръ его водевилей.—Водевили: „*Хлопотунъ*“ и „*Забавы калифа*“.—Отличіе водевилей Писарева отъ водевилей Хмельницкаго. . . . .

47

63

XVI. А. С. Грибоѣдовъ.

СТРАН.

Грибоѣдовъ, какъ авторъ комедіи: „Горе отъ ума“,—писатель перво-классный. Литература о Грибоѣдовѣ (указатель, приложенный къ изданію сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина; указанія, данныя Пыпинымъ; статья Евг. Соловьева). 72

Первые годы жизни Грибоѣдова и его воспитаніе (1795—1812).

Грибоѣдовъ—Тазитъ въ своемъ родѣ.—Среда, въ которой родился и жилъ будущій авторъ „Горя отъ ума“ до 1812 года.—Личность его матери, ея происхожденіе, ея родовыя и общественныя традиціи.—Ея братья и сестры.—Заботы матери о служебной карьерѣ сына.—Гувернеры Петрозиліусъ и Іонъ.—Характеръ домашняго воспитанія Грибоѣдова.—Грибоѣдовъ, какъ знатокъ языковъ и какъ музыкантъ.—Вліяніе университета.—Семейный гнетъ со стороны матери и дяди.—Раннее пробужденіе въ Грибоѣдовѣ враждебнаго отношенія къ отрицательнымъ сторонамъ окружавшей его среды.—Начатки „Горя отъ ума“.—Личность сестры Грибоѣдова. 73

Періодъ времени со второй половины 1812 г. по конецъ мѣсяца 1818 г.

Причины, заставившія Грибоѣдова поступить въ военную службу.—Характеръ этой службы.—Казарменные готтентоты.—Грибоѣдовъ теряетъ мѣру въ своихъ проказахъ. Вліяніе С. Н. Бѣгичева и дальнѣйшее отношеніе къ нему Грибоѣдова.—Имя Грибоѣдова впервые появляется въ печати.—Знакомство съ кн. Шаховскимъ и комедія: „Молодые супруги“.—Грибоѣдовъ въ Петербургѣ.—Знакомство съ литературнымъ міромъ.—Связь съ масонствомъ.—Остатки прежней шаловливости.—Серьезныя занятія.—Развитіе литературной дѣятельности Грибоѣдова.—Сочиненія, въ которыхъ онъ заступается за своихъ друзей.—Взглядъ Грибоѣдова на критику.—Его отношеніе къ Жуковскому.—Отметка Загоскину.—Комедія: „Студентъ“.—Сатирической элементъ въ ней.—Очеркъ Саблина, какъ одинъ изъ набросковъ типа Скалозуба.—Одна автобіографическая черта.—Работы для театра.—Работа надъ „Горемъ отъ ума“. 84

Періодъ времени съ конца мѣсяца 1818 г. по 30 января 1829 г.

Причины отъѣзда Грибоѣдова на Востокъ.—Начало его трагическаго положенія.—Хронологическій перечень тѣхъ внѣшнихъ фактовъ, въ рамкѣ которыхъ развивалось трагическое положеніе Грибоѣдова.—Сущность его трагизма. 113

I.

Первая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ.—Настроеніе его въ дорогѣ, въ Москвѣ и въ Персіи.—Образъ жизни въ послѣдней и занятія восточными языками.—Желаніе учиться.—Путевыя письма къ Бѣ-

гичеву и минуты оживленія.—Религіозное чувство и чувство народной гордости.—Письмо къ издателю „Сына Отечества“.—Грибоѣдовъ хлопочетъ за русскихъ плѣнныхъ.—Его отношеніе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ и къ русской старинѣ.—Сонъ Грибоѣдова.—Грибоѣдовъ въ Тифлисъ и работа его надъ „Горемъ отъ ума“.—Замѣтки о Петрѣ I.—Планъ драмы: „1812-й годъ“ и одна сцена изъ нея.—Настроеніе Грибоѣдова въ Тифлисъ и черты его личности.—Продлившійся два года отпускъ.—Опять работа надъ „Горемъ отъ ума“.—Графъ Вельгорскій распространяетъ извѣстность комедіи.—Восторгъ читателей.—Драматическое положеніе автора и его душевныя страданія.—Послѣдняя отдѣлка „Горя отъ ума“.—Напрасныя хлопоты о постановкѣ его на сцену.—Общество съ комедіей все-таки ознакомилось.—Размолвка съ Булгаринимъ и слѣды душевнаго раздвоенія.—Научныя занятія Грибоѣдова.—Литературные труды его, кромѣ „Горя отъ ума“.—Психологическое значеніе факта перевода „Пролога Фауста“.—Въ настроеніи Грибоѣдова замѣчается уныніе, раздражительность, разочарованіе.—Желаніе ѣхать за границу . . . . .

117

II.

Вторая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ.—Причина отъѣзда.—Въ Кіевѣ его охватываетъ обаяніе старины и святости мѣста.—Настроеніе его въ Крыму доходитъ до мрачности.—Путевыя замѣтки о Крымѣ и укоры автора по адресу русскихъ.—Грибоѣдовъ на Кавказѣ.—Свѣтлыя минуты вдохновенія и начало поэмы: „Хищники на Чегемѣ“.—Далѣе настроеніе опять ухудшается.—Чтобы „не ювничать“—пускается въ Чечню.—Взглядъ Грибоѣдова на тогдашній нашъ образъ дѣйствія на Кавказѣ.—„Прости, отечество“ и „Диалогъ полковецкихъ мужей“, замѣтки И. А. Шляпкина и наши дополненія къ нимъ.—Поводъ къ аресту и отношеніе Грибоѣдова къ тогдашнему движенію среди молодежи.—Грибоѣдовъ подъ арестомъ.—Жизнь его у Булгарина на дачѣ, недовольство собой, любопытныя черты его личности.—Мысли и чувства, выраженные въ статьѣ: „Загородная прогулка“.—Грибоѣдовъ въ Москвѣ.—Молебень у Иверской. . . . .

136

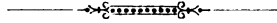
III.

Третья поѣздка Грибоѣдова на Востокъ.—Настроеніе, въ которомъ онъ уѣзжалъ, и письмо его къ Бѣгичеву отъ 9-го декабря 1826 г.—Напряженная работа по службѣ, исполняемая вопреки влеченію, но по чувству долга.—Радуетъ успѣхамъ русскаго оружія и ревниво относится къ его славѣ.—Трагизмъ положенія Грибоѣдова между тѣмъ все усиливается.—Работы его, связанныя съ научными и общественными интересами.—Что веселило его русское сердце.—Трагедія: „Грузинская ночь“ и связь ея съ протестомъ Чацкаго противъ возмутительныхъ явленій крѣпостничества.—Поэма: „Кальянчи“.—Переговоры съ Аббасъ-Мирзою и Туркманчайскій миръ.—Грибоѣдовъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію. . . . .

147

IV.

	СТРАН.
<i>Четвертая</i> поѣздка Грибоѣдова на Востокъ.—Трагическое положеніе его усиливается.—Предчувствіе и крайне пониженный тонъ настроенія.—Женитьба.—Трагическая развязка.—Мѣсто изъ рѣчи Ор. Миллера.—Параллель Е. В. Пѣтухова.—Нѣкоторыя изъ послѣднихъ писемъ Грибоѣдова—Его стихотворенія: „Домовой“ и „Востокъ“	153
Примѣчанія.	159

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

XIV. Комедіи Загоскина (1789—1852).

Литературный дебютъ Загоскина и его связь съ кн. Шаховскимъ.—Биографическія свѣдѣнія объ авторѣ „*Комедіи противъ комедіи*“.—Статья его: „Путешественникъ“.—Общій характеръ комедій Загоскина.—Комедія: „*Г-нъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ*“ и статья: „Театральныя сѣни“, какъ первообразъ Гоголевскаго „Театральнаго разъѣзда“.—Комедія: „*Вечеринка ученыхъ*“.—Комедія: „*Благородный театръ*“.—Бирюлькинъ, какъ лицо трагикомическое.—Замѣтка С. Аксакова о постановкѣ этой комедіи и о приѣмѣ ея публикой.—Комедія: „*Добрый малый*“ и связь Вельскаго съ Загорѣцкимъ.—Ближайшій прототипъ сцены съ письмомъ Хлестакова.—С. Аксаковъ о комедіи: „*Урокъ холостымъ или наследники*“.—Комедія: „*Недовольные*“.—Типы „недовольныхъ“.—Невыдержанная обрисовка Владимира Радугина.—Глинскій, задуманный по образцу Чацкаго.—Мысли и чувства автора и его отношеніе въ ходу просвѣщенія въ Россіи.—Типъ Анисьи Дмитріевны.—Причины неуспѣха этой комедіи.—Свойство таланта Загоскина.

Мы уже говорили, что „Липецкія воды“ князя Шаховскаго, появившіяся на сценѣ 23-го сентября 1815 г., надѣлали много шума и во многихъ вызвали враждебное отношеніе къ ихъ автору ¹⁾. Далеко не прошло еще двухъ мѣсяцевъ со дня постановки „Липецкихъ водъ“, какъ на Маломъ театрѣ въ Петербургѣ появилась (3-го ноября) пьеса подъ заглавіемъ: „Комедія противъ комедіи“. Авторомъ ея оказался молодой человѣкъ, тогда еще не имѣвшій литературнаго имени, но впоследствии столь прославившійся своимъ романомъ: „Юрій Милославскій“. Это былъ Загоскинъ. Онъ имѣлъ цѣлью съ одной стороны защитить князя Шахов-

ского, а съ другой—осмѣять тѣхъ, кто былъ недоволенъ „Липецкими водами“.

С. Аксаковъ въ своей „Біографіи Загоскина“ свидѣтельствуешь, что „Комедія противъ комедіи“ была слѣдствіемъ досады Загоскина, возбужденной въ немъ выходками противниковъ Шаховского, талантъ котораго онъ цѣнилъ очень высоко ²⁾. Одно изъ лицъ, выставленныхъ Загоскинымъ (Изборскій), разговаривая съ противниками „Липецкихъ водъ“, говоритъ, что „комедія эта прекрасна“, что „она дѣлаетъ честь нашей словесности“, что „въ ней есть мѣста, достойныя *Мольера*“ ³⁾.

Новый писатель, впервые выступившій передъ публикой, съ разу же заявилъ себя не только почитателемъ таланта Шаховского, но и человѣкомъ, раздѣлявшимъ его литературные вкусы. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ Загоскина есть одно мѣсто, въ которомъ авторъ обнаруживаетъ свое несочувственное отношеніе къ драмамъ. Это то мѣсто во 2-мъ явленіи 1-го дѣйствія, гдѣ, на другой день послѣ представленія „Липецкихъ водъ“, разговариваютъ другъ съ другомъ графиня Болеславова, князь Тюлипановъ и княгиня Зарѣцкая, изъ которыхъ первая сердита на автора упомянутой комедіи за осмѣяніе дамъ-любительницъ бостона, второй—за осмѣяніе старыхъ волокитъ, а третья—за осмѣяніе кокетокъ.

Графиня... если только можно хорошенько разбранить неносную піесу, то пишите противъ нея все: комедіи, трагедіи, оперы и даже *драмы*.

Князь. И даже *драмы!* Прекрасно, сударыня, прекрасно! У меня есть пріятель, удивительный человѣкъ для *драмъ*; ему написать *драму въ пяти дѣйствіяхъ* то же, что вамъ сыграть пулю въ бостонѣ. Если угодно, я попрошу его, и вы найдете въ его *драмѣ* все: жестокихъ отцовъ, несчастныхъ любовниковъ, слезы, вздохи, страхи, ужасы и даже, если надобно, разбойника..

Княгиня. И, князь! на что намъ всю эту сволочь? вѣдь надобно только разругать вчерашнюю комедію.

Понятно, что Шаховской и его сторонникъ должны были сойтись и подружиться. Оба они были одного литературнаго лагеря.

Подробную біографію Загоскина можно прочесть у Аксакова ⁴⁾, а затѣмъ еще болѣе подробную—въ первомъ томѣ „Сочиненій Загоскина“ ⁵⁾. Имѣя это въ виду, мы приведемъ здѣсь

біографическія свѣдѣнія объ этомъ писателѣ лишь въ самыхъ краткихъ словахъ.

Михаиль Николаевичъ Загоскинъ происходилъ отъ старинныхъ дворянъ, родъ которыхъ ведетъ свое начало отъ выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ 1472 г. Шевкаль-Загора, по прозванью *Загоска*, поступившаго на службу къ великому князю Іоанну III, принявшаго крещеніе и получившаго отъ князя большія помѣстья. Отецъ Загоскина былъ пензенскій помѣщикъ и постоянно жилъ въ своемъ селѣ — Рамзаѣ. Тутъ и родился будущій писатель — 14-го іюля 1789 г. Живой и одаренный способностями мальчикъ росъ до 13-ти лѣтъ въ деревенскомъ привольѣ, среди обстановки зажиточной семьи. Правильнаго обученія не было, но зато у отца Загоскина, челоуѣка религіознаго и любознательнаго, была большая бібліотека, состоявшая изъ русскихъ книгъ. „По всей вѣроятности“,—говоритъ біографъ—„это были книги духовнаго и историческаго содержанія“, но прибавляетъ: „могли быть романы и драматическія произведенія“⁶). Послѣдняя догадка имѣетъ основаніе, такъ какъ даровитый мальчикъ, рано принявшійся за перо, одиннадцати лѣтъ уже сочинилъ *повѣсть*: „Пустынникъ“, а еще раньше того написалъ *драму въ стихахъ*: „Леонъ и Зыдея“.

Когда Загоскину пошелъ 14-й годъ, отецъ отправилъ его въ Петербургъ на службу. „Тогда былъ такой обычай“,—говоритъ Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (II,98): „въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ; полагали, что они уже всему выучены, и спѣшили ихъ отдавать на службу, чтобы они ранѣе могли выйти въ чины“. Отецъ Загоскина выбралъ для сына не военную, а гражданскую службу, и Михаилъ Николаевичъ прослужилъ чиновникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ (въ Канцеляріи государственнаго казначея, въ Горномъ департаментѣ, въ Государственномъ Заемномъ банкѣ) съ 1802 г. по 1812 г. Но служебная карьера его была незавидна: дослужился онъ всего лишь до чина губернскаго секретаря. Однако это десятилѣтіе было проведено Загоскинымъ не совсѣмъ бесплодно: онъ пополнилъ свое образованіе чтеніемъ и, какъ говоритъ Аксаковъ, къ 1812-му году „зналъ уже по-французски и по-нѣмецки“⁷).

Наступившій 1812-й годъ возбудилъ сильное патріотическое движеніе въ обществѣ, и молодежь, [по свидѣтельству очевидцевъ, приходила толпами, чтобы записываться въ армію. Загоскинъ, по словамъ Аксакова,—„съ дѣтскихъ лѣтъ имѣя по преимуществу русское направленіе и пылкую натуру, горѣлъ нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью свою горячую любовь къ отчизнѣ“⁸): онъ

(9-го авг.) записался въ петербургское ополченіе, участвовалъ въ сраженіи подъ Полоцкомъ и былъ раненъ въ ногу. По окончаніи войны онъ отправился въ свой любимый Рамзай. Надо полагать, что къ этому времени на Загоскинѣ уже успѣло сказаться вліяніе Шаховского: онъ не былъ еще знакомъ съ нимъ лично, но, очевидно, зналъ его комедіи и читалъ его „Драматическій Вѣстникъ“. Приѣхавъ въ Рамзай и обратясь тамъ къ литературнымъ занятіямъ, онъ прельщался уже не драмой, а комедіей. Драма, которой онъ могъ увлечься еще въ дѣтствѣ подѣ вліяніемъ знакомства съ произведеніями Коцебу⁹⁾, должна была человѣку, державшемуся теоріи „Драматическаго Вѣстника“, показаться такимъ же „уродомъ“, какимъ считалъ ее въ то время и Шаховской¹⁰⁾. Въ Рамзай Загоскинъ прожилъ до начала 1815 г., и къ этому періоду времени относится его комедія: „Проказникъ“.

Въ самомъ началѣ 1815 г. Загоскинъ появляется въ Петербургѣ и снова поступаетъ на службу — опять въ тотъ же Горный департаментъ. Своего „Проказника“ онъ отдаетъ на судъ князю Шаховскому, тотъ даетъ о пьесѣ хорошій отзывъ — и съ этихъ поръ начинается знакомство обоихъ писателей, перешедшее потомъ, какъ свидѣтельствуеетъ Аксаковъ, „въ самую близкую и дружескую связь“¹¹⁾. Затѣмъ, какъ мы уже говорили, появляется на сценѣ „Комедія противъ комедіи“, доставившая автору и друзей — въ лицѣ сторонниковъ Шаховского, и враговъ — въ лицѣ людей, недовольныхъ „Липецкими водами“.

Успѣхъ былъ слѣдовательно относительный, но Загоскинъ былъ и этимъ доволенъ. Особенно ободрился онъ, когда кн. Шаховской поставилъ на сцену „Проказника“ (15 дек. того же 1815 г.). За этой пьеской послѣдовалъ довольно длинный рядъ комедій Загоскина, начавшійся въ 1817 г. большой пятиактной пьесой: „Г-нъ Богатовъ, или провинціалъ въ столицѣ“ и закончившійся „Женатымъ женихомъ“ — комедіей въ 4-хъ дѣйствіяхъ, появившейся уже не задолго до смерти автора: въ 1851 г.; а умеръ Загоскинъ 23-го іюня 1852 г.

Загоскинъ извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ авторъ романовъ и повѣстей; но, какъ романистъ, онъ выступилъ гораздо позднѣе: первый его романъ — „Юрій Милославскій“ — появился въ 1829 г. Вотъ почему, отлагая пока рѣчь о Загоскинѣ, какъ романистѣ, мы остановимся здѣсь только на его комедіяхъ. Но прежде dokonчимъ перечень важнѣйшихъ фактовъ въ его жизни.

Въ 1816 г. Загоскинъ женился (на Аннѣ Дмитріевнѣ Васильцовской). Оставивъ Горный департаментъ, онъ въ концѣ 1817 г. поступилъ на службу при театрѣ—помощникомъ члена по репертуарной части; но въ слѣдующемъ году перешелъ въ Императорскую Публичную Библіотеку—помощникомъ бібліотекаря. Въ 1820 г. Загоскинъ переселился, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная литературная его дѣятельность.

Сознавая недостаточность своего образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ желая пріобрѣсти права по службѣ, Загоскинъ въ 1821 г. рѣшился держать экзаменъ для получения чина коллежскаго ассесора. 30-го октября онъ писалъ Гнѣдичу: „Я учусь геометріи, физикѣ, правамъ, статистикѣ, исторіи, однимъ словомъ — przygotowляюсь къ экзамену; недѣли черезъ три надѣюсь получить аттестатъ“. И далѣе въ этомъ письмѣ Загоскинъ указываетъ на серьезный характеръ своихъ занятій: „съ мѣсяць уже я не пишу ничего, кромѣ геометрическихъ фигуръ; чѣмъ ближе конецъ, тѣмъ больше долженъ я трудиться; мнѣ же пришло въ голову учиться не на шутку, то-есть не для одного экзамена“¹²). Къ экзамену онъ готовился долго и „съ такою добросовѣстностью“ (говоритъ Аксаковъ), „что даже вытвердилъ наизусть римское право“¹³).

Экзаменъ былъ сданъ блистательно, и служебное положеніе Загоскина послѣ того стало все улучшаться: онъ уже въ 1822 г. получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ опредѣленъ въ Контору дирекціи московскаго театра — членомъ по хозяйственной части, сталъ подвигаться въ чинахъ и получать ордена. Но надо замѣтить, что Загоскинъ всегда усердно и честно исполнялъ свой служебный долгъ. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ и занималъ эту должность до 1842 г. Онъ сумѣлъ построить Малый московскій театръ собственными средствами дирекціи и вообще улучшилъ денежныя дѣла ея. Въ 1842 г., по собственному желанію и прошенію, Загоскинъ былъ перемѣщенъ на должность директора Московской Оружейной Палаты, и оставался въ этой должности до самой смерти. Умеръ Загоскинъ въ званіи камергера (которое получилъ еще въ 1831 г.), въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. Онъ погребенъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Отмѣтимъ еще нѣсколько фактовъ литературнаго характера. Въ теченіе первой половины 1817 г. выходилъ, подъ редакціей П. А. Корсакова, журналъ: „Русскій Пустынникъ, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ“. Загоскинъ принималъ въ немъ нѣкоторое участіе. Когда редакторъ заболѣлъ и не могъ вести свой журналъ, Загоскинъ (съ другими двумя лицами — Покорскимъ и Ивановымъ) продолжалъ изданіе, но подъ другимъ названіемъ: съ іюля сталъ выходить „Сѣверный Наблюдатель“, просуществовавшій однако всего 6 мѣсяцевъ. Загоскинъ помѣщалъ тутъ театральныя рецензіи, и одна изъ нихъ, — критика комедіи Грибоѣдова: „Молодые супруги“, — привела его къ столкновенію съ авторомъ названной комедіи, о чемъ скажемъ подробно въ статьѣ о Грибоѣдовѣ.

Въ этомъ же журналѣ Загоскинъ велъ полемику съ „Сыномъ Отечества“, въ которомъ Измайловъ нападалъ на автора „Богатона“. Poleмика раздражала Загоскина — и результатомъ раздраженія явилась статья въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“, подъ названіемъ: „Театральныя Сѣни“, замѣчательная тѣмъ, что ее можно считать первообразомъ „Театральнаго развѣзда“ Гоголя. Этой статьи мы коснемся ниже.

Въ самомъ концѣ 1819 г. Загоскинъ поступилъ дѣйствительнымъ членомъ въ „Вольное Общество любителей Словесности“, и въ маѣ 1820 г. прочелъ въ собраніи свою статью: „Путешественникъ“. На этой статьѣ слѣдуетъ вѣсколько остановиться, такъ какъ она характеризуетъ ея автора съ извѣстной стороны. Аксаковъ называлъ Загоскина „истиннымъ русакомъ“ и замѣтилъ, что онъ не выносилъ, если задѣвали Россію: „тогда неминуемо слѣдовала горячая вспышка“¹⁴⁾. Особенно не выносилъ онъ, когда, восхваляя Европу, принижали Россію. Онъ указывалъ тогда, что „Европа далеко не безъ пятенъ“. Желаніе собрать темныя пятна европейской жизни и вызвало статью: „Путешественникъ“, въ которой авторъ между прочимъ замѣтно посмѣивается и надъ „Письмами“ Карамзина.

Героемъ статьи является господинъ Вельскій, котораго томить, говоря словами Грибоѣдова, „жалкая тошнота по сторонѣ чужой“. Вбѣжавъ въ кабинетъ автора съ радостнымъ лицомъ, онъ объявляетъ ему, что завтра же ѣдетъ за границу. „Ахъ, мой другъ!“ — говоритъ онъ: — „ты не можешь себѣ представить моего восхищенія! Романическая Германія, Франція — средоточіе вкуса и всѣхъ удовольствій, гордые, свободные британцы и ты, благословенная Италія! — я вижу васъ! — Да, мой другъ, я объѣду

всю Европу, побываю вездѣ и, вѣроятно, не увижусь съ тобою пять, шесть, десять лѣтъ“...

— Ужъ и десять? Помилуй! — замѣчаетъ авторъ.

— Десять-то бездѣлица, — отвѣчаетъ Вельскій: — я боюсь только, чтобъ, съѣздивъ разъ въ чужіе края, мнѣ не вздумалось навсегда тамъ остаться.

И Вельскій начинаетъ толковать о томъ, что патриотизмъ— смѣшная вещь; что въ Россіи нельзя нигдѣ жить по-людски; что въ каждомъ нѣмецкомъ городкѣ въ тысячу разъ веселѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Наконецъ онъ ушелъ, давъ слово писать къ автору изъ-за границы. Авторъ говоритъ, что дѣйствительно получилъ отъ него нѣсколько писемъ—и теперь помѣщаетъ ихъ.

Что же въ этихъ письмахъ? — Вельскій очень недоволенъ своимъ путешествіемъ. Въ Геттингенѣ его побили, принявъ за жида; его едва спасъ полицейскій офицеръ. Слѣдуетъ разговоръ Вельскаго съ этимъ офицеромъ.

— Кто вы?

— Русскій путешественникъ.

— Такъ ступайте же скорѣй домой: васъ приняли здѣсь за жида.

— Помилуйте! Да если бы я былъ и жидъ, такъ за что же меня бить?

— Да развѣ вы не знаете? Здѣсь, по примѣру многихъ нѣмецкихъ городовъ, началось гоненіе на жидовъ; а такъ какъ вы были вмѣстѣ съ извѣстнымъ евреемъ, да, — не погнѣвайтесь, — и лицо у васъ походитъ нѣсколько на жидовское...

— Что вы говорите? Возможно ли, чтобы въ нашемъ вѣкѣ въ просвѣщенной Германіи были гоненія?

— Что же дѣлать, сударь мой! Вдругъ этого безпорядка прекратить невозможно; впрочемъ будьте увѣрены, что тѣ самые, которые поступили съ вами такъ дурно, будутъ первые жалѣть, когда узнаютъ о своей ошибкѣ.

Письмо объ этомъ происшествіи заканчивается такими словами Вельскаго: „Прекрасное утѣшеніе! — думалъ я, потрогивая избитыя свои плечи. Меня гораздо болѣе утѣшаетъ мысль, что я разстанусь скоро, и вѣроятно — навсегда, съ землею, гдѣ одни прославляютъ либеральныя идеи, а другіе бьютъ жидовъ за то только, что они жида. Прощай, мой другъ! Завтра я буду во Франціи.“

Вотъ Вельскій въ Парижѣ. „Что за городъ! что за люди!

Ахъ, мой другъ, только въ Парижѣ умѣють наслаждаться жизнью; мы, дѣти сѣвера, не имѣемъ и понятія о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу, — пишетъ съ восторгомъ нашъ путешественникъ. Но что же случилось съ нимъ дальше? — Онъ попалъ въ театръ. „Занавѣсъ поднялся,“ — рассказываетъ онъ. „Первое явленіе слушали со вниманіемъ; потомъ начался глухой ропотъ, и вдругъ, при одномъ остромъ словцѣ насчетъ нынѣшняго правленія, буря разразилась: съ одной стороны загремѣли рукоплесканія, съ другой раздался громкій свистъ. При семъ незнакомомъ для меня звукѣ, сердце мое забилося отъ радости. «Наконецъ, — думалъ я, — слава Богу, удалось мнѣ побывать въ театрѣ, гдѣ зритель есть настоящій и верховный судія актеровъ и сочинителей; у насъ публика связана; ей не позволяютъ даже громко шикать; а здѣсь какая разница! Я могу свистать, шумѣть, кричать, дѣлать все, что мнѣ угодно!» Между тѣмъ зрители шумѣли часъ отъ часу болѣе; à bas le rid! à bas la sabale! раздалось по всѣмъ угламъ залы; въ партерѣ, мѣстахъ въ трехъ, происходили уже рукопашныя побоища; съ лѣвой стороны, подлѣ меня, человекъ пять свистали, какъ сумасшедшіе. Признаюсь въ моемъ грѣхѣ! Мнѣ смерть захотѣлось посвистать въ первый разъ отъ роду; но лишь только было я принялся помогать своимъ сосѣдямъ, какъ вдругъ кулакъ, тяжелый, какъ свинецъ, обрушился на мою голову; искры посыпались у меня изъ глазъ, и прежде, чѣмъ могъ опомниться, началось вокругъ меня ужасное побоище. Не знаю, какъ это сдѣлалось, только въ одну минуту получилъ я дюжины двѣ толчковъ и пощечинъ. Кой-какъ вырвался я изъ залы, добѣжалъ не оглядываясь до перваго фіакра и отправился домой. Вскорѣ за мною возвратился мой хозяинъ съ подбитымъ глазомъ: онъ былъ въ партерѣ и храбро сражался за пьесу. Когда я сталъ ему говорить о нашемъ несчастномъ приключеніи, то онъ отвѣчалъ улыбаясь:

— Это бездѣлица! Такія ли бываютъ схватки въ нашихъ театрахъ; посмотрѣли бы вы первое представленіе *Германика*: вотъ тутъ было настоящее сраженіе! Кромѣ изувѣченныхъ и раненыхъ, одинъ остался убитымъ на мѣстѣ.

Сейчасъ ложусь въ постель; боюсь, какъ бы не занемочь; у меня болитъ все: голова, грудь, бока... Нѣтъ, мой другъ, право, хорошо, что у насъ не свишуть!“

Затѣмъ Вельскій въ Лондонѣ. Вотъ его первыя впечатлѣнія: „Съ какимъ радостнымъ чувствомъ ступилъ я на берегъ счастливой Британіи! Мнѣ казалось, что я даже и дышать начинаю

свободнѣ. Нѣтъ, мой другъ, вѣтренные французы долго не поравняются съ своими сосѣдями, которые умѣютъ пользоваться свободою и не употребляютъ ее во зло... Дорога отъ Дувра до Лондона очаровательна; прелестныя дачи, бархатные луга—все веселитъ взоры путешественника“. Но скоро Вельскій замѣчаетъ, что по дорогѣ этой, особенно на станціяхъ, множество нищихъ, и способъ ихъ просить милостыню довольно страненъ. „Когда я сажусь въ коляску,“—говоритъ онъ,—„со всѣхъ сторонъ приступаютъ ко мнѣ съ просьбами: «Дайте мнѣ крону,»—говоритъ одинъ:—вы чихнули, а я сказалъ вамъ *здравствуй!*» «Дайте шиллингъ,»—кричитъ другой:—я снялъ у васъ съ плеча соломинку“.

Но это—мелочи, думаетъ Вельскій: зато не всякое правленіе „можетъ похвалиться законами, которые подобно англійскимъ, охраняютъ личную свободу каждаго гражданина“.

Между тѣмъ онъ и въ Лондонѣ испыталъ нѣкоторыя непріятности: мальчишки бѣгали за нимъ и кричали: french dog! недалёко отъ зданія парламента его карету закидали грязью и камнями, принявъ его за одного парламентскаго члена, котораго партія радикальныхъ терпѣть не можетъ.

— Да неужели вашъ народъ имѣетъ право кидать грязью и камнями въ того, кто ему не нравится?—спрашивалъ онъ англичанина.

— Кидать грязью онъ можетъ, — отвѣчалъ англичанинъ:— по крайней мѣрѣ правительство не обращаетъ на это никакого вниманія, да и стоитъ ли эта бездѣлица того, чтобъ стѣснять для нея права свободнаго народа? Но кидать камнями у насъ не позволено!

— Поэтому, если бы я зналъ, кто проломилъ мнѣ голову, то могъ бы на него пожаловаться?

— Конечно, могли бы.

— И онъ былъ бы наказанъ?

— Безъ сомнѣнія. Разумѣется, если вы докажете, что онъ точно хотѣлъ бросить въ васъ камень, а не захватилъ его нечаянно вмѣстѣ съ грязью.

— И послѣ этого вы смѣете хвалиться вашими законами?

— Да что же тутъ страннаго? Они даютъ только возможность обвиняемому оправдаться. Впрочемъ ни у кого не отнята свобода:— въ васъ кидаютъ грязью—кидайте сами.

— Помилуйте! Неужели порядочный и просвѣщенный человекъ захочетъ драться?

— Почему же нѣтъ? Вы, вѣрно, не откажете въ просвѣ-

щеніи Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ; а посмотрите, что у нихъ дѣлается. Недавно въ законодательномъ ихъ словіи одинъ членъ плюнулъ въ лицо другому; на слѣдующій день обиженный вызвалъ своего противника на поединокъ; мѣсто сраженія назначено въ самомъ собраніи; они дрались кулаками и кочергами изъ камина и валялись по полу передъ всѣми депутатами. Мы еще до этого не дошли: наши парламентскіе члены только что ругаютъ другъ друга, а не дерутся¹⁵⁾.

Статья Загоскина: „Путешественникъ“, напоминающая собою письма изъ-за границы Фонвизина, не была, конечно, голосомъ самодовольнаго консерватизма: авторъ хотѣлъ въ ней лишь осмѣять ту „тошноту по чужой сторонѣ“, которая заставляла людей, страдавшихъ этой болѣзью, съ одной стороны слишкомъ идеализировать „чужіе края“, а съ другой слишкомъ принижать свое отечество. Въ началѣ своей статьи Загоскинъ говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что мы, познакомясь короче съ чужими краями, будемъ, *иногда* дѣлать между ними и нашимъ отечествомъ сравненія, не всегда безвыгодныя для послѣдняго“.

Но какъ бы то ни было, „Путешественникъ“ во всякомъ случаѣ указываетъ направленіе Загоскина, какъ писателя, и уясняетъ многое въ его произведеніяхъ.

Теперь обратимся къ комедіямъ Загоскина.

По интригѣ, по завязкѣ и развязкѣ, комедіи Загоскина чрезвычайно однообразны. За очень небольшимъ исключеніемъ, вездѣ выводится пара влюбленныхъ, при чемъ и *онъ* и *она* принадлежатъ къ типамъ положительнымъ, даже идеальнымъ; вездѣ есть сила, имъ противодѣйствующая, въ видѣ то мачехи, то дяди, тетки, или же сестры, которые хотятъ выдать дѣвушку по своему расчету или вкусу; вездѣ есть и сила, благопріятствующая влюбленнымъ: дѣдушка, братъ, другъ, или тоже дядя, устраивающіе дѣло такъ, что дѣвушка достается любимому ея человѣку. Это — обычная схема тѣхъ французскихъ комедій, которымъ подражали наши авторы.

Но, не смотря на однообразіе канвы, самые рисунки на ней довольно разнообразны: правда, встрѣчается повтореніе и въ изображеніи характеровъ, но въ общемъ картина пошлости, смѣшныхъ явленій — въ комедіяхъ Загоскина достаточно широка.

Комедія Загоскина, какъ осмѣивающее произведеніе, почти лишена негодующаго элемента. Говоримъ: „почти“, потому что позднѣе, ужъ подъ влияніемъ Грибоѣдовскаго „Горя отъ ума“,

Загоскинъ пробовалъ создать негодующее лицо—въ образѣ Глинскаго, въ комедіи: „Недовольные“ (1835 г.); но въ Глинскомъ все-таки горитъ не тотъ огонь, что въ Чацкомъ. Зато Загоскинъ вносилъ въ свои комедіи много веселаго смѣха, много забавнаго, что соотвѣтствовало какъ его личному характеру, живому, веселому, склонному къ шуткѣ и добродушной насмѣшкѣ, такъ и его теоретическимъ воззрѣніямъ, которыя онъ высказалъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“. „Пьеса“,—говоритъ онъ тамъ,—„въ которой почти всѣ дѣйствующія лица возбуждаютъ къ себѣ презрѣніе и только изрѣдка заставляютъ смѣяться, можетъ быть прекрасною сатирою, но никогда не будетъ хорошею комедіей. Надо, чтобы дѣйствующія лица были не только отвратительны, но и *забавны*“¹⁶). Забавнаго въ комедіяхъ Загоскина дѣйствительно очень много, и этой стороною своей онъ прельщали современниковъ, и многія изъ нихъ имѣли въ свое время большой успѣхъ.

Что касается личности автора, — насколько она можетъ отразиться въ комедіи,—то главное впечатлѣніе она производитъ тою своею стороною, которая подала поводъ Аксакову назвать Загоскина „истиннымъ русакомъ“. Онъ усиленно преслѣдуетъ слѣпое и приниженное поклоненіе иностранцамъ, „жалкую тошноту по сторонѣ чужой,“ приниженіе всего отечественнаго, доходящее до того, что называютъ „самооплеваніемъ“. Въ этомъ отношеніи Загоскинъ становится въ тотъ длинный рядъ нашихъ писателей-націоналистовъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали въ предыдущихъ очеркахъ.

Первою большою пьесою Загоскина была пятиактная комедія „Г-нъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ“ (представл. въ первый разъ въ петерб. Маломъ театрѣ 27 іюня 1817 г.). Главное лицо въ ней — богатый и крайне недалекій степной помѣщикъ Богатоновъ, помѣшавшійся на связяхъ съ знатью и переѣхавшій на житье въ Петербургъ, гдѣ знатные его quasi-друзья занимаютъ у него деньги, обыгрываютъ въ карты — и всѣ смѣются надъ нимъ. Его смѣшное желаніе казаться похожимъ на столичнаго графа или князя очерчено въ началѣ же комедіи, въ разговорѣ его съ пріѣхавшимъ къ нему изъ деревни пріятелемъ — Мирославскимъ (Д. I. явл. 4):

Г. Богатоновъ, Ну, мой милый, какъ я радъ, что ты сюда пріѣхалъ; у меня здѣсь такое большое знакомство, и все съ знатными.

Мирославскій. Поздравляю.

Г. Богатоновъ. Да, да, все съ знатными: графы да князья, баронессы, да превосходительныя... я еще и году здѣсь не живу; погоди-ка еще годика два, такъ меня никто и узнавать не будетъ.

Мирославскій. Да я и теперь тебя не узнаю.

Г. Богатоновъ. Не правда ли, что я непохожъ ужъ на вашего брата деревенскаго? что во мнѣ есть что-то такое... что-то такое... какъ бы тебѣ сказать... что-то барское, знатное?

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ! Однакожъ знаешь ли что?

Г. Богатоновъ. Что такое?

Мирославскій. Прежде, какъ ты былъ простымъ дворяниномъ, судилъ ты, какъ человѣкъ умный, а теперь...

Г. Богатоновъ. А теперь сужу, какъ человѣкъ знатный? Это, братъ, кажется, будетъ немного получше.

Богатоновъ хочетъ непременно выучиться говорить по-французски. — Да отчего-же не говорить по-русски? замѣчаетъ ему пріятель.—„Да что вы въ вашей глуши знаете: по-русски! по-русски! А сказать правду, что толку-то въ русскомъ языкѣ: всякій мужикъ говоритъ по-русски; по настоящему, намъ бы и знать-то его не надобно,“— отвѣчаетъ степной чудакъ.

Мирославскій. Я удивляюсь твоимъ успѣхамъ: ты начинаешь ужъ говорить, какъ человѣкъ, который получилъ самое модное воспитаніе.

Г. Богатоновъ. На силу замѣтилъ! Вотъ видишь ли, что значить жить въ большомъ свѣтѣ; а давно ли я пріѣхалъ сюда дуракъ дуракомъ.

Смѣшны тѣ сцены, гдѣ изображено желаніе Богатоннова жить на широкую барскую ногу, и гдѣ выведена его боязнь, какъ бы не поступить такъ, какъ не свойственно знатнымъ барамъ. Плутъ-иностранецъ—Филутони—спрашиваетъ съ него 488 рублей съ полтиной за довольно обыкновенный обѣдъ на 6 персонъ (Д. I, явл. 7).

Г. Богатоновъ. Четыреста семьдесятъ восемь рублей съ полтиною (Въ сторону). Разбойникъ, какъ онъ деретъ! А торговаться какъ будто совѣстно: онъ не русский.

Филутони (подавая счетъ). Угодна, — повѣрять.

Г. Богатоновъ. Чего повѣрять! вы народъ дѣльный, итоги подвести умѣете. (Въ сторону). Четыреста семьдесятъ восемь рублей съ полтиною! (Громко). Послушай-ка, мусе!..

Филутони. Шево исфолишь?

Г. Богатовъ. Что, знатные-то господа, чай, иногда также торгуются?

Филутони. Э, фи, monsieur! Отна мѣшань, проста народъ, торгуй; а польши паринъ — сохрани Богъ!

Г. Богатовъ (въ сторону). Ну вотъ, что будешь дѣлать! Плачь себѣ, а денежки плати.

Далѣе слѣдуетъ исторія съ табакомъ (въ томъ же явленіи).

Филутони. Monsieur приказалъ мнѣ вчерась принести франсуски табакъ.

Г. Богатовъ. Да, да, я было и позабылъ. Покажи-ка!

Филутони (вынимаетъ изъ узелка, который, входя, оставилъ на стулѣ у дверей, картузь табаку). Фогъ исфолить, сами сфѣшій.

Г. Богатовъ (нюхаетъ). Самый свѣжій! А что фунтъ?

Филутони. Тесять рубль.

Г. Богатовъ. Десять рублей, только-то! (Нюхаетъ). Да что это за табакъ! Дрянъ! Князь платитъ за свой подвадцати рублей, а этотъ десять!.. Нѣтъ, братъ, возьми его назадъ. (Отдаетъ).

Филутони. Посфольте, monsieur, у меня есть утифительный табакъ, только ошень торога.

Г. Богатовъ. Очень дорогъ! За кого ты меня принимаешь? Очень дорогъ! Для меня, братъ, все дешево. Давай сюда.

Филутони. Сей минутъ! (Идетъ къ углу и дѣлаетъ видъ, будто вынимаетъ другой картузь, а между тѣмъ беретъ тотъ же самый). Вотъ, monsieur!

Г. Богатовъ. Ну, этотъ и на взглядъ-то не тому чета.

Филутони. Въ сѣломъ кородъ нѣтъ таки табакъ.

Г. Богатовъ. А вотъ увидимъ... (Нюхаетъ). А что картузь?

Филутони. Сорокъ рубль.

Г. Богатовъ. Сорокъ рублей! Вотъ это табакъ! Что за духъ! (Нюхаетъ). Какой вкусъ! То ли дѣло; дорого, да мило! А то вздумалъ было отпочевать меня десяти-рублевымъ табачишкомъ.

Филутони. Таки табакъ и на Парижъ малъ; ефо дѣлаитъ тле отне каралевски фамиль.

Г. Богатовъ. Для одной королевской фамиліи! Шутить? Хе, хе, хе! а мы не короли, да понюхиваемъ. (Нюхаетъ). Ай да мусье! спасибо, братъ. Вотъ ужъ удружилъ!

Филутони. У меня только есть шесть фунтъ. Его сіятельство крафъ Недошотовъ коши взять.

Г. Богатовъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ, не продавай никому; я его весь беру за себя.

Филутони. Крафъ буди сердись.

Г. Богатоновъ. Э, братецъ, посердится, да перестанетъ. Пожалуйста, любезный, уступи мнѣ.

Филутони. Ну, што дѣлать, иסףольте: я все шесть фунтъ принесу послѣ опѣдъ.

Г. Богатоновъ. Спасибо, мусье, спасибо! Смотри жъ, не забудь — послѣ обѣда.

Филутони. О, нѣтъ, не беспокойтесь!

Г. Богатоновъ. Прощай же, мой милый; я пойду одѣваться. (Въ сторону). Всѣ шесть фунтовъ мои! Ха, ха, ха! въ какихъ же дуракахъ графъ! Онъ лопнетъ съ досады; а я-то буду его потчевать да похваливать!

Богатоновъ хочетъ выдать племянницу свою, Лизу, за князя Блесткина, котораго онъ считаетъ идеаломъ знатной особы, между тѣмъ какъ Блесткинъ просто „глупый модникъ“, „полу-французскій петиметръ“, „ничтожный вертопрахъ“, любящій не Лизу, а ея приданое. Лиза его терпѣть не можетъ: она любитъ графа Владимилова, человѣка съ хорошимъ воспитаніемъ, и сама имъ любима. Мирославскій, пріятель не только Богатонова, но и графа, разоблачаетъ корыстныя стремленія Блесткина и устраиваетъ дѣло такъ, что Лиза выходитъ за Владимилова. Въ концѣ пьесы онъ читаетъ Богатонову такую мораль: „Ты хотѣлъ изъ простого дворянина превратиться въ знатнаго человѣка; что вышло изъ этого? Ты разстроилъ свое имѣнье; плуты тебя обманывали, честные люди жалѣли о тебѣ, но также не могли не смѣяться надъ твоимъ легковѣріемъ; однимъ словомъ...“— „Хорошо, хорошо, мой милый!“—перебиваетъ его Богатоновъ:— ты договоришь все это въ другое время; а между тѣмъ племянница-то моя все-таки будетъ сіятельная!“

Отзывы объ этой комедіи различны. А. Еф. Измайловъ писалъ въ „Сынъ Отечества“ 1817 г. (подъ псевдонимомъ Ювенала Прямосудова), что характеръ Богатонова неправдоподобенъ; что онъ „выставленъ слишкомъ глупымъ провинціаломъ, которому другаго подобнаго въ Россіи, а особливо въ Петербургѣ, даже за двадцать лѣтъ передъ симъ никто бы не отыскалъ и со свѣчою; что Богатоновъ въ сущности типъ, заимствованный или прямо у Мольера, или посредственно, чрезъ Шаховского, такъ какъ онъ—то же лицо, что Транжиринъ въ „Полубарскихъ затѣяхъ“ и мольеровскій мѣщанинъ во дворянствѣ. Грибоѣдовъ также упре-

каль Загоскина въ заимствованіи у Шаховского. Аксаковъ же, признавая сильное вліяніе Мольера на Загоскина, тѣмъ не менѣе находилъ типъ Богатонова существовавшимъ въ свое время. Въ 1852 г. Аксаковъ писалъ о немъ: „онъ не перевелся, его всѣ знаютъ и видятъ, только совсѣмъ подъ другими формами“¹⁷⁾.

Но мы не будемъ разсматривать Богатонова, какъ цѣльный типъ: какъ таковой, пусть себѣ онъ и не выдерживаетъ художественной критики; пусть будетъ глупость его преувеличена; пусть будетъ онъ иногда даже карикатуренъ; пусть походить и на Гранжирина и на мольеровскаго Журденя. Для насъ важнѣе историческая точка зрѣнія, а именно вопросы: существовали ли въ русскомъ обществѣ хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ, которыми авторъ надѣлилъ своего героя? были ли люди, считавшіе своимъ идеаломъ знатность и богатство? преклонялись ли они передъ этой внѣшней силой? играли ли иногда глупую роль въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными плутами въ родѣ Филутони?—Конечно, все это было. Да у того же Грибоѣдова — развѣ Фамусовъ, преклоняющійся предъ Максимомъ Петровичемъ и ухаживающій за Скалозубомъ, не съ родни Богатону, обрисованному во 2-мъ явл. III-го дѣйствія? Лиза познакомилась съ графомъ Владимировымъ еще тогда, когда онъ ѣзжалъ къ ея покойной матери. Богатонъ его не зналъ; Мирославскій привезъ его теперь въ домъ Богатонова впервые. Послѣдній, еще не зная, кто этотъ пріѣзжій, принимаетъ графа, судя по его скромности, за бѣднаго просителя. Между нимъ и Владимировымъ происходитъ слѣдующій разговоръ въ присутствіи Мирославскаго.

Г. Богатонъ (къ графу). Что ты, голубчикъ, пріѣхалъ сюда на время, или хочешь здѣсь къ мѣсту?

Графъ. Нѣтъ, сударь, я человекъ отставной и привыкъ жить въ деревнѣ.

Г. Богатонъ. Въ деревнѣ? право! Такъ у тебя есть и деревнишка? Въ какой губерніи?

Графъ. Въ Орловской.

Г. Богатонъ. А сколько въ ней душонокъ, мой милый?

Графъ. Съ небольшимъ сто.

Г. Богатонъ. Сто душъ! Такъ ты не совсѣмъ бѣдный человекъ. Прошу покорно, подвинься-ка къ намъ поближе, любезный. (Графъ подвигается). А много ли она даетъ доходу?

Графъ. Очень мало; гораздо менѣе, чѣмъ пензенская моя деревня.

Г. Богатонъ. Какъ! такъ у васъ въ Пензѣ есть деревня?

Графъ. Двѣсти душъ.

Г. Богатоновъ. Итого—триста. (Мирославскому). Да онъ чело-
вѣкъ порядочный! Гей, малый! (Человѣкъ входитъ). Кресла, сюда,
къ намъ ближе. Милости просимъ, батюшка; я очень радъ съ вами
познакомиться. (Сажаетъ его возлѣ себя). Итакъ, у васъ только и
есть эти двѣ деревни?

Графъ. Извините, у меня есть еще полторы тысячи душъ въ
Рязанской губернии.

Г. Богатоновъ (вскакиваетъ). Полторы тысячи!

Графъ. Да двѣ тысячи въ Саратовской.

Г. Богатоновъ. И двѣ тысячи! Ахъ, Боже мой, Боже мой!
какой я дуракъ! Милостивый государь! сдѣлайте милость, будьте
милостивы! Не прикажете ли на эти кресла; здѣсь вамъ будетъ
спокойнѣе.

Графъ. Къ чему это?

Г. Богатоновъ. Покорнѣйше прошу.

Графъ. Если вы непременно хотите.

(Садится на вольтеровскія кресла).

Г. Богатоновъ. Позвольте узнать, милостивый государь, съ
къмъ я имѣю честь говорить?

Графъ. Я, сударь, графъ Владимировъ.

Г. Богатоновъ. И графъ! Часъ отъ часу не легче. Ахъ я
скотина! Ваше сіятельство, извините! Я не знаю...
я, право... я совершенно обезумѣлъ! (Къ Мирославскому). Пусти-ка,
братецъ. Ваше сіятельство! не угодно ли вамъ сюда на канапе?

Графъ. Вы напрасно беспокоитесь.

Г. Богатоновъ. О, ваше сіятельство, я знаю различать людей.

Мирославскій. Однакожь на этотъ разъ ты ошибся.

Г. Богатоновъ. Я не знаю самъ, что со мною сдѣлалось
Батюшка графъ, ваше сіятельство! мнѣ такъ совѣстно, такъ
стыдно, — ну, хоть бы сквозь землю провалиться!

Графъ. Помилуйте, сударь, что за важность: вы ошиблись;
это со всякимъ можетъ случиться.

Г. Богатоновъ. Какъ можно ошибиться! какъ не узнать съ
перваго взгляда знатнаго человѣка. Ахъ я животное! А тебѣ не
стыдно не шепнуть мнѣ на ухо!

Мирославскій. Вѣдь я говорилъ, чтобъ послѣ не пенять.

Г. Богатоновъ. И, братецъ! да кому придетъ въ голову, что
его сіятельство графъ Владимировъ будетъ такъ низко кланяться.

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ, графъ, боитесь ли вы Бога: вамъ
надобно было, какъ знатному человѣку, чуть-чуть кивнуть головою.

Г. Богатоновъ. Человѣкъ! (Приходить). Зови скорѣе всѣхъ сюда! Ваше сіятельство! позвольте мнѣ представить вамъ мою старуху и племянницу.

Графъ. Я сочту себѣ за большую честь.

Г. Богатоновъ. Помилуйте; честь вся для нихъ! Да прошу покорно садиться!

Графъ. Для чего же вы не изволите сами сѣсть, г. Богатоновъ?

Г. Богатоновъ. И, ваше сіятельство, я постою; вѣдь у меня отъ этого ноги не отвалятся. Сдѣлайте милость.

Графъ. Я не сяду прежде васъ.

Г. Богатоновъ. Если вы приказываете. (Въ сторону). Какъ онъ вѣжливъ! Ну, кто бы подумалъ, что у него четыре тысячи душъ!

Сцена эта, какъ и многія у Загоскина, полна комизма. „Читая «Богатонова», — говоритъ Аксаковъ, — чувствуешь почти на каждой страницѣ это, такъ сказать, *проступаніе* *) природнаго комическаго дарованія; нѣкоторыхъ сценъ и теперь нельзя прочесть безъ смѣха, а живая человѣческая рѣчь слышна у всѣхъ, даже иногда у добродѣтельныхъ людей. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, какъ долженъ былъ нравиться «Богатоновъ» въ 1817 году. Оно такъ и было: какъ современникъ Загоскина, я имѣю полное право удостовѣрить въ томъ читателей“¹⁸⁾.

Такъ какъ „Богатоновъ“ публикой былъ принятъ очень хорошо, то естественно, что нападки критики, которая не обходилась и безъ придиорокъ и личностей, раздражали Загоскина—и онъ, какъ уже выше сказано, помѣстилъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ свои „Театральныя сѣни“. Эта статья сильно напоминаетъ „Театральный развѣздъ“ Гоголя и формой, и цѣлью, и самымъ заглавіемъ. Вотъ эта статья.

Въ сѣняхъ театра, среди расходящейся уже публики, разговариваютъ два молодыхъ человѣка. Одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій въ театръ ужъ послѣ третьяго акта и нашедшій, что въ послѣднихъ двухъ есть забавныя сцены, спрашиваетъ у другого его мнѣніе о новой пьесѣ.—„Я спалъ во все представленіе: ты знаешь, вчера я цѣлую ночь игралъ: баронъ замучилъ меня своимъ вистомъ“,—отвѣчаетъ тотъ и, увидавъ литератора Звонова, обращается къ нему:

— Что вы скажете про пьесу?

*) Т.-е. проступаніе сквозь условную оболочку французской теоріи.
ист. рус. лит. XIX в.

Звоновъ. Гмъ! Пьеса хоть куда; развѣ вы не видѣли, какъ смѣялся партеръ?

2-й молодой человекъ. А вы?

Звоновъ. Я также смѣялся — надъ бѣднымъ партеромъ.

2-й мол. чел. Какъ вы язвительны, г. Звоновъ!

Звоновъ (съ довольнымъ видомъ). Неужели! Я, право, не хотѣлъ ничего сказать колкаго.

1-й мол. чел. Поэтому вы думаете, что эта комедія...

Звоновъ. Простой фарсъ, и больше ничего. Первые три акта сухи, четвертый совершенно лишній, а пятый никуда не годится. Впрочемъ я не говорю, чтобъ она была дурна.

2-й мол. чел. Впрочемъ вы не говорите, что она дурна:—ну, какой же вы насмѣшникъ, г. Звоновъ!

Звоновъ. (улыбаясь). Помилуйте!

1-й мол. чел. А! Вотъ и общій нашъ знакомецъ — Педантинъ. Какое у него сердитое лицо!

Педантинъ. Здравствуйте, господа!

2-й мол. чел. Вы, кажется, что-то раздосадовались, любезный Педантинъ.

Педантинъ. Да есть ли возможность не сердиться! Вообразите, я слышалъ... Вы не повѣрите мнѣ... я слышалъ самъ, что многіе хвалятъ сегодняшнюю пьесу.

2-й мол. чел. Ну такъ что же?

Педантинъ. Какъ что? Хвалить такую пьесу, въ которой все чужое, въ которой выкрадено все изъ чужихъ комедій! Въ ней есть торговка, такъ же какъ и въ „Модной лавкѣ“; въ ней старикъ становится на колѣни, а въ „Бригадиръ“ старый совѣтникъ дѣлаетъ то же самое; въ ней говорятъ: „нѣтъ, дядюшка!“ А у Мольера или Реньяра,—не помню, въ какой комедіи,—говорятъ: „нѣтъ, батюшка“.

Звоновъ. Да, да, ваша правда: нѣтъ, батюшка точно, точно есть у Мольера.

2-й мол. чел. О! это бездѣлица!.. Загляните лучше въ лексиконъ, г. Педантинъ: я увѣренъ, что изъ него выкрадена вся комедія.

Звоновъ. Шутите, шутите! А я могу васъ увѣрить, что даже глупа сцена съ французскимъ табакомъ...

Педантинъ. Да, кстати! Надобно отдать справедливость автору: въ его комедіи больше табаку, чѣмъ соли.

1-й мол. чел. Bravo, bravo! прекрасный каламбуръ.

Звоновъ (съ важнымъ видомъ). Это не дурно сказано.

2-й мол. чел. Что вы на меня глядите, г. Педантинъ? Не безпокойтесь, я смѣюсь — ха! ха! ха! — Какъ бишь это? Повторите еще! Да куда же вы торопитесь?

Педантинъ. Прощайте, господа: я спѣшу, мнѣ надобно кой-куда заѣхать (Идетъ къ подъѣзду).

2-й мол. чел. Сказать ваше острое словцо; въ самомъ дѣлѣ, ступайте — неравно вы его забудете.

Звоновъ. Говорите, что угодно, а комедія все-таки никуда не годится.

2-й мол. чел. Однакоже зрители *аплодировали*.

Звоновъ. И, сударь! У автора есть родня, пріятели...

2-й мол. чел. И то быть можетъ: совсѣмъ тѣмъ, онъ гораздо счастливѣе васъ, г. Звоновъ: когда давали въ первый разъ вашу драму, то вамъ не помогли и пріятели. Вы ѣдете?

Звоновъ. Да, сударь...

Уѣзжаютъ и оба молодыхъ человѣка: 1-й изъ нихъ торопится въ клубъ сказать, что новая комедія никуда не годится. — „Да почему же?“ — спрашиваетъ его 2-й. — „Забавный вопросъ“, — говорить 1-й: — „ее бранили двое, а хвалишь ты одинъ“¹⁹⁾.

Мы уже не разъ встрѣчали у нашихъ писателей осмѣяніе стихобѣсія. Оно зародилось во Франціи и потомъ перешло къ намъ. Расплодилось множество бездарныхъ сочинителей, которые, какъ извѣстно, отличаются и страстью отыскивать себѣ слушателей и „душить“ ихъ своими произведениями. Мало-помалу вошли въ моду и литературные вечера — дѣло само по себѣ очень хорошее, но оно можетъ сдѣлаться и смѣшнымъ, если за него примутся самонящіе бездарности. Литературные вечера, устраиваемые такими бездарностями и осмѣялъ Загоскинъ въ своей комедіи: „Вечеринка ученыхъ“ (предст. въ первый разъ въ петербургск. Маломъ т. 12 ноября 1817 г.). Въ ней три дѣйствія.

Схема обычная: Софья и Болеславскій — пара влюбленныхъ; госпожа Радугина, старшая сестра Софьи, прочить ее за князя Вячеславина; родной братъ обѣихъ сестеръ — Волгинъ — покровительствуетъ влюбленнымъ. Но любовная интрига въ этой комедіи отходитъ на второй планъ, ее какъ-то мало и замѣчаешь, а въ глаза бросается главнымъ образомъ осмѣяніе бездарныхъ писаекъ и ихъ литературныхъ затѣй.

Главная затѣйница — госпожа Радугина, живущая въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ. Она не имѣетъ рѣшительно никакого таланта, но ее одолеваетъ страсть къ писательству, и она сочиняетъ

не только мелкіе стихи, но—какъ выражается Волгинъ—и „пре-толстыя драмищи“. Радугина очень заботится, чтобы въ обстановкѣ ея литературныхъ вечеровъ все было по формѣ: большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, кругомъ него стулья, на столѣ разложенные листы чистой бумаги и большой запасъ сахарной воды. Бездарная литературная сошка очень охотно посѣщаетъ ея вечера, потому что хозяйка кормитъ хорошимъ ужиномъ. Представителями этой сошки являются литераторы—Шмелевъ, Сластилкинъ, Снѣгинъ и Дребедневъ.

Вотъ наиболѣе забавныя сцены, комизмъ которыхъ увеличивается разными замѣчаніями и восклицаніями Волгина, не раздѣляющаго страсти Радугиной къ писательству и умѣющаго оцѣнить по достоинству литературную дѣятельность и ея самой и ея кружка.

ИЗЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

Явленіе первое.

С А Ш А *) (одна).

Всѣ добрые люди давно уже отобѣдали, а барыня все еще читаетъ свою драму. Ну, видно, она хочетъ совсѣмъ доконать своихъ гостей. Каково имъ бѣдненькимъ два часа сряду, какъ куколкамъ, не смѣтъ ни чихнуть ни кашлянуть...

Изъ явленія шестого.

РАДУГИНА (Софья). Ты читала мои стихи подъ названіемъ: „Оиміамъ Музамъ?“

СОФЬЯ. Читала, сестрица.

РАДУГИНА. Но ты не знаешь, что я послала ихъ вчера къ Шмелеву**), съ просьбою напечатать ихъ въ журналѣ.

СОФЬЯ. Нѣтъ, сестрица.

РАДУГИНА. Мнѣ хотѣлось сдѣлать сюрпризъ моимъ знакомымъ, и для того я скрыла мое имя; Шмелевъ не знаетъ, кто сочинялъ ихъ, слѣдственно скажетъ о нихъ откровенное свое мнѣніе. Я постараюсь завести объ этомъ рѣчь, и ты услышишь самъ, братецъ.

ВОЛГИНЪ. Услышу! услышу!

Изъ явленія седьмого.

РАДУГИНА. Не получили ли вы чего-нибудь новаго на этой недѣлѣ?

*) Горничная Софья.

**) Шмелевъ — журналистъ.

Шмелевъ. На нынѣшней... бездѣлицу! два посланія изъ Вятки, три элегіи изъ Саратова, четыре баллады изъ Петербурга, двадцать эпиграммъ отъ здѣшнихъ авторовъ, да одну торжественную оду изъ Уфы.

Радугина. И больше ничего?

Шмелевъ. Ничего... Ахъ, нѣтъ! извините: я было забылъ про самую интересную пьесу — какой-то „Оиміамъ Музамъ“ отъ неизвѣстнаго.

Радугина (тихо Волгину). Слышишь ли? самую интересную.

Шмелевъ. Она подлинно заслуживаетъ большое вниманіе!

Радугина (тихо Волгину). Слышишь ли?

Шмелевъ. Мнѣ не удавалось читать еще никогда такой несравненной, такой превосходной...

Радугина. Неужели!

Шмелевъ. Нелѣпости! я не понялъ изъ нея ни одного слова.

Волгинъ. Слышишь ли, сестра?

Радугина (тихо Волгину). Молчи, братецъ!

Князь. Что жъ вы сдѣлали съ этимъ „Оиміамомъ“?

Шмелевъ. Раскурилъ имъ трубку.

Волгинъ. Слышишь ли, сестра?

Радугина (тихо). Братецъ!

Софья. Какое жестокосердіе!

Шмелевъ. Напротивъ, я изъ состраданія къ бѣдному автору не хотѣлъ ихъ напечатать.

Радугина (съ скрытою досадою). Я думаю, онъ обошелся бы и безъ вашего состраданія, г. Шмелевъ.

Шмелевъ. Въ этомъ я увѣренъ; онъ, вѣрно, не чувствуетъ моего благодѣянія.

Радугина. Надобно признаться, г. Шмелевъ отмѣнно строго ко всѣмъ, выключая самого себя.

Шмелевъ. Какъ, сударыня!

Радугина. Да, сударь, я совѣтовала бы вамъ посматривать иногда и на то, что вы сами пишете.

Шмелевъ (въ сторону). Что это значить? Неужели!

Волгинъ (громко). Сестра! что жъ ты сердишься? Вѣдь такъ всѣ узнаютъ, что стихи-то твои.

Радугина (съ жаромъ). Да, сударь, они мои, и я, не смотря на всѣхъ журналистовъ въ свѣтъ, не стыжусь назвать ихъ своими.

Шмелевъ. Прекрасно! наконецъ вы сами попались; и вы думали, сударыня, что я не узнаю ваши стихи оттого, что вы не подписали своего имени?

Радугина. Какъ! вы знали...

Шмелевъ. Да, сударыня, вы скрыли свое имя; но могли ли вы скрыть эти красоты поэзіи, эту прелесть слога, которая однимъ вамъ свойственна?

Радугина. Что же должна я думать?

Шмелевъ. Что я хотѣлъ заставить васъ признаться, и для того долженъ былъ тронуть авторское самолюбіе, впрочемъ простительное для женщины съ вашимъ талантомъ; я спорилъ объ этихъ стихахъ съ княземъ; онъ не хотѣлъ вѣрить, что они ваши. Ну, князь, теперь видите, кто изъ насъ правъ.

Князь. Признаюсь, сударыня, я всегда былъ увѣренъ въ дарованіяхъ вашихъ; но эти стихи...

Радугина. Прошу покорно! надобно же быть душой, чтобъ не догадаться. Ну, г. Шмелевъ, подѣли же вы меня.

Волгинъ. Вывернулся! какъ вывернулся, проклятый!

Князь (тихо Шмелеву). Вы хорошо отдѣлались!

Шмелевъ. Не совѣмъ: мнѣ надобно ихъ завтра напечатать, а я...

Князь. Погодите. (Громко). Сударыня, завтра ваши стихи будутъ напечатаны, но мнѣ бы очень приятно было прочесть ихъ прежде...

Радугина. Я очень рада вамъ услужить: вы сегодня получите съ нихъ копію.

Князь. Надѣюсь, вашей руки?

Радугина. Если вы хотите.

ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

На сценѣ столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

Изъ явленія восьмого.

(Всѣ садятся за столъ, выключая Софи, Волгина и Болеславскаго.)

Радугина. Г-нъ Сластилкинъ, не угодно ли вамъ начать.

Сластилкинъ. Сейчасъ, сударыня. (Вынимаетъ бумаги, кашляетъ и начинаетъ читать). „Вздохи души моей, или мысли и мечтанія при лунномъ свѣтѣ“.

Волгинъ. А смѣю спросить, батюшка, много ли листовъ въ этихъ вздохахъ?

Радугина. Тсъ! братецъ, прошу не прерывать чтенія. Продолжайте, г-нъ Сластилкинъ.

Сластилкинъ (читаетъ). Какая глубокая тишина! какое

мертвое молчаніе! Все тихо, все предано сну; вся природа дремлетъ одинъ я лишень покоя. Увы! сонъ бѣжитъ несчастныхъ! я сижу подь тѣнью вѣтвистаго дуба, на берегу морского ручейка; вздохи мои мѣшаются съ бурнымъ его журчаніемъ, и ночное эхо разноситъ ихъ по воздуху. Ахъ! сказалъ я... (Перевертываетъ листъ). Ахъ! сказалъ я... (Снова перевертываетъ).

Волгинъ. Ну, сударь: ахъ! сказали вы.

Сластилкинъ. Что это значить? изъ самой середины не достаетъ одного листа.

Радугина. Неужели?

Сластилкинъ. Я не знаю, куда онъ дѣвался. Вѣрно, я оставилъ его, когда здѣсь писалъ.

Саша. На столѣ, сударь, валяется листъ, весь измаранный.

Сластилкинъ. Гдѣ же онъ?

Саша. Онъ, сударь... онъ...

Радугина. Да скажешь ли ты?

Саша. Ахъ, сударыня! я... виновата, я думала, что онъ ни на что не годится, и...

Сластилкинъ. Да гдѣ же онъ?

Саша (показывая на свѣчи). Вотъ здѣсь, сударь.

Сластилкинъ. Боже мой! она подвернула имъ свѣчи.

Волгинъ. Ха! ха! ха! ай да Саша!

Радугина. Прошу покорно! ахъ ты негодница! Да дѣлать нечего. Добро ты, голубушка! Господа, не угодно ли вамъ. (Дребедневъ и Снѣгинъ начинаютъ вмѣстѣ читать).

Дребедневъ. „Къ Полигимнѣ, ода, строфа первая“.

Снѣгинъ. „Погибшее дитя, романтическая повѣсть“.

Шмелевъ. Поодинокѣ, господа, ради Бога, поодинокѣ!

Снѣгинъ. Очень хорошо, я начну первый.

Дребедневъ. Вы можете погодить, г. Снѣгинъ.

Снѣгинъ. А почему бы такъ, если смѣю спросить, г. Дребедневъ?

Волгинъ. Послушайте-ка, господа, читайте вмѣстѣ, авось этакъ скорѣй кончите.

Радугина. Мнѣ пріятно видѣть, господа, такое благородное рвеніе; но я полагаю, что намъ лучше начать съ оды. Г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ. Гмъ! гмъ! „Къ многопѣсной Полигимнѣ ода“, то-есть лирическое произведеніе.

Шмелевъ. Благодаримъ за поясненіе.

Дребедневъ. Я представляю на разсмотрѣніе почтеннаго

общества только двѣ строфы сей оды—произведение минуты пла-
меннаго восторга!

Къ Полигимнѣ.

Небо пылаеть, грозныя тучи
Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ;
Бури волнують воды зыбучи;
Въ страхѣ Эратой дышитъ Эротъ!
Кто се грядетъ къ намъ со свода небесна?
Ты ль, Полигимна? ты ль, многопѣсна?
Твой ли священный образъ я зрю?
Полно жъ пѣть мнѣ, речеть гордыни,
Сѣять для риѣмы гнусныя дыни,—
Духомъ теперь я къ небу вспарю!

Радугина. Что твой Ломоносовъ! какая быстрота!

Снѣгинъ (важно). Строфа достойна Пиндара и Горація.

Сластилкинъ. Небо пылаеть! грозныя тучи!

Радугина. Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ.— Какая
величественная картина!

ДРЕБЕДНЕВЪ.

Тщетно уранги, буйно строптивы,
Сиятся стрѣлы въ грудь мнѣ вонзить;
Черви, грызущи тощія нивы,
Могутъ ли птицу Зевеса язвить?
Горе крамольнымъ, если воспряну!
Палицей грозной въ дерзкихъ я гряну!
Всѣ обратятся мигомъ во прахъ!..
Ужасъ пройдетъ отъ рода до рода;
И отъ земли до небеснаго свода
Слухъ о моихъ разнесется дѣлахъ!

Радугина. Превосходно! какой лирической безпорядокъ!

Сластилкинъ. Какая описательная поэзія!

Снѣгинъ. Какое звукоподражаніе!

Радугина. Палицей грозной! то-есть грозной палицей,
гнетущей палицей!

Сластилкинъ. Прелестно!

Волгинъ. Чертъ возьми, если я тутъ хоть одно слово
понимаю!

Радугина. Бѣдненькій! мнѣ, право, тебя жаль. Какъ до-
садно, г. Дребедневъ, что ода вышла некончена: мы лишены
большаго удовольствія.

Дребедневъ. О! сударыня, вы слишкомъ милостивы.

Радугина. Г-нъ Снѣгинъ! у васъ есть что-то новенькое?

Снѣгинъ. Да, сударыня, это такъ, милая бездѣлка въ

нѣмецкомъ мрачномъ родѣ, гдѣ все дышитъ въ ней истиннымъ чувствомъ и простотою.

ДРЕБЕДНЕВЪ. Г-нъ Снѣгинъ охотникъ до предисловія.

Снѣгинъ. Сюжетъ самый простой, самый невинный! Мальчикъ въ глухую осеннюю полночь ушелъ, потихоньку отъ отца удить рыбу въ пустынномъ озерѣ. Водяные черти утащили его на дно, и несчастный погибъ невозвратно. Тутъ есть много поэтическихъ картинъ: мрачныя небеса и свѣтлая луна, тихое шептаніе вѣтерка и грозное завываніе водяной сволочи, скрежетъ зубовъ, визгъ, гудъ, гулъ, пискъ и прочія принадлежности. (Вынимаетъ толстую тетрадь и кладетъ на столъ).

Волгинъ (вскакиваетъ). Помилуй Господи! что это такое?

Радугина. Что ты, братецъ?

Волгинъ. Какъ что? посмотри-ка, какую онъ тетрадищу вывалилъ!

Снѣгинъ. Въ ней всего пятьдесятъ листовъ.

Волгинъ. Только-то? Нѣтъ, сестра, слуга покорный! Слушай эту милую бездѣлку кто хочетъ, а я...

Князь. Въ самомъ дѣлѣ, г. Снѣгинъ, ваше сочиненіе немало велико.

Снѣгинъ. Помилуйте, я берусь оную кончить съ небольшимъ въ два часа.

Однако общество отъ слушанія Снѣгина отказалось, и вечеръ закончился стихами, прочитанными княземъ, къ большому конфузу послѣдняго, ибо стихи оказались украденными, и авторъ ихъ былъ тутъ на лицо. Они принадлежали Болеславскому.

Аксаковъ въ 1852 г. писалъ объ этой комедіи: „Можетъ быть, литераторы и журналисты, выведенные въ пьесѣ, покажутся лицами неестественными, преувеличенными; но такія лица не только бывали тогда, но даже и теперь можно отыскать имъ подобныхъ, конечно, уже людей не молодыхъ, которые въ свѣтскомъ кругу низшаго слоя считаются даровитыми писателями. Нѣтъ, не призраки они были, а взяты изъ жизни, списаны съ натуры, и единственно потому эта небольшая комедія, своимъ третьимъ актомъ, всегда возбуждала общій смѣхъ и рукоплесканія зрителей петербургскаго театра. Я видѣлъ ее потомъ, уже въ 1821 г., въ Москвѣ, и публика также смѣялась и также хлопала“²⁰⁾.

Въ комедіи: „Вечеринка ученыхъ“ Загоскинъ между прочимъ задѣлъ и своихъ критиковъ, особенно Измайлова. Въ

8-мъ явленіи I-го дѣйствія на замѣчаніе Софьи: „Ну какъ можно критиковать то, что хорошо“, Шмелевъ отвѣчаетъ: „О сударыня! ничего нѣтъ легче! Стоитъ только изъ книги выписать всѣ дурныя мѣста, а умолчать о хорошихъ — такъ дѣло и сдѣлано“.

Однако нельзя пропустить безъ вниманія еще одного мѣста въ этой комедіи. Загоскинъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы шипнуть своихъ соотечественниковъ, зараженныхъ чужебціемъ. Такъ Радугина у него, расхваливая образованность князя Вячеславина, вмѣняетъ ему въ заслугу, что онъ „всѣми языками говоритъ лучше, чѣмъ по-русски“ (Д. I, явл. 5).

Что въ „Вечеринкѣ ученыхъ“ Загоскинъ между прочимъ осмѣялъ напыщенные оды, крайности сентиментализма и любовь къ романтическимъ страхамъ, — это ясно само собой. Осмѣяніе увлеченія крайностями сентиментально-романтическаго направленія есть и въ другой пьесѣ Загоскина: въ комедіи: „Романъ на большой дорогѣ“ (1818 — 1819).

Говоря о „Полубарскихъ затѣяхъ“ князя Шаховскаго, мы уже имѣли случай замѣтить, что съ конца XVIII-го вѣка въ нашемъ обществѣ начала распространяться страсть къ театру, вызвавшая между прочимъ и желаніе устраивать домашніе спектакли. Скоро это занятіе стало не только слѣдствіемъ увлеченія, но нерѣдко и дѣломъ моднымъ, которому отдавались, чтобы не отстать отъ другихъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ домашніе спектакли имѣли свою хорошую сторону, но имѣли и дурную, а часто сопровождалась и явленіями весьма комическими ²¹⁾. Смѣшную сторону ихъ осмѣялъ Шаховской, а позднѣе и Загоскинъ — въ комедіи: „Благородный театр“, впервые появившейся на сценѣ 28-го декабря 1827 г. Она въ четырехъ дѣйствіяхъ, написанныхъ стихами.

Эта комедія задумана была Загоскинымъ еще задолго до ея появленія, такъ какъ онъ писалъ о ней Гнѣдичу изъ Москвы еще въ 1821 г. „Не подумай однакоже, мой другъ“, — говорилъ онъ, — „чтобы я хотѣлъ осуждать сіе благородное и пріятное занятіе. Нѣтъ, мнѣ хочется посмѣяться только надъ тѣми, кои дѣлаютъ изъ сей забавы государственное дѣло. Я игралъ самъ здѣсь въ трехъ труппахъ и замѣтилъ отмѣнно много забавнаго. Сколько интригъ, происковъ и сплетней, чтобъ отбить у другого ролью! Какія хитрости, чтобы переманить хорошаго актера изъ чужой труппы въ свою! Сколько молодыхъ людей, которымъ маменьки не позволяютъ съ дочерьми сказать два слова, и кото-

рые болтають съ ними, что хотять, за кулисами“ 22). Подобныя мысли развиваются и въ комедіи однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ — Честоновымъ (Д. I, явл. 10):

Интригамъ нѣтъ конца; насмѣшки, сплетни, лесть...
А ссоры вздорныя нельзя и перечестъ:
Одинъ желаетъ быть отцомъ, другой тираномъ;
Тотъ ролю выплакалъ, тотъ взялъ ее обманомъ;
Та теткой хочетъ быть, тотъ просится въ слуги,
Тому любовника давай — ну, вонъ бѣги!
И словомъ, группа вся, — признаться должно въ этомъ, —
Прекраснымъ можетъ быть комическимъ сюжетомъ.

Сюжетъ, конечно, благодарный — и „Благородный театр“ признается лучшей комедіей Загоскина, не по серьезности содержания, разумѣется, а по выдержанности характеровъ, по отдѣлкѣ типовъ, по множеству забавныхъ сценъ, возбуждающихъ веселый смѣхъ, и наконецъ по прекрасному, живому разговорному языку, легко укладывающемуся въ стихи. Эта комедія и теперь читается легко и съ удовольствіемъ: она жива, весела и естественна.

Сюжетъ ея немудреный. Богатый житель провинціального города — Любскій — устраиваетъ у себя въ домѣ благородный спектакль. Постановкой пьесы завѣдуетъ авторъ ея — Посошковъ. Ему за пятьдесятъ лѣтъ, но у него „шестьсотъ наличныхъ душъ, луга, лѣсныя дачи“, и потому Любскій выбралъ его въ женихи своей племянницѣ, молодой дѣвушкѣ — Ольгѣ, которая однако любитъ влюбленнаго въ нее Вельскаго. Любскій хочетъ отказать этому молодому человѣку отъ дому, но рѣшается сдѣлать это не раньше, какъ ужъ послѣ спектакля, въ которомъ Вельскій играетъ роль Эраста, любовника Лизы; а роль послѣдней взяла себѣ Ольга. Отказаться же отъ постановки спектакля нельзя: на него уже приглашено все высшее общество города. Между тѣмъ Вельскій, покровительствуемый Честоновымъ, другимъ дядей Ольги, во время репетиціи уговариваетъ ее бѣжать съ нимъ и тайно обвѣнчаться. Гости уже съѣзжаются, а Вельскаго и Ольги нѣтъ. Любскій въ безвыходномъ положеніи. Но молодые являются отъ вѣнца и соглашаются выйти на сцену, однако лишь подъ условіемъ, чтобы имъ простили ихъ самовольство. Любскій радъ — не радъ, а прощаетъ.

Самое комическое лицо въ пьесѣ — Посошковъ. Онъ страстно преданъ театральному дѣлу, сочиняетъ пьесы для спектаклей и играетъ на сценѣ, понимаетъ драматическое искусство, умѣетъ чувствовать и цѣнить его, и вообще онъ человѣкъ не глупый,

но до того увлекается за любимымъ занятіемъ, что ужъ не видитъ и не понимаетъ, что вокругъ него дѣлается, не догадывается, почему Вельскій такъ горячо ведетъ свою роль на репетиціи, не догадывается, что она какъ-разъ совпала съ его чувствами и намѣреніями, не понимаетъ всего комизма своего положенія.

Вотъ нѣсколько сценъ съ Посошковымъ. Дѣйствіе второе, явленіе второе. На сценѣ происходитъ репетиція пьесы.

Посошковъ.

Постойте!

(Смотритъ въ тетрадь).

Явленье пятое... да! Точно съ этихъ поръ
Мы можемъ повторить. А гдѣ же нашъ суфлеръ?

Извѣдовъ.

Я здѣсь, сударь.

Посошковъ.

Вотъ стулъ, прошу садиться.

Возьми комедію... да чуръ—не торопитесь!
(Вельскому). Вы въ этомъ дѣйствіи отиѣнно хороши;
(Оленькѣ). А въ васъ бы я желалъ побольше души.
Натура и душа!— безъ этихъ двухъ условий
Искусство — ничего.

Извѣдовъ (въ сторону).

Нельзя безъ предисловій.

Прикажете начать?

Посошковъ.

Да, душенька, начни.

Извѣдовъ.

Явленье пятое. Сначала вы одни,
Потомъ Эрасть.

Посошковъ.

Живѣй какъ можно эту сцену!

Извѣдовъ (Наташѣ). *)

Извольте. Вамъ.

Наташа (Оленькѣ).

„Я въ васъ большую перемѣну

„Сегодня нахожу.

„Быть можетъ, васъ я этимъ разсержу;

„Но, право, мнѣ смѣшно: вы плакали въ постелѣ,

„Теперь вздыхаете... неужто въ самомъ дѣлѣ

„Бойтесь вы?...“

Оленька.

„Всего!

„Ахъ, Машенька! я такъ люблю его!

„И вотъ ужъ пятый день...“

---

*) Наташа—горничная Ольги; она играетъ роль *Машки*, горничной Лизы.

Н а т а ш а .

„Къ окну онъ не подходитъ.

„Такъ это-то съ ума васъ сводить?

Да онъ ужъ не живетъ напротивъ насъ“.

О л е н ь к а .

„Возможно ли? Эрасть...“

Н а т а ш а .

„Изъ нашего сосѣдства

„Давно ужъ выѣхаль, и, вѣрно, ищеть средства

„Увидѣть ближе васъ.

„Вашъ опекунъ хитеръ, а онъ еще хитрѣе

„И, можетъ быть...“

О л е н ь к а .

„А мнѣ такъ кажется вѣрнѣе,

„Что онъ уѣхаль изъ Москвы“.

Н а т а ш а .

„Да вотъ онъ на лицо“.

О л е н ь к а .

„Возможно ль? это вы?

П о с о ш к о в ь .

Не то, совсѣмъ не то! Простое удивленье

Не значить ничего. Гдѣ жъ радость, восхищенье?

Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! Вы слишкомъ холодны...

Не правда ль, что въ него вы страстно влюблены?

Н а т а ш а .

Конечно, такъ.

П о с о ш к о в ь .

Что съ нимъ и видѣться хотѣли?

Что онъ любовникъ вашъ... Ну, вотъ и покраснѣли!

Охъ, эта скромность мнѣ! Пора вамъ быть смѣлѣй.

Н а т а ш а .

Я то же говорю.

П о с о ш к о в ь .

Скажите веселѣй:

„Возможно ль? это вы!“ Ну, что же! Говорите!

О л е н ь к а .

„Возможно ль! это вы?...“

П о с о ш к о в ь .

Куда же вы смотрите?

Смотрите на него; онъ главный персонажъ.

В е л ь с к і й .

„Да, Лиза, это я — любовникъ вѣрный вашъ!

„Я съ вами, вижу васъ... и все теперь — разлуку,

„Печаль, тоску... все, все забылъ!“

П о с о ш к о в ь (Вельскому).

Цѣлуйте руку!

Оленька.

„Вы здѣсь, Эрасть! И вы пять дней могли
„Не видѣться со мной!“

Наташа.

„Да будьте жъ съ нимъ построже:
„Легко ль, пять дней!—На дѣло не похоже!
„Мы чуть было отъ васъ въ постелю не слегли;
„Съ утра до вечера все плакали, грустили...“

Вельскій.

„Я ѣздилъ изъ Москвы“.

Наташа.

„Вы ѣздили? Куда?“

Вельскій (Оленькѣ).

„Но вы вездѣ со мною вмѣстѣ были!

„Вы здѣсь—и навсегда!“

Оленька (Наташѣ).

„Ахъ, какъ онъ милъ!“

Вельскій.

„Я съ вами разставался

„Затѣмъ, чтобъ вѣчно вашимъ быть:

„Я ѣздилъ къ дядюшкѣ, во всемъ ему признался,

„Клялся ему васъ вѣкъ любить;

„Кто чувствуетъ, какъ я—тому краснорѣчивымъ

„Не трудно быть: я всѣ сомнѣнья превозмогъ,

„Онъ мнѣ позволилъ быть счастливымъ.

„Теперь я здѣсь, у вашихъ ногъ!

„Отъ вашего зависить приговора

„Все счастье, жизнь моя...“

Посошковъ.

Ахъ, если бы актера

Еще такого намъ!

Вельскій.

„Скажите только: да!

„И я навѣки, навсегда

„Любовникъ вашъ, супругъ...“

Посошковъ.

Прекрасно, превосходно!

Вотъ истинный талантъ!

Оленька.

„Притворство мнѣ не сродно...

„Я васъ люблю, Эрасть!“

Посошковъ (Вельскому).

Подвиньтесь ближе къ ней.

Оленька.

„Но я, къ несчастію, свободы не имѣю

„Располагать собой“.

Наташа.

„Я васъ не разумѣю“.

Оленька.

„Мой опекунь...“

Наташа.

„Да что онъ за указъ?“

„И есть ли что-нибудь съ нимъ общаго у васъ?“

„Онъ старъ, вы молоды; онъ дурень, вы прекрасны.“

Вельскій.

„Что значить власть опекуна,

„Когда вы будете согласны

„Супругой быть моей?“

Оленька.

„Такъ я должна...“

Наташа.

„Должны, какъ слѣдуетъ, сначала колебаться,

„Твердить о томъ, о семъ,

„Поплакать — и потомъ

„Сегодня убѣжать, а завтра обвѣнчаться.“

Лиза колеблется. Вельскій-Эрастъ возражаетъ ей съ необыкновеннымъ жаромъ. Посошковъ въ восторгѣ отъ его игры — и говорить.

Какое совершенство!

Ну, Вельскій, признаюсь, отъ васъ я безъ ума!

Вельскій.

Не дурно я сыгралъ?

Посошковъ.

Какъ Гаррикъ, какъ Тальма,

Почти, какъ я!

Очень много веселаго комизма въ той сценѣ, гдѣ Посошковъ учитъ Вельскаго-Эраста, какъ онъ долженъ дурачить опекуна Лизы, который вмѣстѣ съ тѣмъ и женихъ ея. А роль опекуна и исполняетъ самъ Посошковъ. Выслушавъ реплику Вельскаго, онъ замѣчаетъ ему:

Эхъ, батюшка, не то! Вамъ должно обозначить Насмѣшку тутъ: вѣдь вы должны меня дурачить.

Наташа.

Да онъ, мнѣ кажется, и такъ дурачить васъ.

Посошковъ.

Побольше тонкостей! Играя въ первый разъ,

Ихъ всѣ нельзя схватить; а вы, сударь, не вновь:

Вамъ стыдно ихъ не знать.—„Уродъ!“—При этомъ словѣ

Взгляните на меня.

Вельскій (повторяя).

„Сѣдой старикъ! скупецъ!..“

Посошковъ.

Вотъ, такъ!

Вельскій.

„Уродъ!“

Посошковъ.

Брависсимо!

Вельскій.

„Глупецъ!“

Посошковъ.

Отлично! Хорошо!

Но особенно забавень Посошковъ, когда онъ интимную бесѣду Вельскаго съ Ольгой, уговаривающаго ее бѣжать, принимаетъ за повтореніе ими своихъ ролей (Д. III, явл. 10).

Любскій.

Что вижу! Боже мой!

Посошковъ.

Эхъ! Тише, не шумите!

Вельскій (не вида Любскаго и Посошкова).

Минуты дороги — рѣшайтесь скорѣй!

Любскій.

Возможно ли! Одна!..

Посошковъ.

Такъ что жъ?

Любскій.

И Вельскій съ ней!..

Посошковъ.

Да какъ же иначе? Они проходятъ роли.

Вельскій.

И вы колеблетесь! Когда отъ вашей воли
Зависитъ все!..

Любскій.

Какъ смѣть!..

Посошковъ.

Еще! Какой болтунъ!

Вельскій.

Рѣшитесь быть моей!..

Послѣ этихъ словъ Вельскаго, Посошковъ объясняетъ Любскому, что это какъ-разъ тотъ моментъ въ его пьесѣ, когда къ Лизѣ и Эрасту долженъ подойти опекунъ. И онъ подходит. Неожиданность его появленія смущаетъ влюбленную пару, а Посошковъ начинаетъ съ жаромъ вести роль опекуна:

„Чего жъ вы испугались?

„Вѣдь я еще не мужъ, а только что женихъ.

„Гдѣ видано!—Застать вдвоемъ однихъ!

„Да какъ вы смѣли!

„Къ чему, сударыня, зачѣмъ онъ съ вами быть?

„Что, матушка! Я вижу, онѣмѣли!..

„А васъ, сударь... А васъ“... Кой чертъ! Опять забылъ.

(Вынимаетъ роль и читаетъ по ней).

„А васъ, сударь, велю“... (Вельскому). Подвиньтесь немножко!

„Велю сейчасъ я выкинуть въ окошко!

„И этотъ сорванецъ, и этотъ глупый франтъ

„Подумать смѣлъ, что я“...

Тутъ Посошковъ, видя на лицѣ Вельскаго испугъ, приписываетъ это явленіе талантливости его, какъ актера, его способности легко придавать своему лицу соотвѣтствующій видъ, и съ восторгомъ истиннаго артиста говоритъ Любскому:

Вотъ, батюшка, талантъ!

Вотъ геній истинный! Смотрите, удивляйтесь!

Каковъ испугъ?

Любскій (съ досадою).

Хорошъ!

Посошковъ.

Да что же! Восхищайтесь!

Взгляните на него! Какъ истуканъ стоитъ!

(Оленькѣ). И вы? Брависсимо! Какой смущенный видъ!

Вотъ это мимика! — Смотрите, поблѣднѣла!

Давно ль двухъ словъ сказать порядкомъ не умѣла?

А все вѣдь я... (Вельскому). Одно замѣтить должно вамъ:

Напрасно вы къ ея бросаетесь ногамъ;

Оно не худо бы, да слишкомъ театрално.

Но испугались вы...

Любскій (поглядывая на Вельскаго).

Да! Очень натурально.

(Тихо Оленькѣ). Сто разъ я говорилъ — не быть наединѣ!

Негодная! (Громко). Ступай въ гостиную, къ женѣ.

Извѣстіе о побѣгѣ Ольги вызываетъ у Посошкова досаду не какъ у жениха, потерявшаго невѣсту, а какъ у страстнаго любителя ставить спектакли.

Какъ будто бѣ убѣжать и завтра не успѣла,

говоритъ онъ съ огорченіемъ человѣка, которому не удалась его любимая забава (Д. IV, явл. 6).

Забавны также тревоги и волненія Любскаго, создавшаго себѣ обузу въ видѣ задуманнаго спектакля, на который онъ теперь смотритъ, какъ на дѣло самой первостепенной важности. Нѣтъ долго актера Бирюлькина. Любскій ужъ сильно волнуется. — „Онъ боленъ, можетъ быть“, — замѣчаетъ ему Вельскій. — „Это не резонъ“, рѣшительно утверждаетъ Любскій. Наконецъ запоздавшій Бирюлкинъ явился и оправдывается тѣмъ, что у него были *дѣла*. —

„Дѣла-то, сударь, здѣсь“, — съ упрекомъ говорить ему хозяинъ, не признающій теперь никакихъ дѣлъ, кромѣ „благороднаго спектакля“ (Д. I, явл. 1 и 2).

Ссоры между актерами, ихъ мелкое самолюбіе и большое самомиѣніе—все это изображено въ пьесѣ Загоскина очень живо и правдоподобно. Такъ, актеръ Лилѣевъ обидѣлся замѣчаніемъ Посошкова, что онъ вмѣсто старика играетъ молодого франта, и отказался отъ участія въ спектаклѣ; бездарный Извѣдовъ мнитъ себя великимъ талантомъ, а годится лишь въ суфлеры.

Но не все въ этой пьесѣ Загоскина только забавно: есть кое-что, вызывающее иное чувство. Старикъ Бирюлькинъ жалуется Честонову, что его силкомъ привлекли къ актерствованію.

Честоновъ.

Но развѣ ты не могъ отдѣлаться отъ роли?
Зачѣмъ брался?

Бирюлькинъ.

Зачѣмъ! возьмешься по неволѣ,
Когда на старости пугнуть тебя судомъ.

Честоновъ.

Судомъ?

Бирюлькинъ.

Я думаю, извѣстны вы о томъ,
Что братцу вашему *) еще въ запрошломъ лѣтѣ,
Имѣя на бѣду покупочку въ предметъ,
Рублей до тысячи я какъ-то задолжалъ.
Хоть тысяча рублей не важный капиталъ,
Но такъ какъ у меня весь хлѣбъ побилло градомъ,
А что осталось, пришлось продать съ накладомъ, —
Къ тому же мужички не выслали оброкъ, —
Такъ деньги я внести по векселю не могъ.
Вашъ братецъ, знаете, зоветъ меня сосѣдомъ
И жалуется; ну, вотъ — однажды за обѣдомъ
Изволить говорить: — „Послушай-ка, сосѣдъ,
Заводимъ мы театръ; въ тебѣ хоть толку нѣтъ,
Однакожь такъ и быть, ступай и ты въ актеры“.
Вотъ я было и прочь. Куда-те! Хоть до ссоры!
Какъ крикнетъ, батюшка: „Со мною не шути!
Прошу играть, не то—по векселю плати!“
Да что я за актеръ? Вѣдь мнѣ шестой десятокъ.
„Не хочешь, такъ плати!“ — Дождитесь хоть святокъ,
Я все съ процентами сполна вамъ заплачу.
„Нѣтъ! Въ судъ!“ — Помилуйте! — „И слышать не хочу!
А впрочемъ не играй — вѣдь я, братъ, не неволю“.

*) Честоновъ — братъ Любскаго отъ другого отца.

Что дѣлать? Замолчалъ. Въ карманъ пихнули ролю,
Очнуться не дали...

Положеніе Бирюлькина, этого подневольнаго актера, у котораго къ тому же и „вовсе нѣтъ способностей природныхъ“, по истинѣ траги-комическое, и Гоголь, конечно, заступился бы за него, какъ заступился онъ за Акакія Акакіевича. Впрочемъ и Загоскинъ вложилъ въ уста Бирюлькина свой протестъ:

Дурачить такъ меня, ей-ей, отецъ, грѣшно!

Въ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ“ С. Аксакова есть слѣдующая замѣтка о „Благородномъ театрѣ“: „Я не видывалъ“,—говоритъ Аксаковъ,—„чтобы кн. Шаховской когда-нибудь такъ хлопоталъ о своей пьесѣ, какъ онъ хлопоталъ объ этой комедіи. Почти на всѣхъ репетиціяхъ я сидѣлъ подлѣ князя и слышалъ все его бормотанье съ самимъ собою: «Плелестъ, плелестъ»—шепталъ онъ.—«Какое богатое комическое положеніе, какая веселость, какіе счастливые стихи! Откуда это все белется?.. Господь Богъ ему посылаетъ». Одинъ разъ Шаховской даже вскочилъ, треснулъ себя по лысинѣ и закричалъ, какъ могъ, своимъ дикимъ голосомъ: «Это лучшая комедія изъ всѣхъ втолосклассныхъ фланцузскихъ комедій, котолыми плославились ихъ автолы». Актерами Шаховской также восхищался, и, по истинѣ, эта комедія была разыграна съ такимъ совершенствомъ, какого я на московской сценѣ не видывалъ. Новая комедія Загоскина была принята публикой съ непрерывающимся смѣхомъ и частымъ, но сейчасъ утихающимъ хлопаньемъ; только по временамъ или по окончаніи актовъ, взрывы громкихъ, общихъ и продолжительныхъ рукоплесканій выражали удовольствіе зрителей, которые до тѣхъ поръ удерживались отъ аплодисментовъ, чтобъ не мѣшать самимъ себѣ слушать и смѣяться“ (Полное собр. сочин. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 125—126, изд. 1886 г.).

Въ промежутокъ между появленіемъ „Вечеринки ученыхъ“ и „Благороднаго театра“ Загоскинъ написалъ еще двѣ обращающія на себя вниманіе комедіи: „Добрый малый“ (въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ) и „Урокъ холостымъ, или наслѣдники“ (въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ). Первая относится къ 1820 г., а вторая — къ 1822-му. Схема ихъ все та же; но надо замѣтить, что Загоскинъ, сверхъ того, имѣлъ еще нѣсколько излюбленныхъ именъ и давалъ ихъ своимъ героямъ. Такъ, напр., фамилія *Вельскій* встрѣчается въ нѣсколькихъ его произведеніяхъ — и все это раз-

ныя лица. Въ „Добромъ маломъ“ тоже есть Вельскій: онъ главный герой пьесы. Онъ безпутнаго поведенія, шулеръ, лжець и вообще человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, но мастеръ угодить, льстить и ухаживать за кѣмъ ему выгодно, да, кромѣ того, умѣетъ придать своимъ мерзкимъ поступкамъ видъ благовидности—и, благодаря этому, слыветъ въ обществѣ за добраго малаго. Съ такимъ взглядомъ на него несогласны лишь немногіе коротко знающіе его люди; но большинство, слыша дурные о немъ отзывы, не хочетъ имъ и вѣрить.

— Вельскій — шулеръ; онъ обыгралъ своего двоюроднаго брата,—говоритъ человѣкъ, хорошо знающій этого плута.

— Да вздоръ! это клевета,—отвѣчаютъ ему.—Чтобъ Вельскій обыгралъ своего двоюроднаго брата—быть не можетъ! Онъ, конечно, игрокъ—это правда, но со всѣмъ тѣмъ... Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!

А Вельскій какъ-разъ тутъ и явится и истолкуетъ дѣло въ свою пользу.—Я точно обыгралъ,—скажетъ онъ,—но я сдѣлалъ это изъ хорошаго побужденія. Согласитесь сами, не долженъ ли я былъ стараться удержать въ нашей фамилии родовое имѣнье, которое могло бы достаться въ чужія руки. А братъ теперь живетъ у меня въ деревнѣ, ни въ чемъ не нуждается, и гораздо счастливѣе, чѣмъ былъ прежде.

И Вельскій оправдался, и имя „добраго малаго“ не поколеблено.

Аксаковъ о типѣ Вельскаго говорилъ: „Добрый-малый — не пустое, не временное лицо, а вѣчное; Протей по своему многообразію, онъ не переведется, покуда будутъ жить люди обществомъ; я думаю даже, что и между дикарями есть своего рода добрые-малые. Хотя у Загоскина Вельскій въ дѣйствительности совсѣмъ не «добрый-малый», а настоящій мошенникъ, но въ комедіи вездѣ проведена мысль: *вотъ кого въ свѣтъ называютъ добрымъ-малымъ*“²⁸). Тутъ невольно приходитъ на мысль такая параллель: обрисовывая въ своихъ сказкахъ неблаговидные поступки двухъ старшихъ братьевъ, народъ нашъ тоже проводитъ подобную мысль: *вотъ кого въ свѣтъ называютъ умными*.

Грибоѣдовскій Загорѣцкій, конечно, близкій родня Вельскому: онъ тоже „мошенникъ, плутъ“, „лгунишка“, съ нимъ „въ карты не садись — продастъ“, — да „мастеръ услужить“. Но отношеніе общества къ Загорѣцкому нѣсколько иное.

Въ статьѣ о Крыловѣ мы уже указывали, что въ его комедіи: „Пирогъ“ есть одна сцена, напоминающая чтеніе письма

Хлестакова въ „Ревизорѣ“²⁴). Подобная же сцена есть и въ „Добромъ маломъ“: Вельскій, подобно Хлестакову, написалъ насмѣшливое письмо къ своему пріятелю, и письмо это попало въ руки Стародубова, который, зная хорошо Вельскаго, давно уже пытался открыть глаза тѣмъ, кто принималъ этого негодяя за добраго малаго. Теперь онъ показываетъ имъ письмо.

Ладова *) (взглянувъ на письмо). Что это?... (Читаетъ). «Вчера я не могъ съ тобою увидѣться: я былъ у Ладовой; эта сентиментальная дура...» Какъ, сударь! и вы осмѣлились?..

Стародубовъ. Позвольте мнѣ, я прочитаю сряду. (Беретъ письмо и читаетъ). «Вчера я не могъ съ тобою увидѣться: я былъ у Ладовой; эта сентиментальная дура засадила меня въ пикетъ съ любезной своей тетужкой; ужъ выдержалъ я пытку...»

Посидѣлова **). Что, что, батюшка?

Стародубовъ (продолжаетъ читать). «Ты не знаешь, каково играть съ скупой старухой, которая за каждую полушку готова удавиться...»

Посидѣлова. Какъ! и это тутъ написано?

Стародубовъ (показывая письмо). Посмотрите сами.

Посидѣлова. Прошу покорно, я готова удавиться за каждую полушку! Ахъ ты богоотступникъ!

Стародубовъ. Постойте, постойте! дайте кончить. (Продолжаетъ читать). «Если Рославлевъ ***) вздумаетъ опять играть, то отдѣлайся повѣжливѣе; бѣдняжка проигралъ намъ двадцать тысячъ — и чуть не сошелъ съ ума; долго ли до грѣха: проиграетъ сорокъ — и застрѣлится».

— Ну, племянникъ, что скажешь? — говоритъ Стародубовъ, дочитавъ письмо.

Сцена съ письмомъ Вельскаго однако гораздо ближе къ Гоголевской, чѣмъ сцена съ запиской Фатюева. Мы имѣемъ въ виду не только чтеніе и слушаніе писемъ, но и содержаніе ихъ.

Что касается комедіи: „Урокъ холостымъ, или наслѣдники“, то относительно ея ограничимся лишь приведеніемъ слѣдующихъ строкъ Аксакова:

„Всякая комедія, написанная прекрасными стихами, языкомъ разговорнымъ, была бы тогда замѣчательнымъ явленіемъ и безъ

*) Хозяйка дома, въ которомъ Вельскій, въ расчетъ жениться на ея падчерицѣ, старался казаться „добрымъ малымъ“.

***) Тетка Ладовой.

***) Племянникъ Стародубова, считавшій Вельскаго своимъ другомъ.

той неизмѣнной веселости и комической жизни, которой такъ много въ «Наслѣдникахъ». Публика и литераторы приняли пьесу съ восхищеніемъ; стихи въ этой пьесѣ вообще такъ хороши, что и теперь можно ихъ прочесть съ удовольствіемъ. Конечно, тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но въ этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все ихъ достоинство. Стихи Загоскина, напротивъ, при всей легкости разговорнаго языка, не пусты: въ нихъ есть содержаніе, сила, и мысль укладывается въ нихъ вся безъ остатка и безъ натяжки. Въ пьесѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, которыя бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо. Выписываю совершенно на выдержку: бѣдная дѣвушка Лиза живетъ изъ милости въ домѣ своего дальняго родственника, жена котораго, г-жа Звонкина, попрекаетъ ее бѣдностью, а сынъ ея Любимъ, влюбленный въ Лизу, ее смиренно защищаетъ:

Лиза.

Конечно, я бѣдна; но бѣдность не порокъ.

Звонкина.

А что жъ, сударыня, чай скажешь: добродѣтель!
Покойный твой отецъ, всемірный благодѣтель —
А нищій самъ, какъ ты, точь-въ-точь же разсуждалъ,
Престрогий былъ судья и взятокъ онъ не бралъ.
Тотъ домикъ выстроилъ, другой купилъ деревню,
А онъ прямехонько попалъ бы въ богадѣльню.

Любимъ.

Честнѣйшій человекъ!

Звонкина.

Скажи, сударь, гордецъ:

Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй. Что жъ вышло наконецъ?
Да что и говорить! онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ.
Служилъ въ палатѣ вѣкъ — а дочь съ сумой оставилъ.

Любимъ.

Все такъ, однакожъ онъ...

Звонкина.

Ну, полно врать — молчи!

Пошли ко мнѣ отца; а ты достань ключи
Отъ сахару — они въ столѣ; отдай ихъ Дунькѣ:
Да у меня смотри! прошу ходить по стрункѣ!
Ступай!

Какъ хорошо обрисовывается фигура Звонкиной, и какъ много слышно дѣйствительной жизни во всѣхъ ея словахъ, и какая естественность разговора! Сцены подлой угодливости на-

слѣдниковъ, когда прѣзжаетъ ихъ дядя, богачъ и холостякъ,— очень живы и смѣшны. Старикъ, хорошо понимающій своихъ наслѣдниковъ, прикидывается, что самъ хочетъ жениться на Лизѣ, и всѣ родные, смертельно перепуганные, желая удержать богатство дяди въ своей семьѣ, спѣшатъ помолвить ее за Любима, о чемъ прежде не хотѣли и слышать. Старикъ того и желалъ; онъ отдаетъ все свое имѣніе внуку“ 25).

Изъ позднѣйшихъ комедій Загоскина остановимся лишь на пьесѣ: „Недовольные“, появившейся въ 1835 г.

Со словъ Аксакова мы уже знаемъ, что Загоскинъ не выносилъ, если задѣвали Россію. Надо полагать, что досада его бывала особенно сильна, когда хулителями Россіи являлись люди пустые, ничего не желавшіе дѣлать на пользу своей родины, умѣвшіе только либеральничать на словахъ, а на дѣлѣ оставшіеся себялюбивыми эгоистами. Такихъ людей Загоскинъ и осмѣялъ въ своей комедіи: „Недовольные“. Первый „недовольный“ — это князь Иванъ Ильичъ Радугинъ. Проведя большую часть своей службы въ отпуску, князь наконецъ остался безъ мѣста и живетъ въ Москвѣ въ свое удовольствіе:

Зимою кушаетъ малину
И свѣжіе въ Крещенье огурцы,

по мясоѣдамъ задаетъ балы, а въ постъ концерты, платитъ по 50 тысячъ за картины—и наконецъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ денежномъ отношеніи. Остается или перебраться на скромное житье въ деревню, или получить выгодное мѣсто. Но въ деревню не хочется, а мѣста не даютъ — и раздраженный князь бранитъ Россію. Особенно недоволенъ онъ, когда узнаетъ изъ газетъ, что Умковъ и Зоринскій (вѣроятно, прежніе сослуживцы его) произведены въ четвертый классъ.

Ну, послѣ этого прошу въ Россіи жить,—
восклицаетъ съ негодованіемъ князь, — въ Россіи —

Жилищѣ варваровъ, звѣрей;
Землѣ, гдѣ головы всѣ пусты,
Гдѣ, кромѣ огурцовъ да кваса и капусты,
Не знаютъ ничего.

Другой „недовольный“ — сынъ князя, Владимиръ. Въ разговорѣ съ пріятелемъ своимъ Запяткинымъ онъ говоритъ ему:

Когда бъ ты зналъ Парижъ!
Вотъ жизнь, мой другъ! У насъ все гладь да тишь,
И мы спокойно всѣ отъ скуки умираемъ...

А тамъ все жизнию кипить! И всѣ въ чаду —
Старикъ и юноша, глупецъ и гений,
Всѣ пьютъ изъ чаши наслажденій!

И желаніе Владимира „пить изъ чаши наслажденій“ привело его къ тому, что онъ уволенъ былъ отъ службы. Вотъ рассказъ его объ этомъ фактѣ, характеризующій вмѣстѣ съ тѣмъ и его низкопробный либерализмъ.

Владимиръ.

Да кстати, cher ami! Поздравь, вѣдь я свободень.

Запяткинъ.

Свободень? Какъ?...

Владимиръ.

Я больше не служу.

Запяткинъ.

Давно ли ты въ отставку вышелъ?

Владимиръ.

Начальникъ мой — ты знаешь этого глупца —

При всѣхъ сказалъ, что стыдно мнѣ шататься,

Что должно дѣломъ заниматься.

А дѣло что?—Безсмыслица и вздоръ!

Вотъ я вступилъ съ нимъ въ жаркій споръ,

И доказалъ ему, что вретъ онъ очевидно.

Чтожъ онъ, мой другъ? — И вспомнить-то обидно! —

Молчать велѣлъ!

Запяткинъ.

Какой ужасный деспотизмъ!

Владимиръ.

„Къ тому жъ“ — примолвилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, —

„У васъ на всякой строчкѣ галлицизмъ,

И слово каждое съ ошибкой.

Учитесь грамотѣ“. Такой обидный тонъ

Взбѣсилъ меня! Когда жъ онъ, къ этому въ прибавку,

Осмѣлился сказать: „Подите, сударь, вонъ!“ —

Я тотчасъ объявилъ, что подаю въ отставку;

Что въ руки не возьму пера;

Что службою у насъ лишь только тотъ доволенъ,

Въ комъ нѣтъ души. И что жъ? Вдругъ узнаю вчера,

Что я отъ службы ужъ уволенъ,

И что мнѣ выдадутъ прескверный аттестатъ.

Тѣмъ лучше — очень радъ!

Я посмѣюсь надъ этой отсталюю

Толпой невѣждъ, глупцовъ, и докажу,

Какъ мало дорожу

Ихъ вздорной похвалою.

Запяткинъ — тоже изъ „недовольныхъ“: онъ рѣшительный врагъ всего національнаго, и въ одномъ мѣстѣ комедіи заявляетъ:

А я такъ думаю, что наше просвѣщенье
Начнется лишь тогда,
Когда у насъ не только что въ лакейской,
Но даже въ деревняхъ исчезнетъ борода,
И стануть всѣ ходить въ одеждѣ европейской, —

на что Глинскій, человѣкъ иныхъ воззрѣній, отвѣчаетъ съ ироніей:

Резонъ! Вѣдь нашъ мужикъ отъ этого и глупъ,
Что носить шапку и тулупъ.
Ему бы надобно, какъ умному французу,
Въ холстинную одѣться блузу
И выѣхать въ морозъ.

Но кто же этотъ европеецъ — Запяткинъ?

Да какъ бы вамъ сказать?...

Онъ не въ большихъ чинахъ, но знатенъ онъ по роду;
Не служить онъ, затѣмъ, что любитъ страхъ свободу,
И потому на счетъ другихъ живетъ;
Все русское клянеть,
Злословьемъ князя забавляетъ;
Чужіе знаетъ всѣ грѣхи;
Въ журналы отдаетъ безденежно стихи,
А деньги въ карты промышляетъ.

Въ числѣ „недовольныхъ“ состоитъ гостя князя — княгиня Дутикова. Она побывала въ Ревелѣ, нашла тамъ необыкновенное „просвѣщеніе“, слушала какую-то сведшую всѣхъ съ ума оперу, брала морскія ванны — и теперь бранитъ Москву, гдѣ, по ея мнѣнію, всѣ — невѣжи, мужики; гдѣ нельзя ей даже и потолковать о музыкѣ; гдѣ, наконецъ, и самый климатъ ужасно дурень.

Въ Москвѣ живемъ мы по уши въ снѣгу,
А въ Ревелѣ... ахъ, вспомнить не могу!
Какая разница! Повѣрите ль, тамъ сладко
И воздухомъ дышать. — У насъ въ Москвѣ — Камчатка,
А тамъ...

Когда я въ Ревелѣ была,
Не знала докторовъ и ѣла все на свѣтѣ;
А здѣсь всегда на строгой я діетѣ,
Всегда голодная встаю изъ-за стола,
И такъ слаба, какъ маленькій ребенокъ...

Ну, точно какъ цыпленокъ
По зернышку клюю. Вотъ, помните, при васъ:
Бульону чашечка, желе, бифштексъ, котлетка,
И больше ничего, — а пью одинъ лишь квасъ.

Однако одинъ изъ „недовольныхъ“, а именно Владимиръ, обрисованъ очень невыдержанно. Вполнѣ естественно этому пустому человѣку говорить:

Къ чему для женщинъ умъ?..

Да женщины съ умомъ — прескучныя творенья.

Но совершенно неестественны въ его устахъ рѣчи о „высокой цѣли любомудрія“ и о „свѣтломъ идеалѣ просвѣщенія“, и смѣшно слышать отъ этого чиновника, не умѣющаго написать строки безъ ошибки, упрекъ современному ему русскому обществу въ томъ, что среди него

въ людяхъ грамотныхъ всегдашній недочетъ.

Загоскинъ, очевидно, слилъ въ одно лицо различныя категоріи „недовольныхъ“.

Но какъ бы то ни было, самымъ интереснымъ въ этой комедіи являются мысли и чувства самого автора, которыя онъ выразилъ отъ лица Глинскаго, задуманнаго, что тоже очевидно, по образцу Чацкаго. Когда Владимиръ начинаетъ съ злой ироніей говорить о русскомъ умѣ и о русскихъ нравахъ, Глинскій отвѣчаетъ ему длинной тирадой, напоминающей извѣстный монологъ Чацкаго въ 22-мъ явл. III-го дѣйствія. Глинскій говоритъ:

Скажите мнѣ: да что вамъ за охота
Свое очечство позорить и срамить,
И, сряду все браня безъ всякаго отчета,
На этихъ крикуновъ несносныхъ походить,
Которые хотятъ, во что бы то ни стало,
Увѣрить всѣхъ, что мы неидемъ впередъ ни мало;
Сидимъ за азбукой и все твердимъ зады;
    Что просвѣщенія плоды
    Въ Россіи вовсе не замѣтны;
Чтобъ русскимъ просто быть никто изъ насъ не смѣлъ;
Что это все невѣжество и чванство,
    И что всегдашній нашъ удѣлъ
    Одно смѣшное обезьянство.
О Господи! Когда избавишь насъ
    Отъ этихъ вздорныхъ фразъ,
Отъ этихъ выходцевъ изъ чужеземныхъ краевъ,
    Полу-французскихъ сорванцовъ,
Да отъ затянутыхъ въ шнуровки попугаевъ,
А пуше и того—отъ юныхъ мудрецовъ,
    Которые въ сужденьяхъ такъ свободны,
За вѣкомъ вслѣдъ идутъ, смѣются надо всѣмъ,
    Зовутъ негоднымъ все—затѣмъ,
    Что сами ни къ чему не годны;

И этихъ птицъ зловѣщихъ родъ
Всегда злословить свой народъ,
И отвратительнымъ встрѣчаетъ крикомъ
Въ своемъ отечествѣ великомъ
Прекрасный солнечный восходъ.

Загоскинъ, какъ и Карамзинъ во время изданія „Вѣстника Европы“²⁶⁾, глядя на Россію, на ходъ ея просвѣщенія, старался подмѣчать не столько то, въ чемъ она отстала, сколько то, въ чемъ она успѣла, и радовался ея успѣхамъ. Эти успѣхи онъ не преувеличивалъ, онъ называлъ ихъ лишь „прекраснымъ солнечнымъ *восходомъ*“, — но не могъ выносить, когда слышалъ только огульное порицаніе всего русскаго — и притомъ порицаніе „безъ всякаго отчета“. Онъ не равнялъ наше просвѣщеніе съ европейскимъ, и у него Глинскій признаетъ справедливость ироническаго замѣчанія Владимира:

Скажите мнѣ: когда у насъ видали,
Чтобы съ просителей безстыдно взятки брали?
Чтобъ кто-нибудь страдалъ невинно отъ суда?
Не правда ль, что у насъ всегда
Невинный правъ, наказанъ виноватый?
Вельможа не спесивъ, не чванится богатый,
И сильный слабаго не давить никогда?—

но на заявленія князя, что

мы во всемъ ужасно какъ отстали,

возражаетъ:

Такъ что жъ? И это не бѣда.
Идти впередъ не должно торопливо.
Была бы только Русь спокойна и счастлива,
А прочее придетъ.

— Не знаете ль, когда? — спрашиваетъ его Владимиръ.

Г л и н с к і й.

Мы молоды еще, такъ надо намъ терпѣнье:
Народа цѣлый вѣкъ не то, что вѣкъ людской.

В л а д и м и р ъ.

А что жъ по-вашему — какой?

Г л и н с к і й.

У насъ года, а тамъ считаютъ поколѣнья.

Таковъ былъ взглядъ Загоскина на ходъ просвѣщенія въ Россіи.

Владимиръ, Запяткинъ, княгиня Дутикова упрекаютъ Россію въ отсталости. Князь Радугинъ тоже, потому что онъ, считая

себя умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, „какихъ и прежде не бывало, приписываетъ свое положеніе безъ министерскаго портфеля единственно невѣжеству правительства, не умѣющаго отличать и выбирать способныхъ людей.

Повѣрьте мнѣ, у насъ конечно бы достало
Людей съ умомъ на все; но должно ихъ искать;
Нашли — такъ приголубить надо, —

говорить онъ, намекая на себя. Но есть у Загоскина и иного сорта „недовольные“: они упрекаютъ Россію, наоборотъ, не въ отсталости, а въ заведеніи новыхъ порядковъ. Такова теща князя Радугина, Анисья Дмитриевна—лицо лучше, живѣе другихъ очерченное. Вотъ отрывокъ изъ ея разговора съ Глинскимъ (Д. I, явл. 2). Зашла рѣчь объ ихъ общемъ знакомомъ — Вельскомъ.

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

А кстати!—Знаешь ли? Вѣдь онъ ужъ генералъ!..

Г л и н с к і й.

Кто?... Вельскій?

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Да.

Г л и н с к і й.

Такъ что жъ?

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Какъ что? Мальчишка!

Давно ли у него былъ маленькій чинишко?...

Г л и н с к і й.

Онъ въ службѣ тридцать лѣтъ, такъ, право, не грѣшно..

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Ужъ Вельскій генералъ!.. Подумать-то смѣшно!..

Я помню, въ курточкѣ ходилъ!.. и какъ не стыдно...

Г л и н с к і й.

За что же обходить служащихъ безъ вины?

И если всѣмъ дають за выслугу чины...

А н и с ь я Д м и т р и е в н а.

Чины! — кому?... подумать-то обидно!

Да ты не знаешь, видно,

Что Вельскому отцомъ роднымъ

Былъ просто сдаточный, а дѣдъ былъ крѣпостнымъ.

Г л и н с к і й.

Такъ что жъ! — Тому и больше чести,

Кто самъ собой, безъ происковъ и лести,

Безъ знатнаго родства, однимъ своимъ умомъ,
Талантомъ иль трудомъ
Проложить для себя блестящую дорогу.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Помилуй, батюшка, да этакъ понемногу...

Г л и н с к і й.

Не бойтесь, не всѣмъ талантъ Господь дастъ.

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Да всѣмъ даютъ чины. Давно я замѣчаю,
Что все у насъ навыворотъ идетъ:

Купцы не пьютъ вина, давай имъ чаю.*);

Мѣщане лѣзутъ въ господа,

А господа идутъ въ студенты;

Ужъ первый чинъ схватить не можно безъ труда—

На все ученье да патенты!

Ужъ стали грамотѣ учить простой народъ,

И всякій лавочникъ толкуетъ про балансы!..

Въ Москвѣ шоссе да дилижансы,

А въ Питерѣ какой-то пароходъ,

Лихія болѣсти да выдумки пустыя!

Ну, словомъ — все поставили вверхъ дномъ...

Мы люди, батюшка, простые,

Такъ просто говоримъ.

Г л и н с к і й.

Позвольте мнѣ въ одномъ

Немножечко поспорить съ вами.

Дурнымъ хорошее не надо называть.

У насъ есть также люди съ головами,

Такъ стыдно отъ другихъ въ полезномъ отставать:

Художества, искусства и науки

Для пользы общей созданы;

Они идутъ впередъ; и если всѣмъ даны

И здравый смыслъ и руки —

Такъ почему жъ и намъ...

А н и с ь я Д м и т р і е в н а.

Мы знаемъ эти штуки!

Разсказывай!.. Какія здѣсь науки?

Ужъ намъ хитрить!.. да съ нашимъ ли умомъ?

Мы развѣ иностранцы?

Мы русскіе!..

Г л и н с к і й.

Подчасъ и въ этомъ самозванцы,

Но, къ счастью, не всѣ.

---

*) Чай въ то время былъ еще дорогимъ лакомствомъ.

Анисья Дмитриевна.

Подумали бъ о томъ,

Что все пришло въ забвенье,

Что даже и въ Москвѣ ни къ роду ни къ лѣтамъ

Нѣтъ должнаго почтенья;

Все разночинцы по мѣстамъ...

Бывало въ старину — отецъ въ чести и съ вѣсомъ,

Такъ сынъ — въ пеленкахъ офицеръ;

Что жъ нынче, напримѣръ?

Чиновный человекъ — посмотришь: что за рожа!

Откудова взялся! и даже не москвичъ!

А столбовой, хотъ князь Иванъ Ильичъ,

Безъ мѣста, батюшка; а чѣмъ онъ не вельможа?

Открытый домъ, шпалеры на стѣнахъ,

Сервизъ серебряный, услуга въ галунахъ,

Всегда приѣздъ — и что жъ? Вотъ ровно три недѣли,

Писаль онъ въ Петербургъ, а все отвѣту нѣтъ.

Предметъ пьесы; „Недовольные“ серьезнѣе, чѣмъ прочихъ комедій Загоскина, но все-таки она успѣха не имѣла. Такъ всегда бываетъ, когда меньшій талантъ подражаетъ большому. Загоскинъ, очевидно, хотѣлъ подражать приѣмамъ Грибоѣдова: у него также въ противоположность отрицательнымъ типамъ выведенъ положительный, вступающій въ споръ съ представителями темныхъ силъ, но въ комедіи нѣтъ той высокой художественности, какою отличается „Горе отъ ума“, въ ней не та сатирическая соль, и въ Глинскомъ не тотъ жаръ, что въ Чацкомъ. Послѣ „Горя отъ ума“ комедія Загоскина не могла выдвинуться, хотя и въ ней есть хорошія отдѣльныя мѣста ²⁷⁾). Впрочемъ Загоскинъ не созданъ былъ для жгучей, негодующей сатиры: его удѣломъ, какъ драматическаго писателя, была веселая комедія съ забавными сценами, и тутъ онъ возбуждалъ неудержимый смѣхъ, такъ что, по свидѣтельству современниковъ, зрители задыхались отъ хохота.

Такое свойство таланта Загоскина находилось въ связи съ его личнымъ характеромъ. „Загоскинъ“ — говоритъ Аксаковъ — „былъ самый добродушный, простодушный, неизмѣнно-веселый человекъ“. (См. „Литературныя и театральныя воспоминанія“, 1820 и 1821-й года, гдѣ,—а также и въ „Біографіи Загоскина“, — читатель найдетъ подробную характеристику личности этого писателя).

ХV. Обработка водевиля Хмельницкимъ ²⁸⁾ (1789 — 1846) и Писаревымъ (1801 — 1828).

Общій взглядъ на сочиненія Хмельницкаго.—Отрывки изъ его комедіи: „Арзамасскіе гуси“.—Хмельницкій главнымъ образомъ—водевилисть.—Общій характеръ его водевилей.—Водевили: „Говорунъ“, „Воздушные замки“, „Нерѣшительный“.—Два слова о другихъ водевиляхъ Хмельницкаго.—Отзывъ Дурова о его куплетахъ.—Хмельницкій—тоже вкладчикъ въ нашу драматическую литературу.—Биографическія свѣдѣнія о немъ (съ указаніемъ дѣятельности его, какъ смоленскаго губернатора).

Близокъ къ кружку кн. Шаховскаго былъ и Николай Ивановичъ Хмельницкій. Три небольшихъ томиковъ его „Сочиненій“, изданныхъ Смирдинымъ, почти исключительно наполнены драматическими произведеніями. Что же это за произведенія?—Въ первомъ томикѣ прежде всего помѣщенъ переводъ двухъ комедій Мольера: „Тартюфъ“ и „Школа женщинъ“. Переводъ хорошъ, особенно „Тартюфа“, и его считаютъ лучшей до сихъ поръ попыткой передать эту пьесу на русскомъ языкѣ, сохраняя всѣ красоты, эпиграмматическій языкъ и юморъ подлинника ²⁹⁾. Но это пока лишь переводныя произведенія Хмельницкаго. У русскаго писателя вы желаете найти что-нибудь русское, перелистываете страницы томиковъ — и большею частью видите передѣлки французскихъ пьесъ или заимствованія изъ нихъ. Наконецъ вы находите нѣсколько вещей, взятыхъ изъ русской или малороссійской жизни: историческую драму: „Богданъ Хмельницкій, или присоединеніе Малороссіи“, историческую комедію изъ временъ Петра Великаго: „Царское слово, или сватовство Румянцева“ и др. Начинаете читать, — но все это слабо, скучновато, краски блѣдны, — и только въ самомъ ужъ концѣ третьяго томика вы встрѣчаете дѣйствительно нѣчто замѣчательное: это отрывки изъ комедіи: „Арзамасскіе гуси“, которой Хмельницкій занимался ужъ подъ конецъ своей жизни, и которая такъ и осталась недоконченною: въ Смирдинскомъ изданіи помѣщено всего три отрывка. Языкъ, стихъ, жизненность, типы, юморъ — все въ нихъ хорошо, и вы съ удовольствіемъ ихъ прочитываете. Приведемъ первый изъ этихъ отрывковъ.

Л и х в и н ъ, уфѣдный судья, сидитъ за бумагами, потомъ входитъ его жена.

Г-жа Л и х в и н а.

Судья мой вѣчно у стола!
Была бъ бумага да чернила.

Г. Лихвинъ.

Ахъ, матушка! зачѣмъ пришла?
Пойдутъ ли въ голову дѣла,
Когда жена заговорила?

Г-жа Лихвина.

Куда жъ прикажешь мнѣ бѣжать?
Я, кажется, вошла не съ барабаннымъ боемъ;
Ну, служба службою, покой покоемъ.
И губернаторы изволятъ отдыхать.

Г. Лихвинъ.

Тутъ дѣло, матушка, совсѣмъ иное,
Злодѣйское, чертъ съ нимъ, такое,
Что развязаться мудрено.
Да впрочемъ Богъ владѣеть смѣлымъ!
Вотъ видишь: дѣло-то черно,
А надо, чтобъ казалось бѣлымъ.

Г-жа Лихвина.

Ученыхъ нечего учить;
Ты только не подстать одѣтъ шеголевато,
И можно бы дѣла рѣшать
И безъ атласнаго халата.

Г. Лихвинъ.

Ахъ, матушка!

Г-жа Лихвина.

Ужъ какъ изволишь,
А потакать тебѣ ничѣмъ не приневолишь.

Г. Лихвинъ.

Но вспомни ты, когда
Пріѣхалъ я сюда
И сѣлъ судьей въ халатишкѣ негодномъ...

Г-жа Лихвина.

Не вспоминай мнѣ никогда
Объ этомъ времени голодномъ.

Г. Лихвинъ.

А на другой, — ты помнишь, — годъ
Я сшилъ себѣ халатъ атласный—
И повалилъ ко мнѣ народъ...

Г-жа Лихвина.

Ахъ, этотъ годъ былъ распрекрасный!

Г. Лихвинъ.

Вотъ то-то же! А вѣдь на умъ
Навелъ покойный кумъ;
Въ дѣлахъ не зналъ онъ неудачи,

И былъ строка и записной подъячій.
„Ты вѣчно будешь въ дуракахъ,
Когда сидишь, поджавши руки“,—
Сказалъ мнѣ кумъ:—„пустись на штуки:
Дурной халатъ, какъ ноша на плечахъ;
Надѣнь такой, чтобъ зарябилъ въ глазахъ,
Да сядь парадно,—
Такъ будетъ ладно“.

Послушался—и что жъ? вѣдь помогло:
Все стало паче да сугубо;
Ужъ такъ пошло, пошло, пошло,
Такъ сердцу любо!
Бывало всякій лѣзетъ въ дверь,
А нынче, какъ въ дѣла втянулись мы поближе,
Иной и подождетъ теперь
Да и поклонится мнѣ ниже.
И этакимъ манеромъ я
Сталъ записной и форменный судья!
Такъ видишь ли, жена, что ты же виновата,
И нечего жалѣть халата.

Г-жа Лихвина.

Ахъ, ангелъ мой! зато впередъ не заворчу,
Хоть разрядись себѣ въ парчу.

Г. Лихвинъ.

Вотъ то-то же!—А что?.. чай, Любушка ужъ встала;
Какъ ей понравился нашъ Арзамасъ?

Г-жа Лихвина (*съ неудовольствіемъ*).

Съ дороги, видишь ли, устала,
И спать, хоть на дворѣ десятый часъ.

Г. Лихвинъ.

Съ дороги, матушка, и всѣ устанутъ:
Изъ Петербурга къ намъ не близкая ѣзда.

Г-жа Лихвина.

Не хорошо, — твердила я всегда, —
Когда мужья насъ слушаться не станутъ.

Г. Лихвинъ.

Ба, это что?

Г-жа Лихвина.

Да то,

Ты посылалъ ее начто
Въ заморскій Петербургъ на разныя познанья?
Всегда была я противъ воспитанья;
Твердила я тебѣ не разъ:

Зачѣмъ знать дѣтямъ больше насъ?
Такъ нѣтъ, не обошлось безъ пансіона—
Послали дочь.

Теперь ужъ горю не помочь;
Смотри, какая важная персона!

Г. Лихвинъ.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма...

Г-жа Лихвина.

Я знаю, батюшка, сама;
Но что ученіе опасно,
Такъ это очень ясно.
Ты дочку выучилъ всему,
Прошу сказать, къ чему?
Здѣсь иностранные не нужны разговоры,
Ей нужно бы умѣть хозяйствомъ управлять;
Анъ нѣтъ, изволить книжки все читать,
Да въ пальцахъ вышивать узоры.

Г. Лихвинъ.

Эхъ, матушка...

Г-жа Лихвина.

Нѣтъ, я не скрою, что въ ней худо;
Къ тому жъ и рядится на чудо!
Затѣй ея не сосчитать:
Корсеты, кушаки да пряжки—
И наотрѣзь сказать,
Всѣ петербургскія замашки.

Г. Лихвинъ.

Ну что жъ? пусть рядится: ей нужны женихи.

Г-жа Лихвина.

Оно бы такъ, но за твои грѣхи
Не скоро сыщешь ихъ, мой милый.
Нашъ вѣкъ для дѣвушекъ куда унылый!
Всякъ женится для барыша,
А наша дочь и хороша,
Да не богата.

Г. Лихвинъ.

Ну что жъ!.. и я не безъ халата,
А женихи здѣсь славные ребята.

Г-жа Лихвина.

Кто жъ ей понравится изъ этого числа?
Ей надо, чай, князей, да графовъ, да бароновъ;
Она съ ума сошла
Отъ петербургскихъ шаматоновъ.

Г. Лихвинъ.

А нашъ уѣздный казначей..
Онъ славный малый и забавникъ,
И посмотри, какихъ статей,
Злодѣй,
Нашъ капитанъ-исправникъ!

Г-жа Лихвина.

Всѣ эти люди не по ней,
Мой батюшка, и нынче жъ въ тонѣ
Смышлять о женихахъ, учася въ пансіонѣ.
Такъ видишь, и въ нее одинъ,
Какой-то господинъ Судьбинъ,
Влюбился о Святой, у тетки.

Г. Лихвинъ.

Мы рады бъ этакой находкѣ.

Г-жа Лихвина.

Да это вздоръ, а чай,
Все это тетушка напѣла;
Пожалуй, ожидай—
Отъ слова далеко до дѣла.

Г. Лихвинъ.

А между тѣмъ
И наши хороши, когда нѣтъ лучше;
Увидя Любушку, распѣтушатся пуще.
(*Входитъ слуга*).

А ты зачѣмъ?

С л у г а.

Къ вамъ съ просьбой съѣхались казенные крестьяне—
И плачутся отъ нищеты.

Г. Лихвинъ.

Что жъ за бѣда! что за дворяне?
Пусть дожидаются, скоты...

Однако одни эти отрывки не могли, конечно, создать Хмельницкому славу національнаго писателя, и, принимая во вниманіе, что историческія его пьесы крайне слабы, а все остальное у него въ большинствѣ случаевъ передѣлка или заимствованія,—вы приходите къ заключенію, что писатель этотъ мало самостоятеленъ, хотя въ то же время чувствуете, что онъ далеко не безъ литературныхъ дарованій: объ этомъ вамъ говорятъ ужъ его переводы Мольера и его „Арзамасскіе гуси“.

Не удовлетворившись историческими пьесами Хмельницкаго, вы обращаетесь къ его болѣе или менѣе мелкимъ произведеніямъ,

читаете его „Говоруна“, „Воздушные замки“, его пьески: „Нерѣшительный“, „Бабушкины попугаи“, „Суженаго конемъ не объѣдешь“ и др.—и вы убѣждаетесь, что Хмельницкій превосходный водевилецъ, что водевиль и есть тотъ родъ, въ которомъ онъ всего полнѣе проявилъ свой талантъ.

Пьесы водевильнаго характера существовали у насъ уже въ послѣднія десятилѣтія XVIII-го вѣка. Особенной извѣстностью пользовалась тогда комическая опера Аблесимова: „Мельникъ“. Позднѣ снабжалъ сцену водевилями кн. Шаховской. Но облагородилъ этотъ видъ театральныхъ произведеній Хмельницкій, благодаря своему художественному такту, не позволявшему ему допускать никакихъ грубыхъ шутокъ, никакой пошлой игры словъ, грязныхъ каламбуровъ. Пьесы Хмельницкаго смѣло можно было ставить на такъ называемыхъ *благородныхъ* спектакляхъ въ частныхъ домахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Водевили Хмельницкаго въ большинствѣ случаевъ не оригинальны: это — передѣлки французскихъ пьесъ, но передѣлки, обнаруживающія эстетическій вкусъ Хмельницкаго и нерѣдко превосходящія подлинникъ. Такъ, на примѣръ, его „Говорунъ“ представляетъ собою очень живую и изящную пьеску, передѣланную изъ трехъ-актной комедіи Буасси: „Le babillard“, по словамъ Добротворскаго, „довольно неуклюжей и длинной“³⁰). Затѣмъ критики ставятъ въ заслугу Хмельницкому умѣнье отдѣлывать куплеты, придавая имъ граціозную игривость. Наконецъ эпиграмматическая соль, юморъ, хорошая, — хотя и нѣсколько карикатурная, — обрисовка типовъ, хорошій языкъ — все это въ значительной мѣрѣ увеличиваетъ достоинства водевилей Хмельницкаго.

Къ лучшимъ водевилямъ Хмельницкаго, по обрисовкѣ типовъ, надо отнести слѣдующіе: „Говорунъ“ (1817), „Воздушные замки“ (1818) и „Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣль“ (1820). Лучшие они еще и потому, что въ нихъ какъ-никакъ, а все же дѣйствіе приурочено къ Россіи, тогда какъ иные водевили Хмельницкаго, — на примѣръ, „Бабушкины попугаи“, „Суженаго конемъ не объѣдешь“, — остаются цѣликомъ на французской почвѣ.

Всѣ три отмѣченныя выше пьески написаны стихами и авторомъ названы „комедіями въ одномъ дѣйствіи“, но легкое и игривое ихъ содержаніе не даетъ имъ права называться этимъ именемъ, такъ какъ для комедіи нуженъ сюжетъ болѣе серьезный.

Герой пьески: „Говорунъ“—графъ Звоновъ—отличается удивительной страстью къ болтовнѣ. Онъ хочетъ жениться на г-жѣ Прелестиной, молодой вдовѣ, но та опасается быть женой не-сноснаго болтуна, такъ какъ, по ея убѣжденію,

Болтливый мужъ — всегда съ женой бранится.

Лиза, горничная Прелестиной, отзывается о графѣ такъ:

Признаться, этотъ графъ неважная находка;
Языкъ же у него—ну, сушая трешотка:
Стучить, кричить, гремитъ, такой подыметъ звонъ,
Что, право, хоть кого бѣжать заставить вонъ!
О подвигахъ своихъ онъ всякому клянется;
Въ чемъ нынче увѣрялъ, въ томъ завтра отопрется;
Злословье и хвалы онъ мастеръ сочинять;
Не знаетъ одного: чтобъ кстати помолчать.

Въ другомъ мѣстѣ она говорить о немъ:

Вотъ чудный человѣкъ! никакъ не унываетъ:
Ну, не съ кѣмъ говорить—съ самимъ собой болтаетъ!

Въ этомъ водевилѣ очень много живыхъ и забавныхъ сценъ, которыя могли бы понравиться и современному намъ зрителю. Вотъ, напри-мѣръ сцена (III-я), начинающаяся болтовней графа „съ самимъ собой“.

По чести, пресмѣшно и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить.
Увидѣвшись съ людьми, сядишь, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь—и что-нибудь узнаешь.
Графъ Чвановъ, напри-мѣръ... мнѣ графъ старинный другъ!
Заѣхалъ къ графу я, а графу недосугъ!
Графини дома нѣтъ; и что жъ? вообразите...

Тутъ Лиза, которой Звоновъ до сихъ поръ не замѣчалъ, перебиваетъ его:

Позвольте васъ спросить: вы съ кѣмъ здѣсь говорите?

Графъ, оборотаясь къ ней, заводитъ свою быструю, трескучую болтовню:

А, а, здорова ли? все къ лучшему идетъ;
Здорова? очень радъ, я зналъ то напередъ.
А барыня твоя? какое приключенье!
Представь, она сейчасъ дала мнѣ порученье
Заѣхать къ Лелевой, кой-что ей разсказать.
Бѣгу, скачу, лечу и—могъ ли ожидать...
Когда бъ я не былъ самъ, я счелъ бы то за враки:
Я въ домъ не нашелъ ни бѣшеной собаки —

Все пусто, заперто, не встрѣтился ни съ кѣмъ —
И, съѣздивъ по нуждѣ, пріѣхалъ я ни съ чѣмъ!
Вчера я точно жъ такъ кружился по неволѣ:
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я, къ Николѣ;
Обѣдня кончилась—поѣхалъ я въ Сенать,
Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній садъ,
Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Морскую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштатской на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пески.
Съ Песковъ въ Садовую—какіе все скачки!—
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамтской,
Съ Почтамтской къ Невскому, изъ Невскаго къ Казанской,
Оттуда поскакалъ объѣхать острова,—
Отъ мысли ужъ одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій;
Съ Крестовскаго...

Лиза опять перебиваетъ графа и, впадая въ тонъ трескучей его рѣчи, говорить, осмѣивая болтуна:

И я сегодня точно жъ такъ
Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погреба, оттуда въ кладовую;
Лишь съ лѣстницы сбѣгу—на лѣстницу опять;
Кричатъ: бѣги, подай—умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ все поспѣло.
Но, къ счастью, наконецъ спроворила я дѣло,
Пока у барыни одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень графъ и страшный краснословъ,
Болталъ, болталъ, болталъ, весь домъ привелъ въ тревогу;
Но, вспомня, что онъ гость, убрался, слава Богу!
И барыня моя, не встрѣтиться чтобъ съ нимъ,
На цѣлый день, сударь, уѣхала къ роднымъ.

Мы помнимъ, какъ лѣтъ сорокъ пять тому назадъ нѣкоторые преподаватели словесности диктовали эту сцену своимъ ученикамъ и заставляли ихъ учить ее наизусть: слѣдовательно они считали ее въ числѣ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній нашихъ писателей.

Далѣе забавны тѣ сцены (IX—XV), гдѣ выведены г-жи Споркина, Вздоркина, Громова, Свахина, Вѣстина, Чванова — всѣ шесть „ужасныя болтушки“, и все-таки графъ ухитряется всѣхъ ихъ *переговорить*, и онѣ одна за другой уступаютъ ему поле сраженія.

Лиза заявляетъ графу:

За ваше торжество имъ должно вамъ отмстить:
Одинъ противъ шести—и всѣхъ заговорить,

Замучить, разозлить, оспорить, обезславить,
И даже наконецъ — ихъ всѣхъ бѣжать заставить!

Месть разсерженныхъ говорунѣй выражается въ томъ, что Чванова, тетка Прелестиной, принуждавшая прежде свою племянницу выйти за графа, теперь выдаетъ ее за другого, за котораго Прелестина и идетъ охотно. Графъ же утѣшается тѣмъ, что о своей неудачѣ онъ будетъ рассказывать

И всѣмъ и каждому — кто первый попадется.

„Говорунъ“ чрезвычайно понравился публикѣ, долго держался въ репертуарѣ и, какъ свидѣтельствуетъ Дуровъ, съ успѣхомъ былъ возобновленъ на сценѣ Александринскаго театра со-роковыхъ годовъ ³¹⁾.

Водевиль: „Воздушные замки“ также не вполне оригиналенъ: онъ представляетъ передѣлку комедіи Коленъ д'Арлевиля „Les châteaux en Espagne“, хотя, правда, передѣлку настолько большую, что въ ней нѣтъ переводныхъ стиховъ, а удержаны только нѣкоторыя мысли французскаго подлинника, — обстоятельство, которое и подало поводъ Добротворскому отнести „Воздушные замки“ Хмельницкаго къ числу его оригинальныхъ произведений ³²⁾. Но Порфирьевъ считаетъ эту пьесу передѣлкой ³³⁾.

Герои пьесы — молодая, красивая и богатая вдова Аглаева, ея служанка Саша, отставной мичманъ Альнаскарровъ и его слуга Викторъ. Фамилія мичмана, очевидно, взята изъ сказки Дмитріева „Воздушныя башни“ ³⁴⁾.

Всѣ эти лица строятъ себѣ воздушные замки, которые потомъ разсыпаются въ ничто. Вотъ ихъ мечтанія:

Аглаева получаетъ письмо отъ тетки, извѣщающей ее, что графъ Лестовъ, увидя у нея портретъ красивой вдовы, хочетъ познакомиться съ оригиналомъ и для того пріѣдетъ въ деревню Аглаевой, гдѣ, подъ предлогомъ поломки экипажа, будетъ просить позволенія войти въ ея домъ. Аглаева въ восторгѣ.

Вотъ тутъ-то заживемъ! О, я воображаю:
Отсюда въ Петербургъ я съ графомъ пріѣзжаю;
Въ послѣднемъ вкусѣ свой обмоблирую домъ;
Столицу облетимъ съ визитами кругомъ;
А тамъ ужъ мы къ себѣ знакомыхъ приглашаемъ,
Пріемомъ, роскошью весь городъ восхищаемъ,
И къ знати, богачамъ; къ намъ ѣздитъ также знать...
Тутъ мужъ мой, чтобъ меня и блескъ нашъ поддержать,

Какъ баринъ, ко двору имѣя вѣздъ свободный,
 Съ графинею своей—вотъ мужъ-то безподобный!—
 Поѣдетъ ко двору... и что же наконецъ?
 Какое счастье—я ѣзжу во дворецъ!

Карета дѣйствительно появляется у дома Аглаевой, и хозяинъ ея черезъ своего слугу проситъ временнаго пріюта, такъ какъ экипажъ его сломался и требуетъ починки. Но хозяинъ кареты не графъ Лестовъ, а отставной мичманъ Альнаскоровъ, котораго Аглаева однако принимаетъ за графа, скрывающагося подъ чужимъ именемъ. Альнаскоровъ же попалъ къ Аглаевой случайно. Онъ бросилъ службу на Черномъ морѣ, не удовлетворявшую его громадному славолюбію, и ѣдетъ въ Петербургъ, откуда, какъ онъ узналъ изъ газетъ, Американская компанія посылаетъ свой фрегатъ въ кругосвѣтное плаваніе. Разговаривая съ Аглаевой, онъ между прочимъ, говоритъ:

Скажу чистосердечно вамъ,
 Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ и къ чинамъ,
 Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.
 Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ
 На Черномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить;
 Но, признаюся вамъ, съ лѣтами можетъ быть,
 Мнѣ море Черное страхъ показалось тѣсно!
 Въ два года все кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно.
 А съ турками никакъ до дѣла не дойдетъ!
 Куда ни поплывешь—все знаешь напередъ,
 И изъ Кафы весь путь не дальше Дарданеловъ!
 Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ!
 Вдругъ слышу наконецъ, что снова ужъ хотятъ
 Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ фрегатъ:
 Хвала ревнителямъ полезныхъ предприятий!
 И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
 И экспедицію собою подкрѣпить,
 Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
 Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья,
 И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья!

О женитѣбѣ Альнаскоровъ и не думаетъ: „геній“—говоритъ онъ — „не терпятъ брачныхъ узъ. Коломбъ и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузь — они, я думаю, всѣ не были женаты“.

Всѣ эти рѣчи своего гостя Аглаева принимаетъ за мистификацію. Она уходитъ распорядиться, чтобы угостить его чаемъ, а Альнаскоровъ остается пока одинъ. Онъ однако замѣтилъ, что красивая хозяйка въ него ужъ влюблена. Слѣдуетъ рядъ забавныхъ сценъ.

Сцена IX.

Альнаскарровъ (одинъ).

Итакъ все случай довершилъ.
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться не возможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему-нибудь чудесному рожденъ!
Не помню, гдѣ... читаль я анекдотъ прекрасный,
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дошелъ незнаемой никѣмъ...
Онъ поселился тамъ—и кончилось тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

Сцена X.

Альнаскарровъ, Викторъ (входить и подслушиваетъ).

Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!
Что, если бь?... почему жь! на счастье нѣтъ закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ, построю городокъ,
Займусь прожектми, народными дѣлами;
Устрою гавани, наполню ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, алжирцы, доберусь!
Смиритесь!—не то... пойду, вооружусь—
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій...

Викторъ.

Монархъ!

Альнаскарровъ (въ жару мечтанья).

Что хочешь ты?... надѣйся и вѣщай!

Викторъ.

Великій государь! васъ просятъ—кушать чай.

Альнаскарровъ.

Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершались желанья—
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!

Викторъ.

И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ!

Альнаскаровъ.

Вѣдь надобно жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ...

Викторъ.

Мечтанія никакъ не напойтъ васъ чаемъ;
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяйшкѣ, заняться, погулять,
И, распростившись, пуститься въ путь счастливо.

Альнаскаровъ.

Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду. (*Уходитъ*).

Сцена XI.

Викторъ (*одинъ*).

Ну, — баринъ мой проказить не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться—бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ царя... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ. Но что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое!
Вотъ я такъ, напримѣръ,—оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!
Рискнулъ—и за билетъ внесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это воля!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ онѣ пришлось мнѣ по рукѣ.
Что если бъ мнѣ... хоть часть досталася на долю...
Что сдѣлаю... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ-разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ.
Такъ лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пушусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйный —
Сперва въ Полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной
Обзаведусь—и самъ женюсь наконецъ...

И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужь отецъ!
И вотъ кругомъ меня цыпляточки, малютки;
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастья проживу, конечно, до ста лѣтъ!..

Въ сценѣ VI-й Саша, принявъ Виктора за графскаго камердинера, также мечтаетъ.

А то-то парочка завидная насъ будетъ!
И Саша съ Викторомъ ну жить да поживать.
Намъ, вѣрно, поручать всѣмъ домою управлять:
Тутъ намъ перепадетъ — и Викторъ, мой дружокъ,
Вдругъ, смотришь, подаритъ турецкій мнѣ платочекъ!
Графиня надѣлитъ нарядами меня, —
Вотъ тутъ-то посмотрѣть, какъ разряжуся я!
И бархатный капотъ, и шляпка щегольская!
Тутъ явится у насъ лошадка, тамъ другая;
Потомъ колясочку мы заведемъ себѣ—
И Саша съ муженькомъ, благодаря судьбѣ,
Чтобъ также и на насъ другіе посмотрѣли,
Поѣдетъ о Святой преважно подъ качели!
Что, если бъ этого дождаться поскорѣй!

Но Аглаева и Саша узнаютъ наконецъ свою ошибку и выпроваживаютъ гостей. Альнаскарору это не бѣда: бѣда его въ томъ, что фрегатъ, на который онъ торопился, и не думалъ дожидать мичмана, а преспокойно ушелъ въ плаваніе безъ него, о чемъ Альнаскароръ и узнаетъ изъ газетъ тутъ же, въ домѣ Аглаевой. Онъ однако не унываетъ: онъ хочетъ ѣхать въ Индію—искать тамъ счастья „по сухопутной части“. Но Викторъ въ полномъ отчаяніи, такъ какъ, въ добавокъ ко всему, Саша ему объявила, что лотерея, на которую онъ возлагалъ свои надежды, давно ужь разыграна. Онъ восклицаетъ:

Флотилія, престоль, невѣста, мой билетъ—
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

Альнаскароръ ему въ отвѣтъ:

Утѣшься! Индія осталася за нами.

Этотъ стихъ, говоритъ Порфирьевъ, сдѣлался такъ популярнымъ, что обратился въ пословицу ³⁵⁾.

Пьеску: „Нерѣшительный“, такъ какъ источникъ ея никѣмъ еще не указанъ, приходится, вмѣстѣ съ Дуровымъ, считать оригинальной. Въ ней выставленъ крайне нерѣшительный характеръ въ лицѣ молодого человѣка — Армидина, который не только не

можетъ изъ двухъ нравящихся ему дѣвушекъ выбрать себѣ невѣсту, но не можетъ даже рѣшиться сшить новый кафтанъ своему слугѣ, потому что, какъ говоритъ этотъ слуга,

Чтобъ новый сшить кафтанъ, такъ надобно сукно,
И выбрать цвѣтъ, — а онъ, мой копатунъ ужасный,
Все думаетъ: какой — зеленый или красный?

Изъ словъ того же слуги видно, что баринъ его не служить единственно по той причинѣ, что никакъ не могъ во-время рѣшить вопроса:

Служить ли въ конницѣ, или вступить въ пѣхоту?

Въ свое время нравились публикѣ и другіе водевили Хмельницкаго, какъ, на примѣръ, „Бабушкины попугаи“, „Суженаго конемъ не объѣдешь“, „Новый Парисъ“, — все вещицы не оригинальныя, но хорошо обработанныя и снабженныя куплетами. Куплеты-то больше всего и восхищали современниковъ автора. Дуровъ говоритъ о нихъ: „водевильные куплеты (Хмельницкаго) отличаются легкостью и очень часто граціознымъ оборотомъ, который, не поражая уха, не возбуждая грубаго смѣха, нравится эстетически образованному человѣку; это не то, что притянутые за волосы и рѣшительно бессмысленные каламбуры нынѣшнихъ актеровъ-водевилистовъ, которые, за недостаткомъ мыслей, играютъ словами“ ³⁶).

Дуровъ, перечисляя въ своей статьѣ важнѣйшихъ „вкладчиковъ“ въ нашу драматическую литературу, присоединилъ къ нимъ и Хмельницкаго ³⁷). Безъ сомнѣнія, онъ правъ, если брать этого писателя, какъ водевилиста, оставляя въ сторонѣ его неудачныя упражненія въ исторической комедіи и драмѣ. Какъ ни смотрите свысока на водевиль, но и этотъ родъ театральныхъ произведеній имѣетъ право на существованіе: требуется только, чтобы водевиль былъ остроуменъ и изященъ. Писатель, давшій нѣсколько такихъ водевилей, можетъ быть названъ вкладчикомъ своей лепты въ нашъ театръ.

Впрочемъ вкладомъ со стороны Хмельницкаго надо признать еще и его переводъ „Тартюфа“.

Николай Ивановичъ Хмельницкій, потомокъ извѣстнаго малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, родился 11-го августа 1789 г. въ Петербургѣ, въ домѣ своего отца, Ивана Парѣеновича, человѣка для своего времени замѣчательно образованнаго. Иванъ Парѣеновичъ былъ удостоенъ Кенигсбергскимъ университетомъ

званія доктора философіи, и въ „Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1726 г. были напечатаны его магистерская и докторская диссертациі на латинскомъ языкѣ, одна подъ названіемъ: „Основанія философіи“, а другая — „Возраженія Шлегелю“.

Гдѣ получилъ образованіе молодой Хмельницкій — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ Иванъ Парѣновичъ не могъ не позаботиться о сынѣ въ этомъ отношеніи. Николай Ивановичъ зналъ хорошо иностранные языки и, какъ показываютъ его сочиненія, прекрасно владѣлъ перомъ. Это дало ему возможность получить мѣсто переводчика въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и началась его дѣйствительная служба съ января 1806 г. Во время отечественной войны онъ поступилъ въ ряды войска, былъ въ заграничномъ походѣ и между прочимъ участвовалъ въ знаменитой битвѣ при Лейпцигѣ.

По возвращеніи изъ похода Хмельницкій продолжалъ свою гражданскую службу — и скоро былъ опредѣленъ правителемъ канцеляріи петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича. Къ этому времени относится тотъ проектъ Хмельницкаго, на который обратили вниманіе оба его біографа и сопоставили при этомъ два факта: одинъ — изъ жизни русской, другой — изъ жизни французской. „Находясь на службѣ въ канцеляріи генераль-губернатора“, — говоритъ Добротворскій, — „Хмельницкій написалъ извѣстный проектъ объ обращеніи частныхъ суммъ, лежавшихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и никѣмъ не востребованныхъ въ теченіе 10 лѣтъ, въ капиталъ для призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Всѣхъ такихъ суммъ въ то время состояло на лицо около 700 тысячъ рублей. Проектъ получилъ одобреніе государя. Знаменательно въ этомъ фактѣ то, что о проведеніи подобнаго же предложенія во Франціи нѣсколько позже старался первый министръ — Гизо, и не могъ провести его, не смотря на все свое могущество и вліяніе; у насъ же эта реформа устроилась очень легко и прошла въ жизнь, благодаря простому вмѣшательству правителя канцеляріи генераль-губернатора, человѣка сравнительно весьма невиднаго и невліятельнаго“ ³⁸).

Свободное отъ службы время Хмельницкій посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Такъ было до 1829 г., когда онъ былъ назначенъ смоленскимъ губернаторомъ; съ этихъ же поръ Хмельницкій, вообще добросовѣстный чиновникъ, почти все свое время отдавалъ служебнымъ заботамъ.

О восьмилѣтней дѣятельности Хмельницкаго, какъ губернатора, много рассказываетъ Добротворскій на основаніи докумен-

товъ, хранящихся въ архивѣ канцеляріи Смоленскаго губернатора. Изъ его разсказа мы узнаемъ, что Хмельницкій стремился ограничить злоупотребленія помѣщичьей властью, и что помѣщики были не совсѣмъ довольны тѣмъ, что губернаторъ держалъ не ихъ руку, а заступался за крестьянъ. Далѣе узнаемъ, что онъ заботился о распространеніи образованія среди обывателей Смоленска, и въ 1831 г., благодаря его попеченію, была въ этомъ городѣ открыта публичная общественная библіотека — одна изъ первыхъ, если не самая первая общественная библіотека въ провинціальной Россіи. При ней былъ устроенъ также и кабинетъ для бесплатнаго чтенія книгъ, газетъ и журналовъ. Хмельницкимъ же была устроена въ его губерніи первая у насъ „губернская выставка ремесленныхъ и мануфактурныхъ издѣлій“. Уже послѣ, по примѣру Хмельницкаго, принялись устраивать выставки и другія губерніи: Курская, Тверская, Пермская и т. д.

Однако проведеніе смоленско-московскаго шоссе, обошедшагося, благодаря строителямъ-инженерамъ, баснословно дорого, имѣло крайне непріятныя для Хмельницкаго послѣдствія: его обвинили въ невнимательномъ отношеніи къ дѣлу, перевели губернаторомъ въ Архангельскъ (1837 г.), откуда его скоро вызвали и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ до 1843 г.

„Относительно освобожденія Хмельницкаго“ — пишетъ Добротворскій — „преданіе рассказываетъ, что государь какимъ-то путемъ убѣдился наконецъ въ невинности Хмельницкаго, или просто, можетъ быть, склонился на неотступныя просьбы его сестры и приказалъ освободить узника. По высочайшему повелѣнію, онъ былъ привезенъ во дворецъ, потому что государь лично хотѣлъ объявить ему свою милость. Когда ввели Хмельницкаго въ кабинетъ государя, Николай Павловичъ едва могъ узнать его: такъ онъ измѣнился, сидя въ крѣпости.

— Хмельницкій, ты ли это? — спросилъ государь.

— Я, ваше императорское величество, я — Хмельницкій.

— Твоя вина была велика, — сказалъ государь, — но и ты пострадалъ за нее довольно. Дарую тебѣ свободу. Можешь идти куда угодно“ ³⁹⁾.

Послѣ освобожденія Хмельницкій уѣхалъ за границу для поправки разстроенаго здоровья. Онъ описалъ это путешествіе въ своихъ „Письмахъ изъ-за границы“, изъ которыхъ однако въ Смирдинскомъ изданіи напечатаны лишь четыре. Въ нихъ интересны описанія бытовой стороны Вѣны и другихъ нѣмецкихъ

городовъ, но особенно интересенъ очеркъ чешской культуры и образованности (Письмо IV-е, изъ Праги, Сочин. Хм., т. I).

Умеръ Хмельницкій 8 сентября 1846 г.; погребенъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

Люди, близко знавшіе Хмельницкаго, отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, свѣдущемъ, образованномъ и необыкновенно добромъ, отзывчивомъ на каждую нужду и несчастіе ближняго. И тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ много враговъ. Обладая остроуміемъ, онъ любилъ иногда ѣдко и зло посмѣяться надъ кѣмъ-нибудь въ обществѣ — и этимъ создавалъ себѣ недоброжелателей, въ особенности въ Смоленскѣ, среди мѣстныхъ помѣщиковъ, которые всегда были готовы подставить ему ножку. Добротворскій склоненъ думать, что они ему и подставили ее ⁴⁰).

Въ виду перенесеннаго Хмельницкимъ наказанія, не лишнимъ считаемъ упомянуть о заявленіи Дурова, гласящемъ, что у Хмельницкаго было только родовое имѣніе, и не было никакого *благопріобрѣтеннаго* ⁴¹).

Биографическія свѣдѣнія о Писаревѣ (годы его ученія и раннее умственное развитіе; страсть къ литературнымъ занятіямъ; связь съ литераторами и театральнымъ міромъ; ненависть къ Полевому; черты личности Писарева; его болѣзнь и рановременная смерть). — Краткій очеркъ его литературной дѣятельности. — Характеръ его водевилей. — Водевиль: „Хлопотунъ“ и „Забавы калифа“. — Отличіе водевилей Писарева отъ водевилей Хмельницкаго.

Вслѣдъ за Хмельницкимъ выступилъ другой талантливый водевильщикъ — Писаревъ.

Даровитый и такъ рано умершій Александръ Ивановичъ Писаревъ родился въ 1801 г. (14 іюля), въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи, въ принадлежавшемъ отцу его селѣ Знаменскомъ. По свѣдѣніямъ С. Аксакова, полученнымъ имъ отъ матери Писарева, мальчикъ уже по пятому году не только умѣлъ читать по-русски и по-французски, но даже любилъ чтеніе, и своимъ раннимъ и необыкновеннымъ для ребенка его лѣтъ умственнымъ развитіемъ удивлялъ окружающихъ ⁴²). Тринадцати лѣтъ отвезли его въ Москву, въ Университетскій пансіонъ, гдѣ онъ прекрасно учился и окончилъ курсъ вторымъ ученикомъ. Еще въ пансіонѣ онъ увлекался литературными занятіями, а по выходѣ оттуда отдался имъ вполне. Сложившіяся обстоятельства направили эти занятія на служеніе театру, который Писаревъ и полюбилъ до страсти.

Онъ рано познакомился съ извѣстнымъ тогда любителемъ театра *Э. Э. Кокошкинымъ*, прославившимся въ свое время переводомъ комедіи *Мольера*: „*Мизантропъ*“. Домъ его былъ центромъ, гдѣ устраивались благородные спектакли и литературные вечера, на которые собирались разные писатели и артисты. Въ спектакляхъ принималъ участіе и *Писаревъ*, и отсюда начало его литературныхъ и театральныхъ связей. Особенно сошелся онъ и былъ друженъ съ *Загоскинымъ* и *Аксаковымъ*; впоследствии познакомился и съ *кн. Шаховскимъ*. *Кокошкинъ* же такъ полюбилъ *Писарева*, что даже приютилъ его въ своемъ домѣ и доставилъ ему при театральной дирекціи мѣсто переводчика и помощника члена по репертуарной части. Все это направило вниманіе *Писарева* на театръ, онъ сдѣлался драматическимъ писателемъ — и, какъ говоритъ *Аксаковъ*, „скоро утонулъ въ закулисномъ мірѣ“.

Для уясненія отношеній *Писарева* къ театру, приведемъ одну страницу изъ воспоминаній *Аксакова*. Но прежде скажемъ, что главнымъ призваніемъ *Писарева* былъ водевиль и, какъ водевильщикъ, онъ былъ мастеромъ своего дѣла.

„Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1827-го года“, — рассказываетъ *Аксаковъ*, — „прежде другихъ пьесъ, именно 7-го января, шелъ переведенный *Писаревымъ* съ французскаго премиленькій водевиль: „*Дядя на прокатъ*“. Этотъ водевиль, превосходно разыгранный лучшими московскими артистами, памятенъ мнѣ по особенному обстоятельству. Послѣ какой-то скучноватой пьесы, стояди мы съ *Писаревымъ* на сценѣ въ ожиданіи, когда все будетъ готово для начинанія водевиля. Глядя на все, вокругъ насъ происходившее, я говорилъ *Писареву* о темныхъ сторонахъ театральнаго міра и въ особенности—закулисной сферы. *Писаревъ* качалъ головой и молча не соглашался со мною; вдругъ окружили насъ одѣтые въ свои костюмы *Щепкинъ*, *Рязанцевъ*, *Сабурова* и *Н. В. Рѣпина*, которая была тогда украшеніемъ московской сцены въ водевиляхъ и даже въ комическихъ операхъ. Каждый изъ нихъ съ живостью и одушевленіемъ обратился къ *Писареву*, показывалъ, какъ онъ хорошо одѣтъ, и спрашивалъ, доволенъ ли авторъ (переводчика всегда актеры называютъ авторомъ). *Писаревъ* расхвалилъ всѣхъ, особенно *Рѣпину*, которая была очень мила и къ лицу одѣта. Въ самомъ дѣлѣ, все было продумано, до послѣдней мелочи, чтобы придать наружную характерность представляемому лицу. Во всѣхъ была видна забота, любовь къ дѣлу, желаніе угодить автору. Всѣ актеры горѣли нетерпѣніемъ начать водевиль, предвѣщая *Писареву* блистательный успѣхъ и вызовъ... Когда

раздались слова режиссера: «Пожалуйте со сцены!» Писаревъ, слушавшій живыя рѣчи артистовъ какъ будто съ равнодушіемъ, но тронутый до глубины души, что выражалось особенною блѣдностью его лица, крѣпко сжалъ мою руку, увелъ меня за дальнюю декорацию и сказалъ голосомъ, прерывающимся отъ внутренняго волненія: «Вотъ съ какими людьми я хочу жить и умереть: съ артистами, проникнутыми любовью къ искусству и любящими меня, какъ человѣка съ талантомъ! Стану я томиться скукой въ гостиныхъ вашихъ свѣтскихъ порядочныхъ людей. Стану я умирать съ тоски, слушая пошлости и встрѣчая невѣжественное пониманіе художника вашими, пожалуй, и достопочтенными людьми! Нѣтъ, слуга покорный! Нога моя не будетъ нигдѣ, кромѣ театра, домовъ моихъ друзей и бѣдныхъ квартиръ актеровъ и актрисъ, которые лучше, добрѣе, честнѣе и только откровеннѣе бонтонныхъ оцѣнщицъ, съ презрѣніемъ говорящихъ о нравахъ театральной сволочи». Писаревъ часть отъ часу становился блѣднѣе, глаза его горѣли, онъ почти дрожалъ. Я едва могъ его успокоить и увести въ директорскую ложу. Водевиль шелъ очаровательно; Писаревъ холодно улыбался и отъ времени до времени говорилъ: «Надо обнять Щепкина, Рѣпину и Рязанцева». По окончаніи водевиля публика съ неистовымъ восторгомъ вызывала переводчика и потомъ всѣхъ актеровъ. Возвращаясь домой, подумалъ я: крѣпки нити, привязывающія Писарева къ театру, и никто не оторветъ его отъ обольстительной сферы сценическаго міра“ ⁴³).

Однако Писаревъ въ исторіи нашей литературы извѣстенъ не только какъ водевилистъ, но и какъ великій ненавистникъ Николая Алексѣевича Полевого. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на дѣятельности этого критика, писателя и журналиста. Скажемъ только, что Полевой былъ горячимъ сторонникомъ Пушкина и его школы, стоялъ за новое направленіе въ поэзіи и рѣзко нападалъ на старое. Для распространенія своего образа мыслей, онъ съ 1825 г. сталъ издавать журналъ: „Московскій Телеграфъ“. Полевой имѣлъ большой успѣхъ, но имѣлъ и враговъ. Противъ него была между прочимъ театральная партія—кн. Шаховской, Кокошкинъ, Загоскинъ, С. Аксаковъ. Послѣдній говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Я самъ былъ, къ сожалѣнію, однимъ изъ наиболѣе раздраженныхъ“. Но чѣмъ?— Тѣмъ, что Полевой „низвергалъ съ высоты почетныя имена, ломалъ давно утвердившіяся репутаціи“, т.-е. репутаціи старыхъ писателей ⁴⁴).

Но всѣхъ злѣе относился къ Полевому Писаревъ: онъ, по словамъ Аксакова, ненавидѣлъ его. Ненависть эта отразилась между прочимъ въ водевиляхъ Писарева—иногда игривымъ каламбуромъ, но иногда и очень рѣзкой выходкой. Такъ 24 сентября 1825 г. давали его оперу-водевиль: „Три десятка, или новое двухдневное приключеніе“. Тамъ есть одинъ куплетъ, не изъ лучшихъ у Писарева, но надѣлавшій много шума. Мы приведемъ только послѣднюю его половину (по Аксакову):

У насъ теперъ народъ затѣйный,
Пренебрегаетъ простотой:
Всѣмъ миль цвѣтокъ оранжерейный,
И всѣмъ наскучилъ *полевой*.

„Едва Сабуровъ произнесъ послѣдній стихъ“, — рассказываетъ Аксаковъ, — „какъ въ театрѣ произошло небывалое волненіе: поднялся неслышанный крикъ, шумъ и стукотня. Публика раздѣлилась на двѣ партіи: одна хлопала и кричала браво и форо, а другая, болѣе многочисленная, шикала, кашляла, топала ногами и стучала палками. По музыкѣ слѣдовало повторить послѣдніе два стиха; но оглушительный шумъ заставилъ актера Сабурова— а можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и съ намѣреніемъ (всѣ артисты очень любили Писарева) — не говорить послѣдняго стиха; какъ только шумъ утихъ, Сабуровъ безъ музыки, громко и выразительно произнесъ: «И всѣмъ наскучилъ полевой». Можно себѣ представить гнѣвъ защитниковъ Полевого! Сильнѣе прежняго начался шумъ; стукъ и шиканье наполнили весь театръ и заглушили голоса и хлопанье друзей Писарева. Мало этого: публика обратилась къ начальству, и вмѣсто: *полевой* — было поставлено: *луговой*; наконецъ и этимъ не удовольствовались, и куплетъ былъ вычеркнуть“⁴⁵⁾.

Но это только каламбуръ. А вотъ куплетъ и оскорбительный, что признавалъ и Аксаковъ. Надо замѣтить, что Полевой, происходя изъ купеческаго сословія, не получилъ систематическаго образованія,—и противники его ставили ему на видъ и это обстоятельство, хотя путемъ самообразованія, какъ человѣкъ даровитый, онъ достигъ того, что имѣлъ право считать себя не ниже тѣхъ, кто упрекалъ его въ невѣжествѣ и давалъ ему кличку „самоучки“. Такъ именно поступалъ Писаревъ, и въ концѣ своего водевиля помѣстилъ такой куплетъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ умникомъ прослыть;

Самъ не кончивши ученя,
Всѣхъ пускается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожить...
Не пора ль ему шепнуть,
Что учить никакъ не можетъ,
Кто учился какъ-нибудь.

Задѣвалъ Писаревъ Полевого и въ другихъ своихъ водевиляхъ — и всегда болѣе или менѣе зло.

Писаревъ не принадлежалъ къ числу добродушныхъ людей: онъ былъ даровитъ, Аксаковъ очень хвалитъ его умъ, можетъ быть и преувеличивая нѣсколько качества этого ума, называя его глубокимъ, — но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ чрезвычайно раздражительный и очень самолюбивый, не стѣснявшійся громко называть себя „талантомъ“. Это послѣднее какъ-то не совѣмъ вяжется съ большой глубиной ума. Талантъ, конечно, у Писарева былъ, хотя и проявлялся въ довольно ограниченной сферѣ водевиля, — но все же и публика, и друзья-писатели, и артисты нѣсколько избаловали счастливаго водевилиста. Раздражительность, усиливаясь съ годами, разрушала его слабое отъ природы здоровье, онъ началъ сильно кашлять, наконецъ, подвергся простудѣ — и на 27-мъ году жизни умеръ 15-го марта 1828 г. ⁴⁶⁾. Онъ похороненъ въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ.

Какъ писатель вообще, Писаревъ оригиналенъ не болѣе Хмельницкаго. Онъ переложилъ хорошими стихами старинную комедію Шеридана: „Школа злословія“ и назвалъ ее: „Лукавинъ“, по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ; передѣлалъ стихами же французскую комедію: „Voyage à Dieppe“, приурочилъ ее къ русскимъ нравамъ и назвалъ „Поѣздкой въ Кронштадтъ“; сочинилъ „Похвальное слово Капнисту“, котораго онъ очень цѣнилъ за комедію: „Ябеда“, — и затѣмъ занимался писаніемъ водевилей. Куплеты въ водевиляхъ Писарева оригинальные, но самые водевили — или переводъ, или передѣлка. Впрочемъ у Писарева была задумана и историческая драма: „Христофоръ Колумбъ“, прологъ къ которой былъ въ 1825 г. напечатанъ въ „Драматическомъ альманахѣ“, изданномъ самимъ Писаревымъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ въ свое время композиторомъ нашимъ — Верстовскимъ. Въ этомъ прологѣ, напечатанномъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько сценъ въ кондитерской лавкѣ“, Писаревъ тоже является націоналистомъ, и подъ именемъ Теорова вступаетъ въ споръ съ литераторомъ Фіалкинымъ, утверждающимъ, что у насъ нѣтъ разговорнаго языка. Теоровъ возражаетъ ему:

Нѣтъ разговорнаго у русскихъ языка!
Какимъ же языкомъ вы говорите сами?
Какимъ же языкомъ теперь я спорю съ вами?
Нѣтъ разговора! такъ! не будетъ до тѣхъ поръ,
Пока не надобѣтъ намъ чужеземный вздоръ,
Пока не захотимъ по-русски мы учиться.
Теперь, благодаря ученью, можно льститься,
Что мы все русское полюбимъ, все свое;
Теперь сбывается желаніе мое:
Французскій вашъ жаргонъ ужъ многіе бросаютъ,
И... дамы наконецъ по-русски понимаютъ!
И вы не правы, я еще вамъ повторю.

Фіалкинъ.

За что жъ вы сердитесь?.. Я просто говорю,
Что не богаты мы хорошими стихами.
Кто жъ въ этомъ виновать?

Теоровъ.

Вы, сударь!

Фіалкинъ.

Я?

Теоровъ.

Вы сами,

И вамъ подобные, которымъ все свое
Не нравится, кому противно въ русскихъ все,
Которымъ Кребильонъ извѣстенъ весь до слова,
А скучны лишь стихи „Димитрія Донского“;
Которые, сударь, вездѣ наперерывъ
Читаютъ Мариво, Фонвизина забывъ,
И, выбравъ Демутье предметомъ обожанья,
Безсмертной „Ябеды“ не знаютъ и названья!
Театра нашего вотъ вѣчные враги!..

Иногда Писаревъ писалъ и сатирическія стихотворенія, но главнымъ призваніемъ его, какъ мы уже говорили, былъ водевиль. Въ Императорской Публичной Библиотекѣ далеко не все имѣется, что обработано Писаревымъ въ этомъ родѣ; но по указаніямъ Аксакова можно составить довольно большой списокъ его водевилей: „Учитель и ученикъ, или въ чужомъ пиру похмелье“, „Хлопотунъ, или дѣло мастера боится“, „Тридцать тысячъ человѣкъ, или находка хуже потери“, „Забавы калифа, или шутки на однѣ сутки“, „Три десятка, или новое двухдневное приключеніе“, „Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки“, „Дядя на прокатъ“, „Двѣ записки, или безъ вины виновать“, „Странствующіе лѣкаря“ и др. Водевиль Писарева живы, игривы, часто остроумны, а иногда

и очень ѣдки. Лучшее въ нихъ, какъ и у Хмельницкаго, — куплеты, написанные хорошими и не всегда однообразными стихами. Въ нихъ-то авторъ и проявилъ свой талантъ водевиллиста то забавной и безобидной шуткой, то ѣдкой насмѣшкой, то какой-нибудь неожиданной выходкой на чей-либо счетъ, заставляющей засмѣяться. И если самые водевили Писарева не русскіе, такъ какъ все это переводъ да передѣлка, — то зато въ куплетахъ его, — а изрѣдка и въ другихъ кое-какихъ вставкахъ, — не мало разныхъ намековъ на русскую современность, и тутъ онъ дѣйствительно оригиналенъ.

Лучшимъ водевилемъ Писарева признается „Хлопотунъ“ (1824 г.). Изданіе его даже повторено въ Москвѣ въ 1886 г., и на заглавномъ листѣ въ видѣ эпиграфа напечатанъ слѣдующій отзывъ Н. Гербеля: „Хлопотунъ едва ли не лучший русскій водевиль, обличающій въ Писаревѣ мастера своего дѣла“. Въ самомъ дѣлѣ, это очень живая и хорошая передѣлка съ французскаго. Главное лицо въ ней — Репейкинъ, человекъ сорока лѣтъ, пріятель богатаго подмосковнаго помѣщика Радимова, который хочетъ выдать за него свою семнадцатилѣтнюю дочь Наденьку, влюбленную въ молодого сосѣда — Ліонскаго. Ліонскій тоже въ нее влюбленъ. Вся соль водевиля основана на необыкновенной юркости и суетливости характера Репейкина, который любитъ вмѣшиваться рѣшительно во все, полагая, что онъ можетъ все уладить такъ, какъ никто другой. Онъ-то и есть неугомонный хлопотунъ, тотъ мастеръ, котораго боится дѣло. Много уже онъ склопоталъ разныхъ дѣлъ на свою бѣду — и между прочимъ, ничего не подозревая, склопоталъ и женить Ліонскаго. Послѣ только оказалось, что Ліонскій добивался жениться именно на Наденькѣ, и Репейкинъ остался безъ невѣсты.

Въ пьесѣ много забавнаго, веселаго, вмѣстѣ съ разными шпильками по адресу современности. Вотъ примѣръ. Въ то время кн. Шаликовъ издавалъ „Дамскій журналъ“. Писаревъ, какъ говорится, прошелся насчетъ этого изданія въ слѣдующей сценѣ (явл. XXIV-е). Репейкинъ, — ужъ послѣ того, какъ склопоталъ невѣсту Ліонскому, — задумываетъ признаться Наденькѣ въ любви и говорить:

(Въ сторону). Ну, Репейкинъ, не теряй времени: откройся въ любви!.. *(Вслухъ).* Ахъ, сударыня, у ногъ вашихъ позвольте... *(кидается на колѣни и срываетъ бантикъ съ башмака ея).* Позвольте замѣтить вамъ, что бантиковъ нынче не носятъ на башмакахъ: объ этомъ можно прочесть даже въ „Дамскомъ журналѣ“.

Наденька. Я не читаю „Дамскаго журнала“.

Репейкинъ. И я не читаю, и *никто не читаетъ*, а все-таки не мѣшало бы справиться.

Въ другомъ мѣстѣ (явл. VI-е) достается тогдашнимъ судьямъ. Радимовъ хочетъ угостить пріятеля завтракомъ.

Репейкинъ. Я терпѣть не могу завтракать. (*Поетъ*):

Судей я славно угошаль;
Они меня благодарили;
Я часто завтраки давалъ;
Они все *завтра* мнѣ сулили.
Я ждалъ рѣшительнаго дня —
И что жъ? соперникъ оправдался;
Съ меня же взяли штрафъ—и я
На завтракахъ одинъ остался.

Въ одномъ изъ куплетовъ послѣдняго явленія (XXX-го) задѣтъ кн. Вяземскій — подъ именемъ Мишурскаго.

Но въ этомъ же явленіи есть и куплетъ особаго рода — патриотическій; его поетъ Ліонскій.

Врага мы зрѣли своего;
Предъ нимъ Европа трепетала;
Онъ всѣхъ сражалъ... вдругъ на него
Россія гибельно возстала.
Предъ нею гордый врагъ упалъ;
Европѣ нечего страшиться;
И русскій свѣту доказалъ,
Что дѣло мастера боится.

Музыка къ куплетамъ — Алябьева и Верстовскаго, съ которыми Писаревъ былъ друженъ, и которые обыкновенно и снабжали его его водевили.

Очень недуренъ и водевиль съ сюжетомъ изъ арабскихъ сказокъ: „Забавы калифа“ (1825 г.). Основанъ онъ на извѣстныхъ разсказахъ о тайныхъ прогулкахъ калифа Гарунъ-аль-Рашида, съ цѣлю узнавать правду. Помимо изображенія разныхъ крайне юмористическихъ сценъ, въ немъ осмѣивается неправосудіе. Водевиль состоитъ изъ трехъ дѣйствій. Первое дѣйствіе открывается требованіемъ багдадскаго кади, чтобы бѣдный башмачникъ Гассанъ починилъ мостовую у своего дома. Гассанъ возражаетъ: почему же не предъявляютъ такого требованія богатымъ, а только мнѣ, бѣдному башмачнику? Кади приказываетъ своему писцу Миссуфу отвести Гассана въ тюрьму. И Гассанъ, и сестра его

Зюлема начинаютъ съ Миссуфомъ торговаться. — Да знаешь ли ты, что такое правосудіе? спрашиваетъ Миссуфъ у Гассана.

Гасс. Я очень знаю, что совсѣмъ
Его вы сдѣлали товаромъ.

Мисс. Оно безцѣнно—и затѣмъ
Нигдѣ не отдается даромъ.

Писецъ поэтому просить денегъ.

Зюл. Г. Миссуфъ, у насъ нѣтъ больше денегъ; если хотите, то я подарю вамъ курицу.

Мисс. Взятки натурою! Нѣтъ, ужъ мы лучше поведемъ его въ тюрьму.

Гасс. Я, пожалуй, дамъ вамъ и денегъ, только не теперь; мы сдѣлаемъ уговоръ, что когда я разбогатѣю...

Мисс. Нѣтъ, мы не сдѣлаемъ такого уговора...

Зюл. Зачѣмъ же начинать вамъ споръ?

Мисс. Но уговоръ вашъ тяжеленекъ.

Гасс. Да говорить, что уговоръ
Всегда бываетъ лучше денегъ.

Зюл. Ужъ это явная грабежъ.

Мисс. Прошу не говорить мнѣ вздора!
Конечно, уговоръ хорошъ,
Но деньги лучше уговора.

Гасс. Гдѣ жъ намъ взять денегъ? Возьмите двѣ курицы.

Зюл. Да этого много... Ну, двѣ, такъ и быть.

Мисс. Или деньги, или въ тюрьму, или пять куръ самыхъ лучшихъ.

Зюл. Помилуйте, у насъ у самихъ всего столько. Чѣмъ же мы будемъ кормиться?

Мисс. Трудами.—Я люблю поощрять трудолюбіе, и для того хочу взять всѣхъ вашихъ куръ.

Гассанъ и Зюлема спрашиваютъ, чтобы Миссуфъ оставилъ имъ хоть одну курицу.

Мисс. Нечего дѣлать: вы меня тронули; дайте мнѣ четырехъ куръ и знайте, что и судьи умѣютъ быть сострадательными. Теперь, Гассанъ, возьми два бревна, положи ихъ подлѣ своего дому, посыпъ мостовую пескомъ; а я скажу г. кади, что ты чинишь ее.

Само собою разумѣется, что и кади и его писецъ несутъ за правосудіе должное наказаніе.

Не будемъ сравнивать водевилей Писарева съ водевилями Хмельницкаго въ эстетическомъ отношеніи: хороши и тѣ и другіе; но разница между ними все-таки есть. Если Писаревъ,

какъ писатель вообще, не оригинальнѣе Хмельницкаго, то въ частности, какъ водевилистъ, онъ оригинальнѣе своего соперника: въ его водевиляхъ, главнымъ образомъ въ его куплетахъ, то тутъ, то тамъ захватывается современность, нерѣдко со свойственной его характеру ѣдкостью. Эта ѣдкая насмѣшливость — тоже отличаетъ Писарева отъ Хмельницкаго, смѣявшагося добродушно. Впрочемъ ѣдкія насмѣшки Писарева не всегда были основательны: иногда онѣ вызывались просто его болѣзненной раздражительностью. Такъ, напримѣръ, проф. Веселовскій остроты Писарева насчетъ „Горя отъ ума“ (о которыхъ подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ) склоненъ объяснить больше всего именно его „болѣзненно-раздражительной насмѣшливостью“ ⁴⁷⁾.

XVI. А. С. Грибоѣдовъ (1795 — 1829).

Грибоѣдовъ, какъ авторъ комедіи: „Горе отъ ума“, — писатель первоклассный. — Литература о Грибоѣдовѣ (указатель, приложенный къ изданію сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина; указанія, данныя Пыпинымъ; статья Евг. Соловьева).

Князь Шаховской, Загоскинъ, Хмельницкій, Писаревъ—все это авторы съ талантомъ, но не писатели первой величины. Выше ихъ значительно выдвинулся Грибоѣдовъ своимъ „Горемъ отъ ума“, и выдвинулся настолько, что сталъ въ ряду первостепенныхъ нашихъ творцовъ комедіи, въ исторіи развитія которой, держась хронологическаго порядка прежде всего отмѣчаютъ имена Фонвизина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго. Вотъ пять корифеевъ нашей комедіи. Устраняя совершенно вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ произведеній, скажемъ только, что комедіи Грибоѣдова особенно посчастливилось: она не только прожила уже многіе десятки лѣтъ, но и разнесена, какъ сказалъ Гончаровъ, на клочья, на стихи, полустихія ⁴⁸⁾, и все это обратилось въ ходячія выраженія, подобно выраженіямъ изъ басенъ Крылова. Послѣ этого, что бы ни говорили о пьесѣ Грибоѣдова, о „старо-барскомъ старовѣріи“ ея автора ⁴⁹⁾,—уже самая живучесть его комедіи и ея популярность есть фактъ, указывающій, что „Горе отъ ума“—произведеніе первоклассное.

Библиографическаго матеріала о Грибоѣдовѣ теперь накопилось уже очень много. Еще въ 1889 г. подъ редакціей И. А. Шляпкина было издано „Полное собраніе сочиненій А. С. Гри-

боѣдова“, снабженное разнаго рода примѣчаніями и между прочимъ — очень полнымъ библиографическимъ указателемъ литературы объ авторѣ „Горя отъ ума“. Въ этомъ указателѣ перечислено, какъ говоритъ составитель его, „все существенное и наиболее интересное“ о Грибоѣдовѣ, появившееся въ печати, начиная съ 1814 г. по 1889 г. включительно.

Перечень этого хронологическаго списка пополняется указаніями Пыпина въ IV-мъ томѣ его „Исторіи русской литературы“, гдѣ отмѣчены труды о Грибоѣдовѣ, появившіеся уже послѣ 1889 года, а именно: статьи: А. И. Смирнова — „А. С. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьбы комедіи его“ (въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ, 1895 г., т. VI); Е. Пѣтухова — „А. С. Грибоѣдовъ“ (въ „Сборникѣ“ Историко-филолог. Общ. при Нѣжинскомъ институтѣ *). Кіевъ, 1896); А. Кадлубовскаго — „Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи“ (тамъ же **).

Мы съ своей стороны ко всему этому прибавимъ еще указаніе на статью о Грибоѣдовѣ Евг. Соловьева, помѣщенную въ его „Очеркахъ по исторіи русской литературы XIX вѣка“ (Спб., 1902), — статью очень небольшую, но тѣмъ не менѣе останавливающую на себѣ вниманіе своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ автору монологовъ Чацкаго.

Первые годы жизни Грибоѣдова и его воспитаніе (1795—1812).

Грибоѣдовъ—Тазитъ въ своемъ родѣ.—Среда, въ которой родился и жилъ будущій авторъ „Горя отъ ума“ до 1812 года.— Личность его матери, ея происхожденіе, ея родовыя и общественныя традиціи.—Ея братъ и сестры.— Заботы матери о служебной карьерѣ сына.—Гувернеры Петрозиліусъ и Іонъ.—Характеръ домашняго воспитанія Грибоѣдова.—Грибоѣдовъ, какъ знатокъ языковъ и какъ музыкантъ.—Вліяніе университета.—Семейный гнетъ со стороны матери и дяди.—Раннее пробужденіе въ Грибоѣдовѣ враждебнаго отношенія къ отрицательнымъ сторонамъ окружавшей его среды.—Начатки: „Горя отъ ума“.—Личность сестры Грибоѣдова.

Въ одномъ изъ своихъ превосходнѣйшихъ произведеній Пушкинъ изобразилъ положеніе молодого человѣка, нравственно

*) На этотъ „Сборникъ“ указываетъ Пыпинъ; но всѣ наши поиски за нимъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ оказались тщетными, и означенную статью Е. Пѣтухова, благодаря любезности В. П. Ламбина, мы имѣли въ рукахъ въ видѣ отдѣльнаго оттиска, дѣйствительно напечатаннаго въ Кіевѣ, но не въ 1896 году, а въ 1895-мъ.

***) Статью Кадлубовскаго мы также нашли лишь въ видѣ отдѣльнаго оттиска, изд. въ Кіевѣ въ 1896 г.

возвысившагося надъ окружавшей его средой—и потому не понятого ею. Подобное было и съ Грибоѣдовымъ. Конечно, его не изгоняли и не проклинали, какъ это случилось съ Тазитомъ, но и онъ, какъ Тазитъ, не могъ быть понятъ и оцѣненъ своими домашними; и отъ него, какъ отъ Тазита, требовали совсѣмъ не того, къ чему влекло его сердце.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 4-го января 1795 г.*) въ Москвѣ, въ Подъ-Новинскомъ, въ домѣ, принадлежавшемъ его матери. Та часть города, гдѣ жили Грибоѣдовы, была совершенно барскимъ кварталомъ, отличавшимся своими особыми нравами и порядками. Тутъ селились одни „столбовые“, большею частью связанные узами родства или дружбы. Презрительно относясь къ остальной Москвѣ, они себя только называли *свѣтомъ*, имѣли своихъ законодателей и законодательницъ свѣтскихъ приличій, свято блюли свои дворянскія традиции, и въ ихъ заколдованномъ кругу, какъ выразился проф. Веселовскій, гасла и замирала всякая самостоятельная мысль⁵⁰). Словомъ сказать, тутъ жили тѣ люди, которые потомъ стали извѣстны подъ именемъ Грибоѣдовской Москвы.

Родители поэта имѣли обширный кругъ знакомыхъ и родственниковъ, и будущій авторъ „Горя отъ ума“ еще въ дѣтствѣ могъ вдоволь насмотрѣться на такіе типы, которые потомъ подали поводъ къ изображенію Фамусова, Хлестовой, князя Тугоуховскаго съ семьєю и пр.

Въ домѣ Грибоѣдовыхъ главную роль играла мать Александра Сергѣевича, Настасья Ѳеодоровна, въ 1793 г. (а по мнѣнію А. И. Смирнова—въ 1791), вышедшая за секундъ-майора Сергѣя Ивановича Грибоѣдова, дальняго потомка того Яна Гржибовскаго, котораго еще царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ изъ Польши для участія въ составленіи „Уложенія“⁵¹). О характерѣ Сергѣя Ивановича ничего неизвѣстно: о немъ только и говорятъ, что ко всѣмъ домашнимъ дѣламъ онъ относился безучастно, и всѣмъ завѣдывала жена его. Настасья же Ѳеодоровна была женщина съ характеромъ. Л. Н. Майковъ въ своихъ „Замѣткахъ объ А. С.

---

*) Указанный тутъ годъ рожденія Грибоѣдова можно считать окончательно установленнымъ: на немъ остановился и И. А. Шляпкинъ въ своей „Хронологической канвѣ“ (Полн. собран. соч. А. С. Грибоѣдова, т. I) и А. И. Смирновъ въ своей статьѣ въ „Варшавск. универ. Извѣстіяхъ“ 1895 г. Но о днѣ рожденія этого сказать нельзя: большинство принимаетъ 4-е января; но Е. В. Пѣтуховъ (кажется, основываясь на замѣткѣ Веселовскаго въ „Рус. Архивъ“ 1874 г. кн. I, стр. 1517) принимаетъ 5-е января.

Грибоѣдовъ“ ⁵²⁾ назвалъ ее „очень просвѣщенной“, но право ея на такое названіе рѣшительно не подтверждается трудами другихъ изслѣдователей и біографовъ. Напротивъ, о ней говорятъ, какъ о характерѣ заносчивомъ, тяжеломъ ⁵³⁾; нравъ ея называютъ крутымъ и сварливымъ ⁵⁴⁾. Да помимо этого, можно ли назвать „очень просвѣщенной“ женщину, которая съ презрѣніемъ относилась къ литературнымъ занятіямъ сына и хотѣла видѣть въ немъ лишь блестящаго своимъ положеніемъ чиновника. Къ тому же надо имѣть въ виду еще и слѣдующее.

Настасья Ѳедоровна по рожденію—также была Грибоѣдова. Она прекрасно помнила, что предокъ ея, Михайло Грибоѣдовъ, еще до воцаренія Михаила Ѳеодоровича отличился большими военными подвигами, за что послѣ (въ 1614 г.) и получилъ грамоту отъ этого царя. Грамота эта сохранялась потомками и дошла до брата Настасьи Ѳедоровны—Алексѣя Ѳеодоровича. Правнукъ Михайла Грибоѣдова, Тимофей Ивановичъ, служилъ Петру Великому, былъ воеводою въ Дорогобужѣ, затѣмъ пожалованъ былъ чиномъ майора и назначенъ комендантомъ въ Вязьму. Послѣдующіе потомки Михайла Грибоѣдова, правда, ничѣмъ себя не отличили, тѣмъ не менѣе Настасья Ѳедоровна гордилась древностью своего дворянскаго рода, вся была проникнута аристократическими воззрѣніями и свято хранила родовыя и общественныя традиціи, боясь всего, что могло бы уронить ея барское достоинство.

Въ этомъ уваженіи къ родовитости, въ этихъ барскихъ воззрѣніяхъ сильно поддерживали Настасью Ѳедоровну братъ ея и сестры. Алексѣй Ѳеодоровичъ, дядя поэта, въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ послѣдняго, такъ охарактеризованъ: „Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставку жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: я, братъ!“ ⁵⁵⁾.

Въ Москвѣ Алексѣй Ѳеодоровичъ, служившій до отставки начальникомъ Архива, ⁵⁶⁾ *) жилъ большимъ тузомъ и любилъ устраивать богатые празднества. Въ одномъ изъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу (1810 г.) читаемъ: „Сегодня ужасный маскарадъ у г. Грибоѣдова; вся Москва будетъ“ ⁵⁷⁾. Елизавета, дочь Алексѣя

---

*) Въ „Москвитянинѣ“ 1836 г. (см. наше примѣч. 51-е) есть указаніе, что и Алексѣй Ѳеодоровичъ и отецъ его не любили на службѣ дѣлать дѣло сами, а нанимали за себя бѣдныхъ людей.

Федоровича отъ перваго его брака съ кн. Одоевской, была женой впоследствии столь прославившагося графа Паскевича; старшая изъ четырехъ сестеръ его, Анна, была замужемъ за Разумовскимъ; двѣ слѣдующія сестры, Александра и Елизавета, также были женами дворянъ. Второй женой Алексѣя Федоровича была Нарышкина, а дочь его отъ нея, Софья, была замужемъ за Римскимъ-Корсаковымъ. И Алексѣй Федоровичъ и его сестры, гордые своимъ древнимъ родомъ, любили гордиться и своей „столбовой“ родней. Настасья же Федоровна, младшая изъ сестеръ, такъ высоко цѣнившая родовитость, связи и свѣтскія приличія, смотрѣла на своего брата, какъ на идеаль знатнаго барина, совѣтовалась съ нимъ и охотно допускала его вмѣшательство въ свои семейныя дѣла. А между тѣмъ Алексѣй Федоровичъ былъ именно тѣмъ лицомъ, которое подало Грибоѣдову поводъ вывести въ своей комедіи типъ Фамусова.

Мать Грибоѣдова не могла представить себѣ будущность сына иначе, какъ блестящею, — конечно, въ смыслѣ службы на видномъ мѣстѣ, — а потому и старалась пользоваться своими связями и знакомствомъ, въ чемъ чрезвычайно охотно помогаль ей и братъ ея, давно уже привыкшій „пресмыкаться“ въ вельможныхъ переднихъ. Настасью Федоровну больше всего прельщала карьера дипломатическая; но она въ то же время понимала, что для этой карьеры нужно и соответствующее образованіе, понимала это тѣмъ болѣе, что наступило время, когда само правительство заявило (въ 1803 г.), что для занятія высшихъ должностей оно потребуеть и высшаго образованія ⁵⁸⁾.

Заботливая мать начала съ того, что пригласила въ домъ гувернера-иностранца, нѣмца Петрозиліуса. Но выборъ этотъ былъ не вполне удаченъ. Петрозиліусъ былъ человекъ ученый, серьезный; впоследствии онъ прославился изданіемъ перваго обстоятельнаго „Каталога Московской университетской бібліотеки“ (1831—1836). Онъ хотѣлъ было развить въ своемъ питомцѣ добросовѣстное и серьезное отношеніе къ учебнымъ занятіямъ, но, какъ это случается иногда съ нѣмецкими педагогами, былъ излишне педантиченъ — и окончилъ тѣмъ, что возбудилъ въ живомъ мальчикѣ большое къ себѣ нерасположеніе. Тутъ, по мнѣнію Веселовскаго, у Грибоѣдова едва ли не впервые зародилась нелюбовь къ нѣмцамъ, которая послѣ не разъ имъ высказывалась. Веселовскій думаетъ ⁵⁹⁾, что выходка Чацкаго противъ нѣмцевъ въ

концѣ 7-го явл. перваго дѣйствія первоначальной редакціи „Горя отъ ума“ имѣла въ виду именно Петрозиліуса.

Я не могу забыть: учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца —
Какъ наши робкіе тревожили умы!
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что ничего нѣтъ выше нѣмца!

Впрочемъ и въ позднѣйшей редакціи только нѣсколько сглаженъ портретъ Петрозиліуса, но выходка противъ нѣмцевъ осталась, хотя тоже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ:

Нашъ менторъ — помните, колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный — все признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!...
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!

Изъ числа другихъ доказательствъ нерасположенія Грибоѣдова къ нѣмцамъ приведемъ тѣ строки изъ письма его къ С. Н. Бѣгичеву отъ 18 сентября 1818 г., гдѣ онъ говоритъ о сослуживцѣ своемъ — Амбургерѣ. Письмо писано въ дорогѣ, изъ Воронежа. Въ немъ читаемъ: „Вообще вездѣ на станціяхъ остановка; къ счастью, что мой товарищъ—особа прегорячая, бичъ на смотрителей, хорошій малый; я уже увѣрилъ его, что *быть нѣмцемъ очень глупая роль на свѣтѣ*, и онъ уже подписывается Амбургевъ, а не—ръ, и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ на повалъ, а мнѣ это съ руки“ ⁶⁰).

Не поладившій съ своимъ питомцемъ Петрозиліусъ былъ замѣщенъ другимъ губернаторомъ, случайно, но въ высшей степени счастливо встрѣтившимся, Богданомъ Ивановичемъ Іономъ. У Веселовскаго есть слѣдующая прекрасная характеристика личности этого воспитателя, съ указаніемъ отношенія къ нему его благодарнаго воспитанника. Іону „суждено было сдѣлаться не только руководителемъ воспитанія Грибоѣдова, но и близкимъ другомъ и совѣтникомъ его, одною изъ тѣхъ добродушныхъ старческихъ головъ, которыя такъ симпатично вырѣзываются иногда въ смутной картинѣ воспоминаній о раннемъ дѣтствѣ, и которыя потомъ неразлучны со всѣми хорошими днями жизни. Когда судьба ни приводила Грибоѣдова снова въ родную обстановку, — одною изъ первыхъ заботъ его бывало отыскать Іона; старикъ въ свою очередь сильно тосковалъ, что не могъ повидать своего питомца, когда, замѣшанный въ дѣло 14-го декабря, онъ проѣзжалъ подъ конвоемъ черезъ Москву, и выказывать

привязанность къ нему могло быть небезопасно; наконецъ, когда Грибоѣдова уже не стало, старикъ-гувернеръ любилъ сходиться съ другомъ покойнаго, С. Бѣгичевымъ, и вспоминать съ нимъ о Грибоѣдовѣ и о добрыхъ старыхъ дняхъ. Въ тѣ минуты, говоритъ очевидецъ, слезы виднѣлись на глазахъ обоихъ собесѣдниковъ“ ⁶¹⁾.

Забота Настасьи Ѳедоровны о служебной карьерѣ сына заставила ее пожелать для него университетскаго диплома. Братъ ея, подобно Фамусову, не видѣлъ, конечно, проку въ многоученіи, но и онъ не могъ не чувствовать необходимости уступить времени,—и Іону было поручено готовить Грибоѣдова къ поступленію въ университетъ. Чрезвычайно образованный, докторъ правъ и знатокъ древнихъ языковъ, Іонъ былъ не только хорошимъ воспитателемъ, но и отличнымъ учителемъ. Онъ принялся за свое дѣло серьезно, однако и съ тѣмъ тактомъ, который далъ ему возможность привязать къ себѣ своего питомца, и послѣдній полюбилъ умственную работу. Какъ поклонникъ древнихъ классиковъ, Іонъ и Грибоѣдову далъ классическое образованіе (впрочемъ пока съ однимъ только лат. языкомъ; съ греческимъ Грибоѣдовъ познакомился позднѣе), и долго занимался съ нимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. Онъ былъ главнымъ руководителемъ воспитанія и образованія будущаго поэта, но ему помогали и другіе избранные преподаватели.

Большая забота обращена была и на изученіе новыхъ языковъ. У Майкова находимъ извѣстіе,—основанное на показаніяхъ современниковъ, — что Грибоѣдовъ, поступивъ въ университетъ, уже говорилъ по-французски, по-нѣмецки, по-англійски и по-итальянски ⁶²⁾. Семевскій, описывая петербургскую жизнь Грибоѣдова по пріѣздѣ его изъ Польши въ 1815 г., также говоритъ, что онъ „свободно изъяснялся на четырехъ языкахъ“, и прибавляетъ: „Грибоѣдовъ (подобно Катенину), смотря въ иностранную книгу, читалъ ее по-русски въ самомъ вѣрномъ переводѣ, такъ что хотъ записывать и отдавать въ печать“ ⁶³⁾. Такое знаніе языковъ открыло Грибоѣдову свободный доступъ къ западнымъ литературамъ.

Къ хорошей сторонѣ жизни Грибоѣдовыхъ надо отнести ихъ любовь къ музыкѣ. Музыка въ ихъ домѣ „процвѣтала“, какъ сказалъ одинъ біографъ ⁶⁴⁾. У Александра Сергѣевича былъ выдающійся музыкальный талантъ, на который и было обращено вниманіе его матери—и не напрасно. Тотъ же Семевскій рассказываетъ, что Грибоѣдовъ впоследствии по цѣлымъ часамъ бы-

вало импровизировалъ на фортепьяно, и можно было заслушаться его импровизаціей ⁶⁵). Сблизившись съ кружкомъ тогдашнихъ нашихъ композиторовъ,—съ Алябьевымъ, Верстовскимъ и др.,—Грибоѣдовъ захотѣлъ изучить самые законы музыки, и, благодаря урокамъ извѣстнаго въ свое время петербургскаго профессора гармоніи Іоганна Миллера, овладѣлъ ими и сталъ въ музыкѣ не только виртуозомъ, но и опытнымъ теоретикомъ. Грибоѣдовъ любилъ музыку страстно, — и какъ онъ скучалъ на Востокъ по своемъ фортепьяно, и какъ былъ счастливъ, когда случалось ему добратъся до любимаго инструмента! Тогда онъ не отрывался отъ него по цѣлымъ днямъ.

Прекрасно подготовленный Іономъ, Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ. Въ виду того, что мать готовила сыну дипломатическую карьеру, да, вѣроятно, и по совѣту юриста Іона, факультетъ былъ выбранъ юридическій (этико-политическое отдѣленіе философскаго). Опредѣляя Грибоѣдова въ университетъ по необходимости уступить требованію времени, мать и дядя приняли мѣры, чтобы не смѣшать его съ „плебеями“: во-первыхъ, его записали вольнослушателемъ, во-вторыхъ, посылали его на лекціи въ сопровожденіи гувернера, какъ было это тогда въ обычаѣ у богатыхъ баръ; въ-третьихъ, выдержали въ университетѣ менѣе обыкновеннаго.

Когда же Грибоѣдовъ сдѣлался студентомъ? — Въ „Хронологической канвѣ“ Шляпкина, при составленіи которой въ 1889 г. авторъ руководился всей библиографической литературой о Грибоѣдовѣ за періодъ времени отъ 1814 по 1889 г. включительно, — въ этой „канвѣ“ подъ 1810-мъ годомъ читаемъ: „Въ это время или въ 1811 г. А. С. Г. поступилъ въ Московскій университетъ“... Но въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ 1895 г. (т. VI), въ статьѣ А. И. Смирнова (стр. 3, выноска) есть слѣдующее заявленіе:

„До послѣдняго времени пребываніе Грибоѣдова въ университетѣ, какъ студента, относимо было къ 1810—1812 гг. Онъ въ послѣднемъ 1812 г. будто бы получилъ и степень кандидата правъ. Но теперь извѣстно, что все это было гораздо раньше. Въ № XXII, стр. 199—200 «Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія» имя Александра Грибоѣдова значится въ спискѣ лицъ, о производствѣ которыхъ въ кандидаты въ теченіе минувшаго академическаго года было объявлено 30 числа іюня 1808 г. Въ Исторіи Московскаго университета Шевырева Грибоѣдовъ

указанъ въ числѣ кандидатовъ 1808 г. (Рус. Вѣд. 1895 г., № 25, ст. Бобынина). Въ копіи университетскаго диплома дважды значится, что онъ выданъ въ 1808 г. (Бѣлокуровъ, Рус. Обзор., мартъ, 1895 г.).“

Но какъ бы ни было, всѣ біографы Грибоѣдова согласны въ томъ, что пребываніе его въ университетѣ принесло ему несомнѣнную и большую пользу. Въ Московскомъ университетѣ того времени было много превосходныхъ профессоровъ, и близкое общеніе ихъ со студентами было явленіемъ обычнымъ. Одинъ изъ нихъ, М. М. Снегиревъ, читавшій исторію философіи, личность прекрасная, простодушная, истинно - религіозная, по словамъ его біографа, былъ „снисходителенъ и привѣтливъ къ ученикамъ, которыхъ почиталъ друзьями; домъ его былъ открытъ для юныхъ друзей его“. Другой—профессоръ Страховъ, державшійся къ студентамъ еще ближе, былъ большимъ любителемъ театра и обыкновенно руководилъ студенческими спектаклями. Не безъ основанія полагаютъ, что та страсть къ театру, которая такъ велика была у Грибоѣдова, могла впервые зародиться въ немъ именно подъ вліяніемъ Страхова. Насколько Грибоѣдовъ любилъ театръ, можно судить о томъ ужъ по письму его къ Бѣгичеву отъ 30 авг. 1818 г. Уѣзжая на Востокъ, онъ проситъ своего друга, чтобы тотъ подписался для него на афиши. „Присылай ихъ мнѣ, а когда уѣдешь изъ Петербурга, поручи кому - нибудь другому, Катенину или Жандру“ ⁶⁶). Грибоѣдову хотѣлось знать о театрѣ хоть по афишамъ.

Но изъ всѣхъ университетскихъ профессоровъ въ отношеніи благотворнаго вліянія на Грибоѣдова самое большое значеніе имѣлъ Іоганнъ Теофилъ Буле (Buhle). Начавши свою ученую дѣятельность въ Германіи, Буле былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ Московскаго университета. Онъ читалъ, какъ показываетъ каталогъ лекцій, нравственную философію, эстетику, всеобщую исторію и исторію искусства ⁶⁷). Кромѣ того, этотъ ревностный распространитель науки читалъ публичныя лекціи, устраивалъ у себя на дому частныя курсы, гдѣ подвергалъ подробному изученію частныя вопросы исторіи, эстетики и философіи, и, сверхъ того, издавалъ нѣсколько періодическихъ изданій ⁶⁸). Онъ былъ большимъ знатокомъ Аристотеля и любилъ разсуждать о сущности и основахъ драмы вообще, но предпочиталъ комедію, и особенно нравились ему комедіи Плавта и Теренція. Грибоѣдовъ слушалъ его лекціи и курсы, и Буле оцѣнилъ даровитаго слушателя: онъ часто ему одному посвящалъ продолжительныя философскія и эстетическія бесѣды ⁶⁹). Въ бесѣдахъ съ

такимъ учителемъ чрезвычайно расширился умственный горизонтъ Грибоѣдова, воспитывалась способность къ отвлеченному мышленію, крѣпли любовь и уваженіе къ наукѣ, приобрѣтались многостороннія знанія, приобрѣталось и основательное литературное образованіе. Подъ вліяніемъ Буле Грибоѣдовъ, уже успѣвшій полюбить театръ, тоже особенно полюбилъ комедію, и дома, вмѣстѣ съ Іономъ, изучалъ тѣхъ же любимцевъ Буле—Плавта и Теренція.

Если Грибоѣдовъ и получилъ степень кандидата въ 1808 г.,—то сношенія его съ Буле все-таки не прекратились вмѣстѣ съ полученіемъ диплома, а продолжались еще нѣсколько лѣтъ (вѣроятно, до самаго поступленія его въ военную службу). Изъ одного письма Грибоѣдова ⁷⁰⁾ видно, что въ 1811 г. Буле подарилъ ему книгу Дежерандо: „Histoire comparée des systèmes de philosophie relativement aux principes des connaissances humaines“, доведенную до Фихте и Шеллинга.

Въ университетѣ Грибоѣдовъ слушалъ также лекціи по статистикѣ и политической экономіи, читанныя профессоромъ Шлецеромъ (сыномъ того историка Шлецера, который занимался нашей Несторовой лѣтописью); въ университетѣ же полюбилъ онъ и русскую исторію—и тоже, вѣроятно, не безъ вліянія Буле: этотъ почтенный наставникъ Грибоѣдова, отличаясь удивительно широкой ученой любознательностью, глубоко заинтересовался, между прочимъ, вопросами русской исторіи и археологіи и могъ обратить на нихъ вниманіе и своего питомца ⁷¹⁾.

Позднѣйшія письма Грибоѣдова, его записки и замѣтки *)—все это показываетъ, что онъ дѣйствительно полюбилъ научныя занятія и серьезное чтеніе, и одинъ изъ нашихъ ученыхъ, опираясь на только что указанный матеріалъ, раскрывающій передъ нами личность этого писателя и работника, высказалъ слѣдующее основательное предположеніе: „если бы обстоятельства жизни Грибоѣдова сложились для него менѣ насильственно, и ему была бы предоставлена возможность предаться занятію наукой, то изъ него выработалась бы замѣчательная научная сила“ ⁷²⁾.

Но въ Грибоѣдовѣ рано пробудилась и охота къ литературнымъ занятіямъ. По свидѣтельству Булгарина, онъ, еще будучи студентомъ, писалъ стихи, хотя не собиралъ ихъ и не намѣревался печатать. Были у него, какъ сейчасъ увидимъ, и ранніе замыслы написать комедію.

---

*) Ихъ мы коснемся ниже.

Умный и развитой Грибоѣдовъ не могъ не сравнивать университетскую среду, среду своихъ профессоровъ, представителей образованности и примѣры нравственной силы, съ окружавшей его средою въ Подъ-Новинскомъ, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя сильно давала себя чувствовать тѣмъ гнетомъ, который она налагала на юношу требованіемъ не отклоняться отъ принятыхъ въ ней взглядовъ и образа дѣйствій. Особенно тяжелъ былъ гнетъ со стороны матери и дяди. Мать, хотѣвшая видѣть въ послѣдствіи своего сына на блестящемъ служебномъ мѣстѣ, вовсе не желала, чтобы онъ былъ писателемъ или ученымъ. Изъ одного позднѣйшаго письма Грибоѣдова видно, что она смѣялась надъ его литературными занятіями, иногда даже въ присутствіи его товарищей; можно слѣдовательно думать, что она и раньше относилась къ нимъ съ презрѣніемъ. Она отрывала его отъ дѣла, чтобы вывезти въ свѣтъ и тамъ сблизить съ разными вліятельными лицами и такимъ путемъ подготовить его будущую служебную карьеру. Еще пуще матери донималъ его своими попеченіями дядя. Племянникъ сталъ наконецъ протестовать, не открыто, а посредствомъ хитрости. По рассказамъ людей, знавшихъ Грибоѣдова, пріѣдетъ бывало Алексѣй Ѳедоровичъ, чтобы тащить юношу на поклоненіе къ какому-нибудь князь - Петръ-Ильичу, а тотъ и притворится больнымъ. „Не могу, дядюшка: то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ“, — хитрилъ молодой человѣкъ. Такого рода забота о карьерѣ уже тогда была противна душѣ Грибоѣдова, и слова Чацкаго, обращенныя къ Фамусову:

... вы ... меня еще съ пелень,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ, —

безъ сомнѣнія, имѣютъ и автобіографическое значеніе.

Само собою разумѣется, что у Грибоѣдова должно было явиться враждебное отношеніе къ темнымъ сторонамъ окружавшей его среды. „По мѣрѣ того какъ молодой умъ привыкалъ относиться критически къ дѣйствительности, какъ бесѣды съ Буле, серьезныя требованія Іона и многое изъ слышаннаго и читаннаго въ студенческую пору вызывали у юноши привычку уходить въ себя и давать себѣ трезвый отчетъ въ наблюденіяхъ“, — говоритъ Веселовскій ⁷³⁾, — сравненіе міра Фамусовыхъ и Молчалиныхъ съ той чистой атмосферой, дышавшей трудомъ и мыслью, куда переносился онъ слѣдомъ за своими педагогами, тяжко потрясало его, и горькое разочарованіе глубоко западало

въ его душу. Печалень былъ результатъ этого начинавшагося въ немъ анализа. Та среда, на которую онъ недавно смотрѣлъ спокойнымъ, беззаботнымъ взоромъ, проникнутымъ чисто отроческимъ невѣдѣніемъ, выступала передъ нимъ въ безобразной наготѣ. Въ лицахъ, близкихъ ему по родству и связямъ, окружавшихъ его съ колыбели, онъ распозналъ рядъ темныхъ, безнравственныхъ характеровъ; цѣлая эпопея грязныхъ интригъ, искательства, низкопоклонства, чванства — воплощалась въ отталкивающихъ образахъ“.

У Л. Майкова ⁷⁴⁾ сообщается извѣстіе, идущее отъ одного университетскаго товарища Грибоѣдова, г. N. (Шнейдера? какъ предположительно думаетъ Майковъ), что въ началѣ 1812 г. Грибоѣдовъ прочелъ ему, господину N., и своему воспитателю Іону отрывки изъ задуманной имъ комедіи, носившей уже названіе „Горя отъ ума“. Майковъ говоритъ, что извѣстіе это требуетъ, конечно, подтвержденія, но не находитъ его неправдоподобнымъ. Если это такъ, то въ Грибоѣдовѣ рано пробудилось не только враждебное отношеніе къ темнымъ сторонамъ подъ-новинской среды, но и желаніе „воплотить ихъ въ отталкивающихъ образахъ“. Майковъ прибавляетъ, что написанное въ 1812 г. было, разумѣется, лишь зародышемъ будущей знаменитой комедіи.

У Грѣбоѣдова была сестра, старше его возрастомъ, Марія (впослѣдствіи г-жа Дурново). Она, также одаренная музыкальными способностями, подобно брату выдѣляется изъ окружавшей ее среды, хотя мы не знаемъ, подъ какими вліяніями она воспитывалась. Біографы Грибоѣдова называютъ Марію единственнымъ другомъ дѣтства его и говорятъ, что братъ всегда встрѣчалъ въ ней сочувствіе ко всѣмъ своимъ замысламъ и къ борьбѣ своей противъ свѣтскаго гнета ⁷⁵⁾.

Періодъ времени со второй половины 1812 г. по конецъ лѣта 1818 г.

Причины, заставившія Грибоѣдова поступить въ военную службу. — Характеръ этой службы. — Казарменные готтентоты. — Грибоѣдовъ теряетъ мѣру въ своихъ проказахъ. — Вліяніе С. Н. Бѣгичева и дальнѣйшее отношеніе къ нему Грибоѣдова. — Имя Грибоѣдова впервые появляется въ печати. — Знакомство съ кн. Шаховскимъ и комедія: „Молодые супруги“. — Грибоѣдовъ въ Петербургѣ. — Знакомство съ литературнымъ міромъ. — Связь съ масонствомъ. — Остатки прежней шаловливости. — Серьезныя занятія. — Развитие литературной дѣятельности Грибоѣдова. — Сочиненія, въ которыхъ онъ заступаетъ за своихъ друзей. — Взглядъ Грибоѣдова на критику. — Его отношеніе къ Жуковскому. — Отметка Загоскину. — Комедія: „Студентъ“. — Сатирической элементъ въ ней. — Очеркъ Саблина, какъ одинъ изъ набросковъ типа Скалозуба. — Одна автобіографическая черта. — Работы для театра. — Работа надъ „Горемъ отъ ума“.

Въ іюлѣ 1812 г. Грибоѣдовъ былъ зачисленъ корнетомъ въ формировавшійся тогда кн. Салтыковымъ гусарскій полкъ. Но Салтыковъ скоро умеръ, и гусары его были распушены. Грибоѣдовъ въ декабрѣ поступилъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, и затѣмъ уѣхалъ изъ Москвы въ провинціальную глушь.

На первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ этотъ молодой человѣкъ, полюбившій научныя занятія, не только сдѣлался гусаромъ, но и оставилъ Москву и ученыхъ друзей своихъ. Но на это были причины. Прежде всего въ Грибоѣдовѣ было глубокое патріотическое чувство, заставившее его откликнуться на призывъ правительства, обращенный къ молодежи. Мы уже упоминали о свидѣтельствѣ очевидцевъ о томъ, что молодые люди приходили толпами, чтобы записываться въ армію. Въ ряды ея поступили тогда многіе, имена которыхъ или были уже извѣстны, или стали извѣстны впоследствии въ литературномъ мірѣ. Патріотическое движеніе было тогда сильно возбуждено. Но, кромѣ этой причины, была и другая. Настасья Ѳедоровна, строгая блюстительница свѣтскихъ приличій, стѣсняла свободу сына, требовала отъ него какой-то особенной солидности. А между тѣмъ пылкому юношѣ хотѣлось бы подчасъ развернуться, явиться на время „пасынкомъ здраваго разсудка“. Приходилось поневолѣ надѣвать на себя маску разсудительности, и это было ему несносно. Такъ можно заключить изъ письма его къ Бѣгичеву 1816 г., гдѣ онъ какъ бы завидуеетъ своему другу, что у него нѣтъ матери, которой онъ обязанъ *казаться основательнымъ*, и можетъ быть *такимъ, каковъ есть*. Грибоѣдову хотѣлось избавиться отъ семейнаго гнета и въ этомъ отношеніи.

Въ дѣйствующую армію, хотя онъ и желалъ этого, попасть ему не удалось, вѣроятно не безъ давленія со стороны матери. Иркутскій полкъ находился въ составѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса, начальникомъ котораго былъ генераль Кологривовъ. Полкъ стоялъ сперва въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ, и наконецъ въ Брестѣ. Дѣла почти не было никакого. Захолустная скука, бездѣлье и товарищи-офицеры, главными интересами которыхъ были кутежи, разгуль, карты—вотъ обстановка, въ которую попалъ Грибоѣдовъ. До какихъ размѣровъ безобразія доходили пошлыя развлечения окружавшей его военной молодежи, видно ужъ изъ того, что онъ въ послѣдствіи назвалъ ее „казарменными готтентотами“. Но это въ послѣдствіи, а въ то время долго сдерживаемыя молодая силы искали себѣ исхода—и Грибоѣдовъ тоже сталъ готтентотомъ, въ числѣ которыхъ находился и адъютантъ Кологривова, Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ. По рассказамъ этого Бѣгичева, Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ нимъ то появлялся верхомъ на балѣ, во второмъ этажѣ дома, то производилъ безпорядки въ католическомъ монастырѣ ⁷⁶⁾, — и все это сходило съ рукъ.

Но Бѣгичевъ, человѣкъ съ прекрасной душой, человѣкъ, въ которомъ были развиты умственные интересы и любовь къ литературѣ и искусству, платилъ только временную дань молодости — и наконецъ одумался. Умнымъ и сердечнымъ словомъ повліялъ онъ и на Грибоѣдова—и остепенился и тотъ. Бѣгичевъ оказался истиннымъ другомъ Грибоѣдова, и съ какимъ глубокимъ чувствомъ уваженія и благодарности сталъ относиться къ нему Александръ Сергѣевичъ — это можно видѣть изъ его писемъ къ своему другу-наставнику, котораго онъ часто любилъ называть „братомъ“. — „Ты, мой другъ“, — писалъ онъ Бѣгичеву, уѣзжая въ Персію въ 1818 г., — поселилъ въ меня, или лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и—ей Богу!—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе: Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ“ ⁷⁷⁾.

Въ другомъ письмѣ (отъ 31 августа 1824 г. изъ Стрѣльны) мы видимъ необыкновенно нѣжную и горячую любовь Грибоѣдова къ своему другу. „Братъ любезный! не ѣду къ тебѣ и не пишу тебѣ, совѣсть мучить. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движеніе было къ тебѣ летѣть, поздравить и обнять крѣпко-

накрѣпко мать, отца и весь домъ; право, ходя по комнатѣ, я уже у васъ былъ, нянчилъ ребенка, шалилъ съ кормилицею, но проклятый недочетъ въ прогонахъ все испортилъ, взять было неоткуда, Левъ и Солнце давно уже покоятся въ ломбардѣ... Не сердись, мой истинный другъ; гдѣ бы я ни затерялся, первый ты на умѣ и на языкѣ. Нѣтъ у меня ни жены ни дочери. Думою принадлежу тебѣ одному“ ⁷⁸).

Въ письмѣ изъ Петербурга отъ 18 мая 1825 г., по поводу антикритики Бѣгичева противъ М. А. Дмитріева, помѣстившаго статью въ „Вѣстникъ Европы“ (1825 г. № 5) объ отрывкахъ изъ „Горя отъ ума“, Грибоѣдовъ писалъ Степану Никитичу: „Безцѣнный другъ и братъ!... Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой. Благодарю тебя за намѣреніе и за исполненіе. Я твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всѣ ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ея печатать, такъ, конечно, не оттого, чтобы въ ней чего-нибудь недоставало. Но слушай. Я привыкъ тебя уважать: это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца; какъ же ты могъ думать, что допущу я тебя до личной и публичной схватки... и все это за человѣка, который бы хотѣлъ, чтобы всѣ на тебя смотрѣли какъ на лицо высшаго значенія, неприкосновенное, друга, хранителя, котораго я избралъ себѣ съ ранней молодости, какъ отчасти по симпатіи, такъ равно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ-нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое чувство къ тебѣ перелю въ... моего почитателя“ ⁷⁹).

Вотъ отношенія, которыя установились у Грибоѣдова къ Бѣгичеву. Тѣ чувства, которыя онъ питалъ къ своему другу, — замѣчаетъ А. И. Смирновъ, „свойственны только душамъ самымъ возвышеннымъ“ ⁸⁰).

Остепенившись, Грибоѣдовъ въ Брестѣ принялся за перо, и въ „Вѣстникъ Европы“ 1814 г. появились первыя печатныя его сочиненія: „Письмо изъ Бреста-Литовска къ издателю Вѣстника Европы“, описывающее праздникъ, устроенный офицерами въ честь своего любимаго начальника, генерала Кологривова, и статья: „О кавалерійскихъ резервахъ“, знакомившая съ ихъ организациею и излагавшая краткую ихъ исторію со времени ихъ учрежденія, т. - е. съ октября 1812 г. Статья эта отличается довольно серьез-

нымъ характеромъ: авторъ, хвала Кологривова за то, что резервы обошли казнѣ сравнительно не дорого, обнаруживаетъ свое вниманіе къ экономическимъ интересамъ государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже тутъ высказываетъ, хотя и косвеннымъ образомъ, свой взглядъ на службу. „Хвала чиновнику“, — говоритъ онъ, — „точному исполнителю своихъ должностей, радѣющему о благѣ общемъ“⁸¹⁾. Послѣ мы увидимъ, какъ Грибоѣдовъ самъ выполнялъ свой служебный долгъ.

Во время своей военной службы Грибоѣдовъ познакомился съ кн. Шаховскимъ, и по его совѣту передѣлалъ, еще во время пребыванія въ Брестѣ, комедію Creuzé de Lesser — „Le secret du ménage“, назвавъ свою передѣлку: „Молодые супруги“. Тема этой одноактной комедіи можетъ быть выражена слѣдующими двумя стихами изъ X-го ея явленія:

Блаженства сущностью они (мужья) не дорожатъ;
Его утративши, по немъ же загрустятъ.

Чтобы судить о стихахъ Грибоѣдова въ этой пьесѣ, приведемъ изъ нея (съ сохраненіемъ правописанія автора) то мѣсто, гдѣ Сафиръ, пріятель молодого супруга, Ариста, даетъ его женѣ, Эльмирѣ, совѣтъ, какъ ей вести себя, чтобы оживить своего мужа, скучающаго именно оттого, что онъ слишкомъ увѣренъ въ своей скромной женѣ (явл. V):

Тотъ мужъ, мы на примѣръ какимъ Ариста знаемъ,
Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
Что ясныхъ дней его ни что не помрачить,
Въ безопасности благой живетъ какъ Сибаритъ,
Вседневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ,
Взаимость райская утихнетъ и задремлетъ;
Ему ни что не въ прокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
Нѣтъ, постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
Вы легкомысленнѣй, и больше прихотливы;
Увидите, какой онъ будетъ боязливый,
Едва опомнится, что можетъ потерять
Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать,
Съ супругой ангеломъ въ любви минутахъ тайныхъ,
Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ,
И образумясь, вамъ покорень будетъ вновь.

Далѣе есть и такой стихъ:

Самъ будетъ угождать, къ своему привыкнетъ къ дому.

Стихи эти еще очень далеки отъ тѣхъ, которыми позднѣе написано его „Горе отъ ума“. „Молодые супруги“ впоследствии (въ 1816 г.) были поставлены на сцену.

Изъ пошлой среды „казарменныхъ готтентотовъ“ или „дружины“, какъ иначе называлъ эту среду Грибоѣдовъ, онъ вырвался лишь въ 1815 г., и въ концѣ лѣта пріѣхалъ въ Петербургъ ⁸²⁾. Проносивъ еще нѣсколько мѣсяцевъ гусарскій мундиръ, вышелъ (въ мартѣ 1816 г.) въ отставку изъ военной службы и, спустя годъ слишкомъ, поступилъ (въ юлѣ 1817 г.) въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ выборѣ этого министерства главную роль, надо думать, играла мать Грибоѣдова, готовившая для него дипломатическую карьеру. Она наконецъ достигла осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній: въ 1818 г. Грибоѣдовъ, назначенный секретаремъ при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи, Мазаровичѣ, отправился на Востокъ.

Когда Грибоѣдовъ явился въ Петербургъ въ 1815 г., его окружили иные люди. Князь Шаховскій ввелъ его въ кружокъ литераторовъ, и Грибоѣдовъ познакомился съ Хмельницкимъ и Катенинымъ. Съ послѣднимъ онъ скоро сошелся очень близко и впоследствии переписывался съ нимъ. Мы остановимся нѣсколько на письмахъ Грибоѣдова къ Катенину, чтобы при помощи ихъ охарактеризовать его отношенія къ этому второму своему другу, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Катенинѣ.

Павелъ Александровичъ Катенинъ (1792—1853), человекъ весьма образованный, служилъ сперва въ департаментѣ народного просвѣщенія, а послѣ 1809 г. перешелъ въ Преображенскій полкъ. На литературное поприще онъ выступилъ стихотвореніями, а затѣмъ сталъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Корнеля и Расина и какъ авторъ оригинальной трагедіи: „Андромаха“. Къ нему, какъ къ писателю, относились различно: Батюшковъ въ началѣ литературной дѣятельности Катенина усматривалъ въ немъ дарованіе. „Маленькій Катенинъ что дѣлаеть? Онъ съ большимъ дарованіемъ“, писалъ онъ Гнѣдичу въ 1809 г. ⁸³⁾ Но впоследствии (уже въ 1816 г.) въ талантѣ Катенина онъ разочаровался. Н. И. Бахтинъ, издавшій въ 1832 г. его „Сочиненія и переводы въ стихахъ“, предпослалъ изданію хвалебное предисловіе. Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (ч. III, стр. 147) замѣтилъ: „Катенинъ свои трагедіи, стихотворенія безъ мѣры и безъ искусства начиналъ славянизмами. И что это было? Верхъ безвкусія и безсмыслія“. Грибоѣдовъ, напротивъ, жаловалъ произведенія автора „Андромахи“, хотя и отмѣчалъ недостатки его пера.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь и тѣ строки Вигелевской характеристики молодого Катенина, гдѣ онъ изображенъ не

только какъ литераторъ, но и какъ личность извѣснаго склада. „Круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ“—пишетъ Вигель—„вѣчно кипѣлъ, какъ кофейникъ на конфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ; ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады, ни русскимъ ни иностраннымъ, ни древнимъ ни новымъ... Можетъ быть, ему не хотѣлось быть на ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостью суждений стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ?... Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ... Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ“. Академикъ Майковъ называлъ эту характеристику „злою“, но „довольно справедливою“⁸⁴).

Это „кипѣніе“ Катенина, эта „смѣлость суждений“ его, можетъ быть, болѣе всего и нравились Грибоѣдову. Онъ признавалъ въ немъ недюжинный умъ и даже считалъ себя обязаннымъ ему развитіемъ своего таланта. Въ одномъ изъ шести напечатанныхъ у Шляпкина писемъ Грибоѣдова къ Катенину, читаемъ такое заявленіе: „Вообще я не передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ, etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальнію моего дарованія, если оно есть во мнѣ⁸⁵). Изъ другого письма Грибоѣдова видно, что трагедіи Катенина онъ считалъ лучшими въ тогдашнемъ нашемъ репертуарѣ (1824 г.) и просилъ своего друга писать ихъ, такъ какъ ему надоѣло слушать дурные стихи въ трагедіяхъ, въ родѣ слѣдующихъ у Лобанова въ его переводѣ Расиновой: „Ифигеніи въ Авлидѣ“:

Едва лучъ утренній намъ въ мракѣ свѣтитъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверсты наши очи⁸⁶).

Нѣсколько позднѣе онъ восхищается Катенинскимъ переводомъ Корнелева „Сиды“ и „Андромахой“, хотя указываетъ и отрицательныя стороны этихъ трудовъ, однако съ оговорками, изъ которыхъ видно, что Грибоѣдовъ нѣкоторымъ промахамъ автора не придаетъ значенія. „Ты требуешь“—пишетъ онъ—„моего мнѣнія о твоихъ Сплетняхъ *) и Сидѣ **). Сплетни, сколько я помню,

*) Комедія изъ Грессе (1821).

***) Сидъ переведенъ въ 1822 г.

не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія; онѣ не веселы, и слогъ не довольно натураленъ, хоть и есть иные стихи превосходные. Въ Сидѣ есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто разъ публично и про себя. Это встрѣча Діега съ Родригомъ въ домѣ Химены... ее безъ слезъ читать нельзя; вообще весь переводъ приноситъ тебѣ много чести, но также попадаются небрежности въ слогѣ, жесткости и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ); точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ Андромахи *), не въ мнѣніи безпристрастныхъ цѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на поприщѣ трудовъ и славы. Зачѣмъ ты не даешь сыграть Андромахи? Семенова душою этого желаетъ; соединеніе такихъ двухъ талантовъ, какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается; можетъ быть, онъ въ чужія края отправится, и тогда трагедіи твоей опять лежать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ⁸⁷⁾.

Въ этихъ строкахъ видна даже какая-то особенная заботливость Грибоѣдова о произведеніяхъ своего друга, и желаніе, чтобы тотъ постарался устранить все, что можетъ подавать поводъ къ неблагопріятному о нихъ отзыву. Очевидно, Грибоѣдовъ горячо любилъ Катенина, что и подтверждается разными другими мѣстами его писемъ къ нему, вотъ, напримѣръ, хоть слѣдующими строками изъ Петербурга (1824 г.): „Жаль, что не могу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь! Но мнѣ есть утѣшеніе: коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто, и съ тѣмъ даже, съ кѣмъ ты не знакомъ и кто тебя не стоитъ. На дняхъ все какъ будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ“ ⁸⁸⁾.

Въ первый же пріѣздъ свой въ Петербургъ Грибоѣдовъ познакомился также съ Жандромъ и Гречемъ.

Андрей Андреевичъ Жандръ (1789—1873), человѣкъ благороднѣйшей души, тоже любилъ литературу, и уже въ 1817 г. сдѣлалъ вольный переводъ Шиллеровой „Семелы“; въ томъ же году работалъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ надъ переводомъ комедіи Барта (Nicolas Thomas Barthe):—„Les fausses infidélités“; позднѣе, въ 1823 г., появилась на сценѣ его комедія: „Морской разбойникъ“, взятая изъ романа Вальтеръ-Скотта, а въ 1824 г. онъ перевелъ вмѣстѣ съ Шаховскимъ оперу-водевиль: „Волшебная лам-

*) Андромаха писалась съ 1809 по 1818 г.

падка, или кашемирскіе пирожники“. Онъ участвовалъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“; въ послѣднемъ велъ полемику съ Бестужевымъ-Марлинскимъ о талантѣ П. А. Каратыгина. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ деп. морского министерства, а затѣмъ сенаторомъ. Въ своей перепискѣ Грибоѣдовъ называетъ Жандра „милымъ, безцѣннымъ существомъ⁸⁹⁾, своимъ „Жандрикомъ“⁹⁰⁾, заявляетъ, что онъ „его какъ душу любитъ“⁹¹⁾, восхищается его переводомъ отрывка изъ „Гоэоли“ (помѣщ. въ „Сѣв. Набл.“), называя его „безподобною вещью“⁹²⁾, а въ своемъ предисловіи къ переводу „Семелы“ расхваливаетъ трудъ переводчика, который иногда нѣсколько строкъ Шиллера развивалъ въ цѣлую сцену⁹³⁾.

О Николаѣ Ивановичѣ Гречѣ распространяться здѣсь не будемъ, а скажемъ только, что литературная извѣстность его началась съ 1812 г., когда онъ сталъ издавать журналъ: „Сынъ Отечества“, и прибавимъ, что въ 1828 г. соиздателемъ Греча по этому журналу сдѣлался Булгаринъ, съ которымъ онъ еще раньше затѣялъ и другое журнальное предпріятіе: газету „Сѣверная Пчела“ (1825—1860).

Въ собраніи писемъ Грибоѣдова переписки его съ Гречемъ нѣтъ; по письмамъ же его къ другимъ лицамъ трудно представить себѣ что-нибудь болѣе или менѣе опредѣленное объ отношеніяхъ его къ этому человѣку. Имя Греча встрѣчается въ перепискѣ Грибоѣдова довольно часто, и на основаніи ея можно сказать, что отношенія между ними были довольно близкія, но ни изъ чего не видно ни той теплоты, ни того желанія свидѣться, которыя такъ очевидны въ Грибоѣдовѣ относительно Бѣгичева, Катенина, Жандра.—Журналомъ Греча онъ интересовался. Въ 1818 г. онъ писалъ Бѣгичеву изъ Новгорода: „Коли случай будетъ за-слать или заѣхать къ Гречу, подпиши за меня на полученіе его журнала“⁹⁴⁾.

Въ 1817 г. Грибоѣдовъ познакомился съ А. С. Пушкинымъ, который въ этомъ же году тоже былъ зачисленъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Съ Пушкинымъ онъ коротко не сошелся, но почему—отвѣчать съ увѣренностью трудно. „Могли здѣсь дѣйствовать“, — говоритъ Пыпинъ, „во-первыхъ, простыя обстоятельства времени и личныхъ отношеній, напримѣръ, дружескія связи съ кн. Шаховскимъ, съ которымъ онъ раздѣлялъ любовь къ театру: онъ принималъ къ сердцу интересы пріятельскаго круга, вмѣшивался изъ-за нихъ въ полемическіе раздоры, пробо-

валъ даже выводить на сцену легкія насмѣшки надъ литературными противниками и т. п. Во-вторыхъ,—и это было, кажется, главное,—Грибоѣдовъ расходился съ кружкомъ „Арзамаса“ своими литературными вкусами и общественными запросами“. Но къ этимъ предположеніямъ Пынинъ прибавляетъ: „Къ сожалѣнію, и здѣсь скудные факты не столько объясняютъ, сколько даютъ угадывать“⁹⁵⁾.

Въ своей перепискѣ Грибоѣдовъ касается Пушкина только въ двухъ мѣстахъ: въ 1826 г., сидя подъ арестомъ, онъ пишетъ маленькую записку къ Булгарину, въ которой между прочимъ говоритъ: „Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки“⁹⁶⁾. Въ 1827 г. пишетъ къ тому же Булгарину изъ Тифлиса: „Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова»... Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пимень - старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ“⁹⁷⁾. Пушкинъ съ своей стороны указалъ, что Грибоѣдову онъ симпатизировалъ, и впоследствии высоко цѣнилъ его, какъ автора комедіи: „Горе отъ ума“. Въ описаніи своего путешествія въ Арзрумъ онъ мимоходомъ замѣтилъ: „Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣка— все въ немъ было необыкновенно привлекательно... Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія: «Горе отъ ума» произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на рядъ съ первыми нашими поэтами“.

Кругъ знакомыхъ Грибоѣдова долженъ былъ особенно расширяться вслѣдствіе его связи съ масонствомъ. У Пыпина, въ его „Матеріалахъ для исторіи масонскихъ ложъ“ есть извѣстіе, что Грибоѣдовъ уже въ 1816 г. числился членомъ ложи „Des amis réunis“. Это обстоятельство объясняется, конечно, не сочувствіемъ Грибоѣдова масонскому ученію, а просто тѣмъ, что масонскія ложи того времени были своего рода общества, гдѣ сходились люди съ либеральными стремленіями; въ особенности тутъ много было вернувшейся изъ заграничнаго похода молодежи, среди которой, какъ мы знаемъ, было немало людей, весьма серьезно настроенныхъ⁹⁸⁾. Однимъ изъ такихъ былъ кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій, съ которымъ Грибоѣдовъ близко сошелся, и который, подобно Бѣгичеву, удерживалъ его отъ излишнихъ увлеченій молодости⁹⁹⁾.

А удерживать Грибоѣдова все-таки еще было отъ чего. Не смотря на то, что Пушкинъ назвалъ характеръ его „меланхолическимъ“, самъ Грибоѣдовъ въ 1817 г. жаловался Бѣгичеву, что послѣ своего пребыванія въ „дружинѣ“ онъ все еще не можетъ „попасть на путь истинный“¹⁰⁰).

„Пріѣзжай, пріѣзжай, пріѣзжай скорѣ!“ — пишетъ онъ въ концѣ 1816 г. Степану Никитичу. — „Въ воскресенье я съ Истоминой *) и съ Шереметевымъ **) ѣду въ Шустерклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился. — Сколько здѣсь портеру, и какъ дешево!“¹⁰¹).

Подобныя „дурачества“, конечно, совершались не одинъ разъ, и одно изъ нихъ (въ концѣ 1817 или нач. 1818 г.) явилось даже причиной кровавой катастрофы. Грибоѣдовъ, жившій тогда съ Завадовскимъ, пригласилъ Истому кѣ себѣ на чай и тѣмъ возбудилъ ревность въ Шереметевѣ. Въ дѣло вмѣшался будущій декабристъ — Якубовичъ, и затѣялъ дуэль: Шереметевъ долженъ былъ стрѣляться съ Завадовскимъ, а Якубовичъ съ Грибоѣдовымъ. Шереметевъ былъ смертельно раненъ и скоро умеръ. Якубовичъ въ виду обязанности отвезти раненаго домой, отложилъ свою дуэль съ Грибоѣдовымъ. Она состоялась уже на Кавказѣ, куда государь, простившій остальныхъ участниковъ, велѣлъ сослать Якубовича¹⁰²).

Но если Грибоѣдовъ и жаловался, что послѣ пребыванія среди „дружины“ онъ и въ Петербургѣ долго не могъ „попасть на путь истинный“, то жалобу эту нельзя не признать нѣсколько преувеличенной: онъ, такъ сказать, одной ногой уже стоялъ на немъ: тогда именно явилось у него желаніе изучить законы музыки — и онъ сталъ брать уроки у Юганна Миллера¹⁰³), и тогда же онъ началъ заниматься греческимъ языкомъ, чтобы читать греческихъ авторовъ въ подлинникѣ. Въ одномъ изъ его писемъ къ Катенину (1817 г.) находимъ слѣдующія строки: „Прощай, сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учиться по-гречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый Божій день съ 12-го часа до 4-хъ учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. Но мнѣ онъ вовсе не труденъ“¹⁰⁴). Серьезное настроеніе стало являться у Грибоѣдова все чаще и чаще, что, можетъ быть, и подало поводъ Пушкину назвать его характеръ „меланхолическимъ“.

*) Знаменитая балерина того времени.

***) Василій Александровичъ Шереметевъ, кавалергардскій офицеръ, обожатель Истومیной.

Въ это же время значительно развилась и литературная дѣятельность Грибоѣдова, къ очерку которой за этотъ періодъ мы и перейдемъ теперъ.

Въ Петербургѣ взятыя за перо прежде всего побудило Грибоѣдова желаніе заступиться за кн. Шаховского, когда за „Липецкія воды“ посыпались на него эпиграммы. Грибоѣдовъ тогда помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества“ (1815 г.) небольшое стихотвореніе, придавъ ему форму пересказа будто полученнаго имъ манифеста „Отъ Аполлона“, въ которомъ этотъ богъ поэзіи заявляетъ о своей несолидарности съ разными толками о „Липецкихъ водахъ“.

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ,
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью.

Тутъ кстати указать тѣ отношенія, которыя были у Грибоѣдова къ кн. Шаховскому. Въ одномъ изъ своихъ путевыхъ писемъ къ Бѣгичеву 1819 г. онъ такъ говорилъ о князѣ: „это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ, и къ кому я самъ душевно привязанъ“ ¹⁰⁵). Въ 1820 г. онъ писалъ къ Катерину изъ Персіи: „Князю почтенному низко поклонись... Часто бывали вмѣстѣ. Славный человѣкъ! Кроткій, ласковый нравъ, пріятный умъ, статура его, чтенье, сочиненія, горячность въ спорахъ о стопахъ и риѣмѣ, нашъ цензоръ всегдашній, и самъ подъ цензурою у Катерины Ивановны... *). Не повѣришь, какъ память обо всемъ этомъ мнѣ весела въ одиночествѣ“ ¹⁰⁶). Позднѣе въ словахъ Грибоѣдова о Шаховскомъ звучитъ какая-то недовольная нотка, и въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1825 г. онъ усмотрѣлъ что-то неладное въ отношеніяхъ князя къ Милорадовичу и писалъ объ этомъ Бѣгичеву. „Милорадовичъ... идолъ Шаховского, который ему подличаетъ“ ¹⁰⁷). Измѣнились отношенія Грибоѣдова къ Шаховскому и какъ къ писателю, когда князь перешелъ къ романтической драмѣ ¹⁰⁸). Въ письмѣ къ Катерину на

*) Актриса Ежова.

ходимъ слѣдующую насмѣшку его надъ старымъ другомъ: „онъ (Шах.) вообразилъ себѣ, что перешелъ въ романтики, и съ тѣхъ поръ ни одна сказка, ни басня не минуетъ его рукъ, все пере-краиваетъ въ пользу Дюръ, Брянскаго и пр.: на дняхъ, кажется, соорудилъ трилогію изъ Медвѣдя и Пустынника Крылова *). Я у него бываю оттого, что всѣ другіе его ругаютъ; это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое достоинство“ ¹¹⁰).

Въ 1816 г. въ „Сынъ Отечества“ появилась статья Грибоѣдова: „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора“. Переводчикомъ, или, вѣрнѣе, передѣльвателемъ, былъ Катенинъ.

Эта статья также вызвана желаніемъ заступиться за друга, на котораго напалъ Гнѣдичъ. Баллада Катенина, подъ названіемъ: „Ольга“, была напечатана и въ „Вѣстникъ Европы“ и въ „Сынъ Отечества“ (1816 г.). Гнѣдичъ нашелъ ее ниже „Людмилы“ Жуковскаго, которую онъ такъ высоко цѣнилъ, что даже возмутился смѣлостью Катенина выступать съ „Ольгой“ послѣ опыта своего талантливаго предшественника. Не допуская возможности какого-либо сравненія „Ольги“ съ ея опасной соперницей, Гнѣдичъ остановился на слогѣ и на стихѣ Катенина, и въ этомъ отношеніи явился критикомъ крайне придирчивымъ. Придирчивость разсердила Грибоѣдова, и онъ написалъ свою антикритику. Вотъ образчики и критики и антикритики.

Катенинъ свою балладу приурочилъ ко времени Полтавской битвы. Побѣда одержана —

И на родину съ вѣнками,
Съ пѣснями, съ бубнами, съ трубами.
Рать, *подъ звонъ колоколовъ*,
Шла почить отъ всѣхъ *трудова*.

Остановившись на подчеркнутомъ нами выраженіи, Гнѣдичъ пишетъ: „Тутъ бы, кажется, нужно было соединить поэзію съ логикою, а слогъ съ грамматикою, хотя это для поэтовъ довольно трудно. Но что будешь дѣлать съ читателями? — «Когда же это было, — спрашиваетъ одинъ, — чтобы войска входили у насъ въ города *подъ звонъ колоколовъ*?» — «А если бы и было, — говорить другой, — то, вѣрно, не *подъ звонъ*, а *при звонѣ*, ибо идти *подъ звонъ* или *при звонѣ* такая же разница, какъ идти *при* музыкѣ или *подъ* музыкаю». — «Итакъ рать маршировала *подъ звонъ колоколовъ!*» — кричитъ смѣясь третій. — Перестаньте, неугомонные чи-

*) По догадкѣ Шляпкина, вѣроятно, намекъ на трилогію Шаховскаго: «Финнъ» изъ «Руслана и Людмилы» Пушкина ¹⁰⁹).

татели!.. что за великая бѣда! Маленькая ошибка противъ логики и грамматики!—Однакожъ я вижу, что если слушать мнѣ сужденія такихъ строгихъ читателей, то они едва ли не каждый куплетъ стануть перерывать, крича за оскорбленіе грамматики или логики, вкуса или слуха“.

На это замѣчаніе, напоминающее еще Сумароковскую критику, Грибоѣдовъ справедливо возражаетъ: „Грамматика у г. рецензента своя, новая, и съ родни его логикѣ: она, напр., никакъ не допускаетъ, чтобъ

Рать, подъ звонъ колоколовъ,
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Вступать въ городъ *подъ* звонъ колоколовъ, плясать *подъ* музыку.—Такъ говорится и пишется и утверждено постояннымъ употребленіемъ; но г. рецензенту это не нравится, стало быть грамматически неправильно.“

Еще примѣръ. Гнѣдичъ нашель „распря съ логикой“ въ стихахъ Катенина:

*Наскакаль въ стремленіи яромъ
Конь на каменный заборъ.*

Грибоѣдовъ пояснилъ: „всякій грамотный и неграмотный русскій человекъ знаетъ, что наскакаль на заборъ значить — примчался во всю прыть къ забору“.

Грибоѣдовъ заступился за Катенина не изъ-за одной дружбы, конечно: баллада „Ольга“ ему нравилась, такъ какъ онъ находилъ въ ней простоту и больше „натуры“, чѣмъ въ „Людмилъ“ Жуковскаго. Вотъ, на примѣръ, строфа, стихи которой онъ назвалъ „дышащими пѣтической простотою“:

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

Вотъ еще строфа, которую Грибоѣдовъ назвалъ „прекрасной“:

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ;
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица,
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица!
Конь бѣжитъ, земля дрожить,
Искры бьютъ изъ-подъ копытъ.

Признавъ въ балладѣ Катенина много достоинствъ, Грибоѣдовъ въ заключеніе говоритъ: „Если разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно, или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красоть. Если ихъ нѣтъ— не стоитъ того, чтобы писать критику; если жъ есть, то разсмотримъ, какого онѣ рода, много ли ихъ, или мало. Сообразуясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія. Вотъ чего рецензентъ «Ольги» не знаетъ, или знать не хочетъ“.

Въ этихъ строкахъ Грибоѣдовъ высказалъ и свой взглядъ на критику вообще ¹¹¹).

Въ своей антикритикѣ Грибоѣдовъ между прочимъ задѣлъ и Жуковского. Желая показать Гнѣдичу, что „находить одно дурное въ какомъ-либо твореніи — подвигъ не многотрудный“, — онъ самъ начинаетъ съ придирчивостью разбирать „Людмилу“.

„Читаю — говоритъ Грибоѣдовъ, — и на первомъ стихѣ второго куплета останавливаюсь:

Пыль туманить *отдаленье*.

Можно сказать: пыль туманить даль, отдаленность, но и то слишкомъ фигурно, а отдаленіе просто значитъ, что предметъ удаляется; если принять, что пыль туманить отдаленье, можно будетъ сказать, что она туманитъ *удаленье* и *приближенье*. Но за симъ слѣдуетъ:

Свѣтитъ ратныхъ ополченье.

Теперь я догадываюсь: отдаленье поставлено для рѣшмы. О рѣшма!...“ и т. д.

Хотя издатель „Сына Отечества“ и напечаталъ въ выноскѣ: „Читатели не должны быть въ заблужденіи насчетъ этихъ рѣзкихъ замѣчаній: они сдѣланы только въ подражаніе рецензенту Ольги“, — тѣмъ не менѣе видно было, что авторъ этихъ замѣчаній многимъ недоволенъ въ балладѣ Жуковского—и между прочимъ не нравится ему слишкомъ частое повтореніе тамъ словечка: *чу!*

Грибоѣдовъ вообще относился къ Жуковскому нѣсколько отрицательно. Послѣдній былъ арзамасецъ; Грибоѣдовъ же сочувствовалъ „Бесѣдѣ“. Жуковский былъ романтикъ, любившій предаваться мечтаніямъ; Грибоѣдовъ уже въ 1816 г. высказался противъ мечтательности. Въ той же статьѣ о критикѣ Гнѣдича онъ сказалъ: „нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе,— вездѣ мечтанія, а природы ни на во-

лось". Зато и почитатели Жуковского очень косо взглянули на Грибоѣдова за его отношеніе къ автору „Людмилы“. Батюшковъ (въ авг. 1816 г.) писалъ Гнѣдичу: „Я угадалъ птицу по полету *). Свидѣтели тебѣ Вяземскій и Пушкинъ **). При нихъ, прочитавъ критику на Ольгу, сказалъ: это Гнѣдичъ, либо Никольскій, но скорѣе первый. И Вяземскій и Пушкинъ благодарятъ неизвѣстнаго отъ всей души... Грибоѣдову не отвѣчай ни слова; и Катенинъ по таланту не стоилъ твоей прекрасной критики, которую самъ Дмитріевъ хвалилъ очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковскій поэтъ; надобно, говорю, предъ лицомъ свѣта: тогда всѣ Грибоѣдовы исчезнутъ“.

Къ письму Батюшкова Василий Львовичъ приписалъ: „Благодарю сердечно любезнаго Николая Ивановича за прекраснѣйшую критику... Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто вздоилъ сего кандидата Бесѣды пресловутой? Ради Бога, освободите насъ отъ нелѣпостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте!“ 112).

Впрочемъ во всей этой исторіи играли, разумѣется, нѣкоторую роль и личныя отношенія: съ одной стороны, имѣла значеніе дружба, а съ другой — у Гнѣдича — личные счеты съ Катенинымъ.

Молодой, пылкій и самолюбивый Грибоѣдовъ не выносилъ, когда и его самого задѣвали.

Въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ 1817 г., въ отдѣлѣ: „Театральная хроника“, Загоскинъ помѣстилъ небольшую рецензію на „Молодыхъ супруговъ“. Вообще онъ похвалилъ эту комедію, сказавъ, что она даже „гораздо“ лучше французскаго оригинала; что „въ ней нѣтъ тѣхъ излишнихъ растянутыхъ сценъ, которыя дѣлаютъ французскую комедію отмѣнно утомительною“. Но прибавилъ: „Къ сожалѣнію, въ сей комедіи встрѣчаются стихи дурные, шероховатые, и выраженія, совершенно неприличныя дѣйствующимъ лицамъ“. И Загоскинъ указалъ нѣсколько дѣйствительно дурныхъ стиховъ, напр.

Ахъ! убѣгая разъ она домашней *стѣни*,
Тобою занята гораздо будетъ *менѣй*.

Въ заключеніе рецензентъ сказалъ: „Читая подобные стихи, поневолѣ вспомнишь слова Мизантропа:

*) Гнѣдичъ подъ статьей не подписался.

***) В. Л. Пушкинъ.

Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи“.

Грибоѣдовъ разсердился. „Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахиною“, — писалъ онъ къ Катенину въ октябрѣ того же 1817 г.— „Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва, какъ прочель, разсмѣялся; но послѣ, чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву, — покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя, нельзя же молчаньемъ отдѣлываться, когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь; доказательство — Шаховской, который вѣчно хранить благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями“ ¹¹³).

Написанной, но не напечатанной (ее бы не приняли) фасесіей Грибоѣдова былъ памфлетъ, подъ названіемъ: „Лубочный театр“.

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тьма у насъ okazji разныхъ:
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ...
Войдите къ намъ.
Добро пожаловать... Кто баринъ тароватый,
Извольте видѣть — вотъ
Рогатый, нерогатый
И всякій скоть.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгинъ и
Князь Блесткинъ *).
Они хоть не смѣшны,
Да самъ зато ужъ онъ —
Куда смѣшенъ!
Водиться съ нимъ — ей Богу праздникъ!
Вотъ вамъ его Проказникъ;
Спроказилъ онъ не ловко: разъ упалъ,
Да и не всталъ;

*) Лица въ „Комедіи противъ комедіи“ и въ „Богатоновѣ“.

Но авторъ таковымъ примѣромъ
Не наученъ—грѣшить передъ партеромъ:
    Проказитъ до сихъ поръ,—
    Что видитъ и что слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
    И говоритъ и пишетъ.
Вотъ Богатовъ вамъ—особенно онъ милъ...
Богатъ чужимъ добромъ—все крадетъ, что находитъ;
    Съ Транжирина кафтанъ стащилъ,
    Да въ немъ и ходитъ.
                                и т. д. ¹¹⁴⁾

Нерасположеніе Грибоѣдова къ Загоскину, а также къ Жуковскому, Батюшкову и къ нѣк. др. литераторамъ, отразилось и въ комедіи: „Студентъ“, которую въ 1817 г. сочинилъ Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ Катенинымъ. Комедія написана прозой, въ трехъ дѣйствіяхъ. Суть ея состоитъ въ слѣдующемъ:

Беневольскій, „студентъ изъ Казани“, пріѣзжаетъ въ Петербургъ къ генералу Звѣздову. Цѣль его пріѣзда объяснена имъ самимъ въ первомъ же явленіи перваго дѣйствія, въ разговорѣ съ Иваномъ, слугою Звѣздова. На вопросъ Ивана: „какъ прикажете доложить о себѣ?“ — Беневольскій отвѣчаетъ:

„Безъ доклада, любезный, безъ доклада; а впрочемъ имя мое — Беневольскій; я здѣсь свой человѣкъ, меня ждутъ давно. Его превосходительство въ бытность свою въ Казани познакомился съ покойнымъ моимъ отцомъ, который предложилъ ему свои услуги, имѣлъ хожденіе за его дѣлами. Съ тѣхъ поръ они другъ другу дали клятву въ дружбѣ неизмѣнной и утвердили между прочимъ вотъ что... Баринъ твой сказывалъ, что его супруга воспитываетъ прелюбезную дѣвицу“.

— Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать, — замѣчаетъ Иванъ.

Беневольскій продолжаетъ, впадая въ сентиментальный тонъ: „Невинность, ангелъ, существо небесное, такъ ли? И мнѣ назначилъ онъ ее сопутницею жизни: это было положено между имъ и покойнымъ батюшкой, также и то, чтобъ мнѣ, когда пріѣду въ Петербургъ, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрасталъ еще въ Минервиномъ храмѣ — въ университетѣ; съ тѣхъ поръ батюшка скончался, и я, сказавъ прости казанскому рассаднику просвѣщенія, поскакалъ сюда, чтобъ воспользоваться приглашеніемъ твоего барина. Въ немъ, конечно, найду я друга, отца, покровителя, однимъ словомъ все“.

Въ своихъ надеждахъ Беневоольскій однако обманулся: онъ, смѣшной и недалекій, не понравился ни г-жѣ Звѣздовой ни ея воспитанницѣ, Варенькѣ; послѣдняя даже нашла его „противнѣе смерти“ (Д. III, явл. 6); Звѣздовъ же оказался мастеромъ лишь на общанія. Пьеса кончается тѣмъ, что всѣми покинутый и осмѣянный, безъ денегъ и безъ пріюта, Беневоольскій, мечтавшій о славной дѣятельности то поэта, то государственнаго человѣка, то даже полководца, принужденъ принять скромную должность корректора при типографіи. Послѣдняя его реплика слѣдующая: „Мечты моей юности! мечты, сопровождавшія меня изъ Казани сюда! сѣпутницы неизмѣнныя! куда вы исчезли, заманчивыя!“

Академикъ Майковъ появленіе комедіи „Студентъ“ объясняетъ желаніемъ ея авторовъ не столько осмѣять неопредѣленное сентиментально-романтическое направленіе, сколько уронить извѣстный кружокъ писателей: Батюшкова, Гнѣдича, Жуковскаго, Загоскина, Карамзина ¹¹⁵). Въ пьесѣ настолько видны личности, что она не появилась ни на сценѣ ни въ печати. Студентъ, пріѣхавшій изъ Казани, намекалъ собою на пріѣхавшаго изъ Пензы Загоскина; самое имя „Беневоольскій“ взято отъ псевдонима „Ювеналь Беневоольскій“, которымъ подписывался Загоскинъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“; стихи, которые вложены въ уста мечтательнаго студента, взяты изъ стихотвореній Батюшкова и Жуковскаго, иногда въ видѣ пародіи, иногда въ видѣ лишь легкой передѣлки, а иногда и безъ всякаго измѣненія. Такъ, напримѣръ, стихи:

О лары и пенаты!
 Вы пестуны мой!
 Вы златомъ не богаты;
 Но любите свои
 Углы и темны кельи,
 Гдѣ я на новосельи
 Васъ мирно тутъ и тамъ
 Разставилъ по мѣстамъ—

стихи, которые произноситъ безпріютный Беневоольскій, любуясь своими пожитками, разставленными въ залѣ Звѣздова (Д. II, явл. 11), представляютъ собою лишь небольшое измѣненіе слѣдующаго начала въ стихотвореніи Батюшкова: „Мои пенаты“:

Отчески пенаты,
 О пестуны мой!
 Вы златомъ не богаты,
 Но любите свои
 Норы и темны кельи,
 Гдѣ васъ на новосельи

Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ...

Стихи же:

И стукнемъ въ чашу чашей,
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной дружбѣ нашей
Дань перваго вина,—

съ которыми Беневольскій обращается къ гусару Саблину, приглашающему его въ ресторанаъ обѣдать (въ самомъ концѣ II-го д.), цѣликомъ взяты изъ посланія Жуковскаго: „Къ Батюшкову“ (1812 г.).

Намки на Карамзина, какъ представителя сентиментальнаго направленія, разсыпаны въ пьесѣ по разнымъ мѣстамъ. Беневольскій не только восхищается сентиментальными повѣстями Мармонтеля, Жанлисъ (ихъ переводилъ Карамзинъ) и „Бѣдной Молочницей“ (вѣроятно, намекъ на „Бѣдную Лизу“), — но и говорить языкомъ подобныхъ повѣстей, говорить „фигурно“, какъ отозвался о его рѣчи генераль Звѣздовъ (Д. I, явл. 12). Такъ, напримѣръ, студентъ заявляетъ, что невѣсту свою ужъ давно знаетъ, потому что видѣлъ ее всегда: „въ часы уединеннаго труда, въ минуты дѣятельной чувствительности, досуга шутиваго, крылатой фантази“; что образъ ея „носился въ облакахъ воздушныхъ, выглядывалъ изъ ручейка долиннаго, отражался въ капляхъ росы на листочкахъ утреннихъ“ (Д. I, явл. 8). Нѣкоторыя его фразы прямо напоминаютъ то или другое мѣсто изъ произведеній Карамзина. Слушая, напримѣръ, слѣдующую реплику Беневольскаго: „Я проникъ вашу тайну, но я самъ имѣю сердце: законы васъ осуждаютъ, но какой законъ святѣ любви?“ — вы невольно вспоминаете повѣсть: „Островъ Борнгольмъ“.

Но всѣ эти выходки противъ писателей — дѣло все-таки второстепенное: главный интересъ комедіи — это тѣ разсѣянные въ ней сатирическія мѣста, гдѣ изображаются черты общества. Въ этомъ отношеніи замѣчательно изображеніе Звѣздова и брата его жены — Саблина.

Въ одномъ мѣстѣ (Д. I, явл. 12) генераль Звѣздовъ такъ обрисованъ: онъ купилъ у плута-итальянца картинъ на 12 тысячъ. Итальянецъ надулъ. Звѣздовъ говоритъ слугѣ:

„... отнеси назадъ картины этому шельмѣ итальянцу, вотъ что всегда ко мнѣ ходитъ; сказать ему, что онъ плутъ, воръ; я кому ни показывалъ картины, всѣ говорятъ — мерзость, а онъ съ меня сдулъ вексель въ двѣнадцать тысячъ. Чтобъ взялъ назадъ

свою дрянъ хоть за половинную цѣну, а то подождетъ же денегъ лѣтъ десять: не у него одного есть вексель на мнѣ.—Да отправить старосту изъ жениной деревни, наказатъ ему крѣпко-накрѣпко, чтобъ Ѳомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку, и внесъ бы 25 рублей непремѣнно, слышите ль?—25 рублей до копейки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ! то рекрутъ для царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были наготовѣ. Онъ, видно, шутитъ 25-ю рублями; прошу покорно! да гдѣ ихъ сыщешь? кто мнѣ ихъ подарить? на улицѣ, что ли валяются? 25 рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень... Говорятъ, что все подешевѣетъ, а между тѣмъ все вздорожало, такъ чтобъ Ѳомка внесъ 25 рублей, слышите ль? сполна 25 рублей; хоть роди, да подай“.

Въ другомъ мѣстѣ (того же д. и того же явл.) характерно изображено отношеніе Звѣздова къ просителямъ.

1-й слуга (входитъ).

Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о томъ, о чемъ она васъ просила.

Звѣздовъ.

Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга (входитъ).

Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться объ ея дѣлѣ.

Звѣздовъ.

Какое дѣло? когда она мнѣ говорила?

2-й слуга.

Вчерашній день.

Звѣздовъ.

Все будетъ исполнено; вели ей доложить, что все будетъ исполнено.

3-й слуга (входитъ).

Левъ Ивановичъ Недосуговъ прислалъ просить ваше превосходительство...

Звѣздовъ.

Чего у меня просить! убирайся къ черту. Мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла, а до меня всѣмъ; вели отвѣчать, что все будетъ сдѣлано, непремѣнно все, все, все.

3-й слуга.

Да онъ самъ приказалъ вамъ сказать, что онъ все ужъ сдѣлалъ по вашему дѣлу, только проситъ васъ къ себѣ.

Звѣздовъ.

А!... ну, такъ вели благодарить: очень де, батюшка, благодарень. Да никого ко мнѣ не пускать; слышите ль? меня нѣтъ дома; я какъ уѣхалъ во дворецъ, такъ еще не воротился—и не ворочусь во весь день. Слышишь ли?—Тоска въ этомъ городѣ; нѣтъ, скорѣе въ деревню отъ здѣшней суматохи... *).

Не безынтересенъ и взглядъ автора, отразившійся въ слѣдующихъ словахъ Звѣздова (Д. III, явл. 6): пообѣщавъ Беневолюскому похлопотать о немъ, а затѣмъ бросивъ его на произволъ судьбы, Звѣздовъ говоритъ: „Ну! да что объ немъ много думать! дураки въ Петербургъ не бываютъ безъ мѣста.“

Въ пьесѣ есть и характеристика военного общества, или—вѣрнѣе—извѣстной его части. На насмѣшку Саблина надъ тѣмъ, что Звѣздова далеко за полночь пребыла на дѣтскомъ балу, она ему отвѣчаетъ: „Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться съ дѣтми, нежели дѣлать то, что вы всѣ, господа военные; со стороны смотрѣть и смѣшно и стыдно. Пріѣдутъ на вечеръ, обойдутъ всѣ комнаты, иной тутъ же и уѣдетъ; и какъ ему остаться: онъ званъ еще въ три дома, куда также гораздо бы лучше совсѣмъ не ѣхать, если только затѣмъ же; другіе разсядутся стариками, кто за бостонъ, кто за крейсъ, толкують объ лошадахъ, объ мундирахъ, спорятъ въ игрѣ, кричатъ во все горло, или, что еще хуже, при людяхъ шепчутся; хозяйка хочетъ занять гостей, музыканты цѣлый часъ играютъ попустому, никто и не встанетъ: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все вздоръ; наконецъ иного упросятъ, онъ удостоитъ выборомъ какую-нибудь счастливую дѣвушку, покружится разъ по залѣ — и усталъ до ужина; тутъ, правда, ужъ усталыхъ нѣтъ, наѣдятся, напьются—и уѣдутъ спать“ (Д. II, явл. 2).

Эта молодежь, толкующая о лошадахъ и мундирахъ и усердно работающая за ужиномъ, вовсе не похожа на ту, которую однажды охарактеризовалъ Пушкинъ ¹¹⁶⁾: та тоже не танцевала, но по другимъ причинамъ; эта же, по изменности своихъ интересовъ,

---

*) Ср. эту сцену съ описаніемъ вельможи въ „Почтѣ духовъ“ Крылова (въ п. отъ Буристона).

съ родни той „дружинѣ“, среди которой Грибоѣдовъ пробыль нѣкоторое время. Къ представителямъ этой „дружины“ можно отнести и гусара Саблина.

Нѣтъ сомнѣнія, что черты типа Скалозуба Грибоѣдовъ впервые собралъ во время своей службы въ Западномъ краѣ. Послѣ онъ сталъ этотъ типъ обрабатывать. Однимъ изъ набросковъ этого типа можно считать и обрисовку Саблина. По крайней мѣрѣ Алексѣй Ник. Веселовскій находитъ, что Саблинъ имѣеть сходство съ Скалозубомъ, прибавляя впрочемъ, что въ первомъ нѣтъ ограниченности и злобы послѣдняго. ¹¹⁷⁾ — Сходныя черты дѣйствительно есть. Соберемъ ихъ.

Отношеніе Саблина къ литературѣ чисто Скалозубовское: „сочинителей терпѣть не могу“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (Д. I, явл. 6), а въ другомъ: „Я человекъ военный, въ стихахъ ничего не понимаю“ (Д. II, явл. 4).

Скалозубъ насмѣшливъ и любитъ посплетничать. Саблину Звѣздовъ говоритъ (Д. II, явл. 5): „я насмѣшекъ терпѣть не могу, а ты охотникъ. Скажи по совѣсти, многимъ ли сегодня расскажешь; я чай, ни встрѣчному ни поперечному спуску не будетъ, всѣмъ проблаговѣстишь“ (о странностяхъ Беневольскаго).

У обоихъ у нихъ практикуется одинъ и тотъ же пріемъ въ случаѣ надобности кого-нибудь „мигомъ успокоить“. Такъ, когда Ѳедька, слуга Беневольскаго, хочетъ въ присутствіи Саблина сказать своему барину „два словца“, подпившій гусаръ гонитъ его; а когда Ѳедька все-таки порывается исполнить свое намѣреніе, Саблинъ кричитъ: „Вонъ! сейчасъ, не то пятьсотъ палокъ“. — „Пришли его ко мнѣ въ эскадронъ, братецъ“, — обращается онъ къ Беневольскому: — „я его научу послушанію“ (Д. III, явл. 9).

Наконецъ Саблинъ очень похожъ на Скалозуба, когда въ отвѣтъ Беневольскому, мечтающему о завидномъ жребіи государственнаго дѣятеля, говоритъ: „Послушайте, подите-ка къ намъ, въ полкъ, въ юнкера.—Смотри пожалуй! Онъ еще дуется: вѣдь я не виноватъ, что васъ иначе не примутъ; мнѣ бы, напротивъ, во сто разъ было веселѣе, кабы вы попали прямо въ полковники: вы такъ сухошавы, по всему судить—проживете не долго, скорѣй бы вакансія очистилась“ (Д. I, явл. 6).

Есть въ „Студентѣ“ и кое-что автобіографическое. Когда Звѣздова закончила свою, приведенную нами выше, характеристику военной молодежи (Д. II, явл. 2), — Саблинъ ей отвѣчаетъ: „А я тебѣ коротко скажу, что, кромѣ ужина, нѣтъ ничего хоро-

шаго ни на одномъ балѣ: я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ, когда *дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами*“.

Мы уже говорили о любви Грибоѣдова къ театру. Она выражалась между прочимъ и въ томъ, что онъ охотно писалъ для него пьесы. Такъ въ 1817 г., кромѣ „Студента“, онъ написалъ, по просьбѣ кн. Шаховскаго ¹¹⁸⁾, пять первыхъ сценъ для второго дѣйствія его комедіи: „Своя семья“; затѣмъ въ томъ же году перевелъ вмѣстѣ съ Жандромъ (вѣрнѣе—передѣлалъ) комедію Барта (Barthe): „Les fausses infidelités“, подъ названіемъ: „Притворная невѣрность“, въ которой впрочемъ изъ 17-ти явленій Жандру принадлежатъ только два: XII и XIII-е; остальные написаны Грибоѣдовымъ, хотя и съ поправками Жандра ¹¹⁹⁾. Лучшее—конечно, сцены въ „Своей семьѣ“. Стихъ ихъ, по замѣчанію Веселовскаго, „уже находится въ прямомъ соотношеніи съ стихомъ Горя отъ ума“ ¹²⁰⁾.

Приведемъ ту сцену (Д. II, явл. 4), гдѣ Наташа, разговаривая съ Маврой Савишной*), прикидывается бережливой до скудости и не любящей щегольства, ¹²¹⁾ а затѣмъ—и слѣдующую сцену (Д. II, явл. 5). Обѣ онѣ замѣчательны своимъ простымъ, чисто русскимъ разговорнымъ языкомъ ¹²²⁾.

Мавра Савишна.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпааетъ теперь?

Наташа.

Къ обѣду не успѣло;
Хватились поздно мы, такъ какъ-то не пришлось.

Мавра Савишна.

Какое жъ кушанье?

Наташа.

Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.

Мавра Савишна.

Твоей?—оно бъ не худо,
Да вѣдь пирожное затѣливое блюдо.
Насушный хлѣбъ теперь одинъ составить счетъ,
Такъ лакомство, ей-ей, на умъ ужъ не пойдетъ.

*) Пять сценъ Грибоѣдова были напечатаны отдѣльно въ „Сынъ Отечества“ (1817 г.) еще раньше выхода въ свѣтъ полной комедіи; въ послѣдней Грибоѣдовская *Мавра Савишна* названа *Феклой Савишной*.

Н а т а ш а.

Да-съ, у меня зато все снадобье простое:
Марковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

М а в р а С а в и ш н а.

Ну, сахаръ входитъ же?

(Наташа качаетъ голову)

Хоть крошечка?

Н а т а ш а.

Отнюдь.

Какъ, сахаръ? шутка ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ нынче много.

М а в р а С а в и ш н а.

Да! согрѣшили мы, крутыя времена!

Н а т а ш а.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому приучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно;
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

М а в р а С а в и ш н а.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ!
Въ иной и въ пожилой такого смысла нѣтъ.

Н а т а ш а.

Помилуйте...

М а в р а С а в и ш н а.

Чего помиловать? смотри-ка,

Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь вѣкъ—не нажила ума?
Расчету, ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней,—зачѣмъ? Кому на диво?

{Н а т а ш а.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была.
Хоть матушка моя покойная жила
Куда не роскошно, я чай, и вамъ извѣстно.

М а в р а С а в и ш н а.

Умна была,—дай Богъ ей царствіе небесно!

Н а т а ш а.

Однако странность я одну вамъ расскажу.

М а в р а С а в и ш н а.

Какъ, другъ мой? что?—Садись.

Н а т а ш а.

Вотъ что...

Мавра Савишна.

Да сядь!

Наташа (сѣвши на краешкѣ стула).

Сижу.

Вотъ, что... спросить у васъ позвольте: вы давно ли
Разстались съ матушкой?

Мавра Савишна.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;

Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.

(Со вздохомъ)

И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей!

Наташа.

Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случилось
Объ томъ, что къ Ладовой, графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

Мавра Савишна.

Нѣтъ! не слыхала я.

И Наташа придумываетъ цѣлый рассказъ о мотовствѣ и
шегольствѣ графини Ладовой, въ домѣ которой то-и-дѣло бывали
то концерты, то танцевальные вечера, а шалюмъ ея и платьямъ
не было и счету.— „Зараза! истинно зараза!“ восклицаетъ Мавра
Савишна и удивляется, какъ Наташа не испортилась, живя съ
такой мотовкой. Въ отвѣтъ на это Наташа говоритъ:

Позвольте досказать. Миѣ скоро шегольство
И весь графининъ быть: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами —
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли, что лучше бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ бы ходила,
Да лишь бы суетно такъ время не губила.

Мавра Савишна.

Ужли, голубушка? да какъ же это ты?
Я... я свертѣлась бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій!—Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь.—А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь и булавочка намъ можетъ пригодиться.

Мавра Савишна.

Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю и на тебя гляжу

И слушаю тебя,—ума не приложу,
Диковинка, мой свѣтъ! Ужъ ты ли не водилась
Съ большими барами? а все съ пути не сбилась!

Н а т а ш а.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.
Когда къ французенкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только бы купить что ни попало.
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроять и то и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И, дома запершись, крою себѣ, крою.
Теперь же, вѣрите ль, я что угодно шью;
Вы не увидите на мнѣ чужой работы
Вотъ ни на эстолько.

(Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука).

Мавра Савишна.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій,—и тебѣ подобной не сыскать!

Н а т а ш а.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало прочія лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ;
Что вышию, продаю; работою своей
Скопила наконецъ до тысячи рублей.

Мавра Савишна.

Теперь на свѣтъ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила!—Чѣмъ? Трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать!

[Обнимаются].

Вотъ, если бъ былъ Любимъ степенный и толковый,
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ! случай здѣсь готовый!
И услужилъ бы всѣмъ роднымъ и самъ себѣ,
Когда женился бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, въ Питерѣ онъ сватанье завель!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашель!
Преакуратная головушка, я чаю.

Н а т а ш а.

А почему же знать?

Мавра Савишна.

Какъ почему?—Я знаю.

Н а т а ш а.

Конечно, это вамъ извѣстиѣ, чѣмъ мнѣ.

М а в р а С а в и ш н а.

Вотъ то-то, видишь ли, что всей его роднѣ
Она не по нутру.— Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить.
Того не думаетъ, чтобы самой нажать.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось—
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!

[Останавливается отъ избытка чувствъ].

Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла бъ за него,
Не расточила бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты, вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по-французскому умѣешь говорить?

Н а т а ш а.

Умѣю нѣсколько.

М а в р а С а в и ш н а.

И! вѣрно мастерица

Имъ только надобно...

Тутъ входитъ Варвара Савишна, и слѣдуетъ явленіе пятое.

М а в р а С а в и ш н а.

Послушай-ка, сестрица!

Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда ли, она
Любиму нашему вѣдь по всему жена?

В а р в а р а С а в и ш н а.

Я то же говорю.

М а в р а С а в и ш н а.

Ты говоришь... Я знаю,

Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочеть онъ, Любимъ, !
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ петербургскія всѣ шашни позабудеть.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай;
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чемъ.— Прости!

[Обращаясь къ Наташѣ].

Ахъ! жаль, что недосужно,

А то бы мы съ тобой... прошу насъ навѣщать.

Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать;

На это мастерство у насъ есть заведенье,

Туда свожу тебя, увидишь:—заглядѣнье.

Отцу Пафнутію какія ризы шьютъ!

[Варваръ Савишнѣ].

Скажи жъ Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,

Заѣхалъ бы ко мнѣ.—Быть можетъ, и безъ брани,

Авось!.. загадывать я не хочу заранѣ.

Авось!.. не вѣдаетъ никто, что впереди.

Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи!

Если не считаютъ неправдоподобнымъ, что у Грибоѣдова уже въ 1812 году могли быть начатки „Горя отъ ума“, то тѣмъ менѣе можно отвергать достовѣрность показанія Бѣгичева, что Грибоѣдовъ въ 1816 г. приступилъ къ дальнѣйшей работѣ надъ своей комедіей, написалъ нѣсколько сценъ и читалъ ихъ друзьямъ своимъ. Ал-й Ник. Веселовскій, признавая Бѣгичева „свидѣтелемъ вполне авторитетнымъ“, даетъ полную вѣру его показанію, и въ своей статьѣ: „Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума“¹²³) останавливается на работѣ Грибоѣдова надъ этой комедіей въ 1816 году.

„Въ какомъ отношеніи“—говоритъ Веселовскій, — „должны были находиться всѣ дѣйствующія лица другъ къ другу въ первоначальномъ видѣ комедіи, какова въ точности была роль Чацкаго среди нихъ, совершенно неизвѣстно... въ первообразѣ Горя отъ ума, какъ онъ зачался въ 1816 году, было много лишняго, обременяющаго дѣйствіе и вполнѣ послѣдствіи (какъ напр. цѣлая роль жены Фамусова, на которую осталось впрочемъ нѣсколько намековъ въ рѣчахъ его самого) вовсе уничтоженнаго. Несомнѣнно только, что главный остовъ комедіи былъ тотъ же, что и вполнѣ послѣдствіи, что противоположность двухъ міровъ, двухъ вѣрованій, составляла и тогда основную тему пьесы, конечно развитую несравненно неопытнѣе, съ большей горячностью и невѣдѣніемъ мѣры въ выраженіи молодого, страстнаго негодованія. Сравненіе позднѣйшихъ вариантовъ комедіи, непосредственно предшествовавшихъ окончательной ея отдѣлкѣ, съ общеизвѣстнымъ текстомъ, несравненно болѣе сжатымъ и гармоническимъ, даетъ приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ долженъ былъ быть набросокъ 1816 года“.

Изъ дальнѣйшихъ словъ автора статьи видно однако, что и этотъ набросокъ онъ считаетъ „почти зародышемъ“ комедіи. „Но

планъ ея“,—говорить онъ,—„острота насмѣшки, уже сквозившая и въ неопредѣленномъ ея образѣ, вызвала сочувствіе друзей Грибоѣдова“.

О первоначальномъ видѣ своей комедіи Грибоѣдовъ впоследствии и самъ сказалъ кое-что въ одномъ изъ сохранившихся его черновыхъ набросковъ. Написанъ онъ, по отмѣткѣ Шляпкина, уже послѣ 1823 г. Въ немъ читаемъ слѣдующее:

„Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той же участи,—такъ мнѣ ли роптать?“ ¹²⁴⁾

Отсюда Веселовскій дѣлаетъ выводъ, что Грибоѣдовъ сперва не предназначалъ своего произведенія для сцены; что желаніе видѣть его въ театрѣ явилось у автора ужъ позднѣе; что, стало быть, Грибоѣдовъ первоначально задумывалъ „нѣчто въ родѣ комедіи для чтенія“,—„быть можетъ, оттого,“—прибавляетъ нашъ ученый, — „что не видѣлъ возможности всенароднаго обличенія съ сценическихъ подмостковъ въ то время; онъ не хотѣлъ заискивать вниманія театральной толпы, но стремился, въ пламенномъ увлеченіи молодости, сказать современному обществу нѣсколько суровыхъ, непощадныхъ истинъ,—замыселъ, совершенно соответствующій тому особому *гражданскому* настроенію, которое его охватывало“.

Пыпинъ тоже, на основаніи словъ Грибоѣдова о первомъ начертаніи его комедіи, заключаетъ, что общественное значеніе задуманнаго произведенія предполагалось гораздо шире ¹²⁵⁾.

Такимъ образомъ, есть основаніе утверждать, что Грибоѣдовъ уже во время своей петербургской жизни былъ занятъ тѣмъ серьезнымъ литературнымъ трудомъ, который впоследствии доставилъ ему славу нашего великаго писателя.

Періодъ времени съ конца лѣта 1818 г. по 30 января 1829 г.

Причины отъѣзда Грибоѣдова на Востокъ. — Начало его трагическаго положенія. — Хронологическій перечень тѣхъ внѣшнихъ фактовъ, въ рамкѣ которыхъ развивалось трагическое положеніе Грибоѣдова. — Сущность его трагизма.

Своею петербургскою жизнью Грибоѣдовъ, повидимому, былъ доволенъ: литературныя и вообще умственныя занятія, общеніе съ образованными людьми, посѣщеніе театра, а также и свѣтскихъ гостиныхъ, гдѣ даровитый молодой человѣкъ былъ радушно принимаемъ, наконецъ тѣсный кружокъ друзей—все это служило источникомъ наслажденій, и Грибоѣдовъ, какъ потомъ самъ сказалъ въ письмѣ къ Бѣгичеву, въ Петербургѣ хотя и „имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ“¹²⁶). И эту жизнь ему пришлось покинуть. Давнишняя мечта матери о службѣ сына по дипломатической части наконецъ стала осуществляться: въ апрѣлѣ 1818 г. министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде началъ переговоры съ Грибоѣдовымъ о назначеніи его въ Персію, указывалъ какъ на матеріальныя выгоды этого назначенія, такъ и на то, что въ уединеніи дарованія молодого человѣка усовершенствуются. Грибоѣдову ужасно не хотѣлось принять предложеніе. Въ томъ же апрѣлѣ онъ писалъ своему другу: „жестоко бы было мнѣ цвѣтуція лѣта свои провести между дикообразными азіатцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми“¹²⁷). Изъ этого же письма къ Бѣгичеву видно, что Грибоѣдовъ смотрѣлъ на принятіе сдѣланнаго ему предложенія, какъ на принесеніе себя въ жертву,—и все-таки онъ его принялъ.—Что же побудило его къ тому?

Прежде всего надо знать, что въ Грибоѣдовѣ давно уже начало слагаться высокое понятіе о долгѣ; это отразилось уже въ статьѣ его: „О кавалерійскихъ резервахъ“¹²⁸). Развѣтіемъ въ немъ чувства долга вообще и въ частности—долга сыновняго онъ считалъ себя обязаннымъ Бѣгичеву, и въ томъ же письмѣ къ нему, въ которомъ писалъ: „Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ“¹²⁹), онъ говорилъ: „Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства“. Слова эти означали

вотъ что: съ 1817 года денежныя дѣла Настасьи Ѳедоровны начали значительно разстраиваться, и Грибоѣдовъ, понимая всю тяжесть жертвы, все-таки жертвуетъ собой во имя сыновняго долга, надѣясь, что служба въ Персіи поможетъ ему стать въ такія матеріальныя условія, при которыхъ онъ будетъ въ состояніи поддерживать свою семью. Это главная причина, заставившая его согласиться на отъѣздъ изъ Петербурга; но къ ней присоединилась еще и другая: онъ мучился совѣстью, что изъ-за его шалости былъ убитъ Шереметевъ; тѣнь покойнаго преслѣдовала его, онъ хотѣлъ избавиться отъ этой пытки и оставить тотъ городъ, гдѣ ему многое напоминало о печальной катастрофѣ, хотя въ то же время очень и очень многое и удерживало отъ поѣздки. Положеніе его было по истинѣ драматическое, или, вѣрнѣе, оно было завязкой той долго длившейся трагедіи, которая окончилась кровавымъ событіемъ 30 января 1829 года.

Мы разсмотримъ столкновеніе силъ, принимавшихъ участіе въ этой глубоко интересной и высоко поучительной трагедіи, но прежде, для удобства изложенія, укажемъ канву тѣхъ внѣшнихъ фактовъ, въ рамкѣ которыхъ она совершалась.

Въ іюлѣ 1818 г. состоялось назначеніе Грибоѣдова секретаремъ при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи—К. С. Мазаровичѣ. Въ концѣ лѣта онъ выѣхалъ изъ Петербурга, пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, и въ октябрѣ былъ уже въ Тифлисѣ, гдѣ его тотчасъ же встрѣтилъ Якубовичъ и предложилъ покончить прежніе счеты¹³⁰⁾. Они стрѣлялись: Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки.

Въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ видѣлся съ главнокомандующимъ, А. П. Ермоловымъ, и они полюбили другъ друга. „Что это за славный человѣкъ!“ — писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву: „мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, — но совершенно по-русски: на все годенъ“¹³¹⁾. Ермоловъ тоже оцѣнилъ умъ и образованность молодого человѣка.

Въ самомъ концѣ января 1819 г. Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Персію, побывалъ въ Эривани, Нахичевани, Тавризѣ и Тегеранѣ, описывалъ свое путешествіе въ письмахъ къ Бѣгичеву, велъ путевыя записки, и въ Персіи много работалъ по дѣламъ миссіи. Жизнь онъ велъ почти въ безпрестанныхъ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое, и между прочимъ пріѣзжалъ по дѣламъ и въ Тифлисъ и возвращался обратно въ Персію. Служба его въ Персіи продолжалась около трехъ лѣтъ; въ февралѣ 1822 г.

онъ, согласно его желанію, былъ уволенъ отъ должности при миссіи съ назначеніемъ состоять по дипломатической части при Ермоловѣ въ Грузіи, гдѣ и пробылъ до марта 1823 г. *) Въ это время Грибоѣдовъ получаетъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на 4 мѣсяца, но превращаетъ его въ двухгодичный. Обратнo въ Грузію онъ ѣдетъ не прямою дорогою, а черезъ Кіевъ и Крымъ, набрасываетъ путевыя записки, и только въ октябрѣ 1825 г. возвращается на службу къ Ермолову. Въ самомъ началѣ 1826 г. его арестуютъ по подозрѣнію въ связи съ декабристами, привозятъ съ курьеромъ въ Петербургъ, сажаютъ въ зданіе Главнаго Штаба, но по разслѣдованіи дѣла признаютъ невиновнымъ, освобождаютъ и даже награждаютъ чиномъ надворнаго совѣтника.

Между тѣмъ на Кавказъ посланъ былъ Паскевичъ, который вскорѣ смѣнилъ собою Ермолова въ качествѣ главнокомандующаго. Грибоѣдову опять не хотѣлось ѣхать на Востокъ, но мать умолила его отправиться на службу къ Паскевичу, который, какъ уже знаемъ, былъ въ родствѣ съ семьей Грибоѣдовыхъ ¹⁸²⁾.

Осенью 1826 г. Грибоѣдовъ былъ уже на Кавказѣ, куда пріѣхалъ для исполненія при Паскевичѣ той же должности по дипломатической части, которую раньше исполнялъ при Ермоловѣ. Тогда уже начались военныя дѣйствія противъ Персіи, и Грибоѣдовъ принималъ участіе въ Эриванскомъ походѣ, работая въ то же время и какъ дипломатъ; былъ опять въ Персіи и много хлопоталъ при заключеніи Туркманчайскаго договора (10 февр. 1828 г.), по которому Россія пріобрѣла Эриванскую область, и Персія должна была уплатить намъ контрибуцію.

Съ донесеніемъ государю о заключеніи договора Паскевичъ отправилъ Грибоѣдова, какъ одного изъ выдающихся дипломатическихъ участниковъ этой войны съ Персіей. Это былъ послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ скоро, къ великому удовольствію матери, но противъ своего желанія и ожиданія, назначенъ былъ полномочнымъ министромъ въ Персію. Онъ предчувствовалъ, что живымъ изъ Персіи ему ужъ не вернуться, но изъ благороднаго чувства признательности къ государю, оказавшему ему большія милости, какъ награду за его службу, онъ не счелъ возможнымъ отказаться отъ новаго назначенія — и прібылъ въ Персію осенью того же 1828 г. Проѣздомъ черезъ Тифлисъ онъ

---

*) Изъ Персіи Грибоѣдовъ уѣхалъ еще раньше увольненія отъ службы при миссіи: въ концѣ 1821 г. онъ былъ посланъ Мазаровичемъ въ Тифлисъ къ Ермолову съ извѣстіемъ о началѣ военныхъ дѣйствій между персами и турками, и изъ Тифлиса въ Персію на этотъ разъ уже не возвращался.

женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе. Свадьба была 22 августа, а 30 января 1829 г. Грибоѣдовъ былъ убитъ чернью въ Тегеранѣ.

Вотъ внѣшніе факты, изъ которыхъ видно, что Грибоѣдовъ уѣзжалъ на Востокъ не одинъ разъ, а нѣсколько. Намъ кажется, что на каждую его поѣздку туда можно смотрѣть, какъ на отдѣльный актъ его жизненной трагедіи, и мы увидимъ, что соответственно этимъ актамъ душевное настроеніе Грибоѣдова, сохраняя все тотъ же основной свой характеръ, измѣняется въ своей напряженности: сила душевныхъ страданій растетъ съ каждымъ актомъ.

Трагизмъ положенія Грибоѣдова обуславливался невозможностью согласить требованій его наклонностей и вкусовъ съ требованіемъ высоко развитого въ немъ чувства долга. Уже въ періодъ своей петербургской жизни Грибоѣдовъ почувствовалъ сильное влеченіе къ умственному труду и литературнымъ занятіямъ. По свидѣтельству Бѣгичева, онъ уже тогда много читалъ и много учился; по его же свидѣтельству, онъ тогда же работалъ и надъ своей знаменитой комедіей, которой придавалъ высокое гражданское значеніе. Влеченіе къ умственному труду и къ творчеству въ людяхъ одаренныхъ, обладающихъ большой умственной энергіей, бываетъ непреодолимо: оно является естественнымъ слѣдствіемъ ихъ мощной духовной организаціи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ которой это влеченіе становится все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ накапливающаяся энергія требуетъ себѣ исхода. Между тѣмъ роковыя обстоятельства ставятъ Грибоѣдова именно въ тѣ условія жизни, которыя отнимаютъ у него возможность отдаться любимымъ занятіямъ, забрасываютъ далеко отъ образованнаго міра, разлучаютъ съ друзьями и заставляютъ его дѣлать дѣло, которое ему вовсе не по душѣ, но бросить которое онъ также не въ силахъ, потому что въ немъ необыкновенно твердо убѣжденіе, что добровольно принятая имъ на себя обязанность должна быть свято исполнена. Онъ нѣсколько разъ пытается освободить себя—не своевольно, а законнымъ образомъ—отъ нелюбимаго дѣла, отъ дѣла, къ которому онъ не чувствуетъ влеченія, и даже сомнѣвается въ своихъ способностяхъ для его выполнения,—и все-таки не можетъ отъ него освободиться то въ силу сознанія своего сыновняго долга, то въ силу чувства благодарности къ государю.

I.

Первая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ. — Настроенеіе его въ дорогѣ, въ Москвѣ и въ Персіи. — Образъ жизни въ послѣдней и занятія восточными языками. — Желаніе учиться. — Путевыя письма къ Бѣгичеву и минуты оживленія. — Религіозное чувство и чувство народной гордости. — Письмо къ издателю „Сына Отечества“. — Грибоѣдовъ хлопочетъ за русскихъ плѣнныхъ. — Его отношеніе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ и къ русской старинѣ. — Сонъ Грибоѣдова. — Грибоѣдовъ въ Тифлисъ и работа его надъ „Горемъ отъ ума“. — Замѣтки о Петрѣ I. — Планъ драмы: „1812-й годъ“ и одна сцена изъ нея. — Настроенеіе Грибоѣдова въ Тифлисъ и черты его личности. — Продлившійся два года отпускъ. — Опять работа надъ „Горемъ отъ ума“. — Графъ Вельгорскій распространяетъ извѣстность комедіи. — Восторгъ читателей. — Драматическое положеніе автора и его душевныя страданія. — Послѣдняя отдѣлка „Горя отъ ума“. — Напрасныя хлопоты о постановкѣ его на сцену. — Общество съ комедіей все-таки ознакомилось. — Размолвка съ Булгаринимъ и слѣды душевнаго раздвоенія. — Научныя занятія Грибоѣдова. — Литературные труды его, кромѣ „Горя отъ ума“. — Психологическое значеніе факта перевода „Пролога Фауста“. — Въ настроеніи Грибоѣдова замѣчается уныніе, раздражительность, разочарованіе. — Желаніе ѣхать за границу.

Первымъ актомъ жизненной трагедіи Грибоѣдова мы называемъ его первую поѣздку. Прослѣдимъ за главнымъ лицомъ въ немъ.

Уже изъ Новгорода, 30-го августа, т. е. въ день своихъ именинъ, Грибоѣдовъ писалъ Бѣгичеву: „Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ... Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и на умъ не входитъ; похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благовѣрный князь, по имееи котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ, и соименнаго ему секретаря посольства та же участь ожидаетъ“ (Шл. I, 165). „Ахъ, Персія! дурацкая земля!“ восклицаетъ онъ уже въ Москвѣ, при мысли о необходимости ѣхать въ эту страну (I, 167). Въ чрезвычайно интересномъ письмѣ изъ Воронежа къ Бѣгичеву, въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ Грибоѣдовъ заявляетъ другу о своей рѣшимости „жить для семейства“, и гдѣ благодаритъ Бѣгичева за оказанное имъ доброе на него вліяніе ¹⁸³³), авторъ говоритъ и о своемъ недовольствѣ Москвою: онъ вообще недоволенъ жизнью обитателей Подъ-Новинскаго, но еще больше недоволенъ ихъ привычкою оцѣнивать человѣка чисто съ Фамусовской точки зрѣнія. „Въ Москвѣ все не по мнѣ: праздность, роскошь, не сопря-

женная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, малаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничаль, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ миссію, и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою, — но по крайней мѣрѣ судятъ обо мнѣ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого, что я не восхищаюсь Кошкинымъ и ему подобными“ (I, 169). Но какъ ни больно было Грибоѣдову видѣть такое отношеніе матери къ его литературству, онъ говоритъ: „Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прошу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить“. Въ Персіи иногда тоска до того овладѣвала имъ, что на него находило что-то въ родѣ апатіи (I, 170).

Отдаться любимымъ умственнымъ занятіямъ Грибоѣдовъ почти не могъ: исполняя свой служебный долгъ, онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто. Въ письмѣ къ Катенину изъ Тавриза, написанномъ въ февралѣ 1820 г., читаемъ: „Скажу объ моемъ быту. Вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь, изъ Тифлиса пустился въ Иранъ, секретарь бродящей миссіи. Съ тѣхъ поръ не нахожу самого себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70-ти верстѣ верхомъ скачетъ каждый день, весь день разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца съ ряду, подъ знойнымъ персидскимъ небомъ, по снѣгамъ въ Кавказѣ, и промежутки отдохновенія, недѣли двѣ, много три, на одномъ мѣстѣ! — И этотъ человѣкъ будто я? Положимъ однако, что еще я не совсѣмъ съ ума сошелъ, различаю людей и предметы, между которыми движусь“ (I, 170—171).

Но если не было времени для литературныхъ занятій, требующихъ болѣе усидчиваго образа жизни, то Грибоѣдовъ все-таки находилъ часы, въ которые ему удалось изучить персидскій языкъ, а затѣмъ и арабскій. Изучалъ онъ ихъ столько же изъ

любезности, сколько и для пользы при своихъ служебныхъ сношеніяхъ съ восточными людьми. Много читать въ Персіи Грибоѣдовъ также не могъ, потому что книги, отправленныя имъ еще изъ Петербурга, дорогой терялись (I, 172).

Эти условія жизни скоро заставили Грибоѣдова хлопотать о дозволеніи ему уѣхать изъ Персіи. Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣсколько французскихъ строкъ, написанныхъ Грибоѣдовымъ на оборотѣ чернового письма къ кн. Шаховскому. Письмо помѣчено: „Табрисъ, 17 ноября 1820 г., часъ по полуночи“. Вотъ сдѣланный Шляпкинымъ переводъ этихъ французскихъ строкъ: „Познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго *). Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выражений для одной и той же мысли, говоритъ Ривароль: **) чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть познанія, прошу о увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь“... (I, 175). Но отозванія изъ „грустной“ страны Грибоѣдову пришлось ждать еще долго.

Въ первомъ томѣ изданія Шляпкина особо напечатаны такъ называемыя „Путевыя письма“ Грибоѣдова къ Бѣгичеву, относящіяся къ 1819 году (I, стр. 29—51). Въ нихъ онъ набрасываетъ описаніе своего путешествія изъ Тифлиса въ Персію, до самаго Тегерана.—Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?—Главнымъ образомъ для того, чтобы бесѣдой съ другомъ отгонять свою тоску. Одно изъ этихъ писемъ (п. VII-е) онъ такъ начинается: „Сейчасъ думаль, что бы со мною было, если бы я бесѣдой съ тобою не сокращалъ мучительныхъ часовъ въ темныхъ закоптѣлыхъ ночлегахъ! Твоя пріязнь и въ отдаленіи для меня благодѣяніе. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь въ то, что самъ для себя не сталъ бы замѣчать; но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будетъ въ рукахъ, дѣлаетъ меня внимательнымъ, и все въ глазахъ моихъ украшаетъ надежда, что Богъ дастъ — свидимся, прочтемъ это вмѣстѣ, много добавлю словесно — и тогда сколько удовольствія! Право, мы счастливо созданы“ (I, 44).

---

*) Грибоѣдовъ тутъ не упомянулъ о яз. итальянскомъ, латинскомъ, греческомъ.

**) Французскій критикъ и публицистъ конца XVIII вѣка.

Эти послѣднія слова, указывающія, въ чемъ тогда искалъ Грибоѣдовъ утѣшенія, особенно ясно свидѣтельствуютъ о его горькомъ чувствѣ одиночества.

Любя мирныя кабинетныя занятія, Грибоѣдовъ, повидимому, не имѣлъ страсти къ путешествіямъ. Въ томъ же письмѣ изъ Персіи онъ заявляетъ: „Нѣтъ! я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители; она желѣзною рукою закинула меня сюда и гонитъ далѣе, но по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года“ (I, 46).

Однако бывали минуты, когда странствующій по волѣ судьбы секретарь миссіи оживлялся. Грибоѣдовъ, не смотря на шалости своей ранней молодости, былъ человекъ религіозный. Въ статьѣ А. И. Смирнова есть такое мѣсто: „По свидѣтельству Кюхельбекера *), Грибоѣдовъ былъ смиренный и строгій христіанинъ и безпрекословно вѣрилъ ученію св. церкви. Грибоѣдовъ имѣлъ большое вліяніе на Кюхельбекера, которому указывалъ на красоты св. Писанія въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Въ своемъ дневникѣ Кюхельбекеръ записалъ: «Прочелъ 30 главъ пророка Исаи. Они были любимыми моего покойнаго друга Грибоѣдова, и въ первый разъ я познакомился съ нимъ, когда онъ мнѣ ихъ прочелъ въ 1821 г. въ Тифлисъ»¹³⁴⁾. Послѣ этого понятно, что Грибоѣдовъ не могъ остаться равнодушнымъ при видѣ знаменитаго Арарата. „Вдругъ предстали предъ нами въ отдаленіи двѣ горы... это двухолмный Араратъ“,—писалъ онъ изъ Арменіи.—„Кромѣ воспоминаній, которыя трепетомъ наполняютъ душу всякаго, кто благоговѣетъ предъ священными преданіями, одинъ видъ этой древней горы сражаетъ неизъяснимымъ удивленіемъ. Я долго стоялъ неподвиженъ“ (I, 38).

Другимъ оживляющимъ началомъ служило оскорбленное или наоборотъ—польщенное чувство народной гордости Грибоѣдова. Миссія прибыла въ Эривань не по той дорогѣ, откуда ожидали ее персы. Грибоѣдовъ, не видя приличной встрѣчи, негодовалъ, подозрѣвая „неуваженіе къ русскимъ чиновникамъ“. Но когда онъ узналъ, что подозрѣніе его неосновательно; когда увидѣлъ, что персы отнеслись къ представителямъ Россіи до того почти-

---

*) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пушкина по лицу и другъ его, впоследствии декабристъ (подробнѣе см. у Шляпкина, I, 405).

тельно, что даже поставили въ приготовленномъ для нихъ домѣ *стульяхъ*, сердце его успокоилось, потому что постановкой этихъ стульевъ персы явно выразили свое „особенное предпочтеніе намъ, русскимъ“ предъ англичанами. И Грибоѣдовъ съ гордостью писалъ Бѣгичеву: „между тѣмъ какъ англичане смиренно сгибаютъ колѣна и садятся на полъ, какъ Богъ велитъ, и разутые,—мы, на возвышенныхъ сѣдалищахъ, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчемъ персидскіе многоцѣнные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣшнемъ народѣ“ (I, 39).

Насколько Грибоѣдову были дороги интересы Россіи, видно уже изъ слѣдующаго факта. Еще въ январѣ 1819 г. въ Тифлисѣ прочелъ онъ въ одномъ изъ номеровъ „Русскаго Инвалида“ (за декабрь предш. года) такое ложное извѣстіе: „Пишутъ изъ Константинополя отъ 26 октября, будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя“. По этому поводу онъ написалъ негодующее письмо къ издателю „Сына Отечества“, гдѣ между прочимъ говорилъ: „Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластнымъ, и о происшествіи столько значащемъ, не затрудняются заимствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей, и не обинуясь выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія; а можно бѣ было, кажется, усомниться, тѣмъ болѣе, что этотъ слухъ вздорный, не имѣетъ никакого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали бы въ Петербургѣ официально, а не чрезъ Константинополь... Я бы впрочемъ не взялъ на себя неблагодарнаго труда исправлять газетныя ошибки, если бы обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ азіатскомъ дворѣ. Россійская имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ свѣта. Что не слѣдуетъ никакого впечатлѣнія на германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту же новость, уже выписанную изъ русскихъ официальныхъ вѣдомостей, и очень невинно расскажетъ ее кому угодно въ Тавризѣ или Тегеранѣ. Всякому предоставляю обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечъ можетъ“ (I, 24—28).

Еще фактъ, который обнаруживаетъ и глубокое національ-

ное чувство Грибоѣдова, и его любовь къ народу, и его пониманіе своего служебнаго долга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его доброе сердце.

Въ Персіи были русскіе плѣнные солдаты, которыхъ персидское правительство всячески старалось удержать. Грибоѣдовъ употребилъ всѣ усилія къ ихъ освобожденію. „Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ“ — такими словами записалъ онъ въ путевыхъ наброскахъ о своей рѣшимости спасти плѣнныхъ (I, 56). Грибоѣдовъ самъ доставилъ ихъ въ Тифлисъ. Дорогой плѣнные пѣли русскія пѣсни. Грибоѣдовъ въ своихъ запискахъ кратко отмѣтилъ: „Пѣсни: «Какъ за рѣченькой слободушка», «Въ полѣ дороженька», «Солдатская душечка, задушевный другъ». Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза“ (I, 60).

Интересъ къ русской старинѣ былъ пробужденъ въ Грибоѣдовѣ еще въ университетѣ, и впослѣдствіи фантазія его любила уходить въ наше давно прошедшее. Вотъ примѣръ. Персидскій военный начальникъ въ Эривани, представитель сравнительно мало еще культурной націи, принимаетъ гостей, прибывшихъ изъ гораздо болѣе образованной страны, и притомъ изъ страны, лежащей, относительно Персіи, на западѣ. Грибоѣдову приходитъ на мысль такая параллель: „Я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину. Хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фараши *) его — домочадцами, самъ я — Олеарій... и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется англичаниномъ, а право, нельзя ручаться—изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпныхъ разсказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ, — я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріи, прозванномъ Самозванцемъ, и всякаго другого бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство. И эриванскій Маржереть, или Дурьгильбредъ **), язвительно отзывается насчетъ персіянъ, которые не допускаютъ его умереть съ голоду“ (I, 41).

Что же дѣлалось съ комедіей Грибоѣдова за время пребыванія его въ Персіи?—Отвѣтитъ на этотъ вопросъ очень трудно. Булгаринъ, правда, рассказываетъ, что въ Тавризѣ въ 1821 г.

*) Въ Персіи, Афганистанѣ и Индіи *фараши* называютъ вообще низшихъ слугъ.

***) По объясненію Шляпкина, *дурь, гиль, бредъ*.

Грибоѣдовъ даже во снѣ видѣлъ свою комедію, во снѣ представлялъ себѣ новый планъ ея и будто, руководствуясь этимъ планомъ, написалъ на самомъ дѣлѣ нѣсколько сценъ перваго акта ¹⁸⁵). Грибоѣдовъ дѣйствительно видѣлъ въ Тавризѣ (но въ 1820 г.) сонъ, о чемъ и самъ рассказываетъ въ письмѣ къ Шаховскому (I, 173), но иного характера и безъ всякаго намека на „Горе отъ ума“: онъ говоритъ только, что во снѣ далъ обязательство сѣсть за работу и исполнить ее черезъ годъ, но ничего не говоритъ о томъ, какая это была работа, и началъ ли онъ въ Персіи же приводить свое обѣщаніе въ исполненіе.

Но изъ этого же письма къ Шаховскому видно, что общее настроеніе Грибоѣдова было все то же: онъ тосковалъ, и Персію все продолжалъ называть „скучной Персіей“, а домъ, въ которомъ помѣщалась миссія въ Тегеранѣ, онъ называлъ ея „дипломатическимъ монастыремъ“ (I, 51).

Перейдя на службу въ Грузію, Грибоѣдовъ жилъ большею частію въ Тифлисѣ, сопутствуя иногда Ермолову въ его военныхъ экспедиціяхъ. Теперь у него было больше свободнаго времени, и онъ спѣшилъ имъ воспользоваться. Въ Тифлисѣ онъ усиленно занялся своей комедіей, своимъ любимымъ дѣтищемъ, и, по мнѣнію однихъ, тамъ была имъ написана вся комедія, а по мнѣнію другихъ (Лонгинова и проф. Веселовскаго), только два первыя ея дѣйствія.

Приблизительно къ этому же времени относятся и замѣтки Грибоѣдова, касающіяся исторіи Петра I-го (Шл. I, 71 — 75) и вызванныя чтеніемъ книги Голикова. Книгу Голикова подъ названіемъ: „Дѣянія Петра Великаго“ Грибоѣдовъ читалъ и раньше: въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Воронежа (1818 г.) онъ писалъ: Одинъ томъ *) Петровыхъ акцій (т.-е. дѣяній) у меня въ брчкѣ, и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное въ Дѣянїяхъ, пожалуй напиши: я этимъ воспользуюсь“ (I, 169). Возможно, слѣдовательно, что замѣтки Грибоѣдовъ дѣлалъ и раньше 1822 г., но несомнѣнно также и то, что онъ дѣлалъ ихъ и послѣ своего обстоятельнаго уже знакомства съ персидскими нравами, какъ это видно изъ того мѣста, гдѣ онъ сопоставляетъ Петровскихъ стрѣльцовъ съ персидскими сарбазами **).

*) Томъ первый.

**) Сарбазы — тогда еще новоустроенное въ Персіи регулярное войско.

Но какъ бы ни было, насъ интересуеъ не столько время написанія этихъ замѣтокъ, сколько самый ихъ характеръ. Уже выраженіе: „зѣло на него и на его колбасниковъ сержусъ“ указываетъ, что Грибоѣдовъ не былъ восторженнымъ поклонникомъ Петра, а замѣтки его на „Дѣянія“ и прямо-таки проникнуты чувствомъ непріязни къ личности преобразователя. Вотъ, для примѣра, нѣсколько замѣтокъ:

„Слуги доносятъ на господъ своихъ, на тѣхъ напр., которые, запершись въ комнатѣ, пишутъ“.

„Безмѣрная подать“.

„Введеніе рабства чрезъ подушную подать, чрезъ запрещеніе переходитъ крестьянамъ“.

„Преображеніе Думы въ Сенатъ. Отмѣна формулы: „Государь указалъ, бояре приговорили“.

„Клевета на Хованскихъ и ихъ казнь не дѣлаеъ чести прозорливости Петра“ и др.

Одна изъ замѣтокъ указываетъ какъ бы на оскорбленное національное чувство Грибоѣдова: „Петръ положилъ дѣтямъ боярскимъ жалованье въ-половину противъ иностранныхъ офицеровъ“.

Въ связи съ замѣтками на исторію Петра I находится въ извѣстной степени и другая работа Грибоѣдова, относимая къ 1822 г.: это—планъ драмы подъ названіемъ: „1812-й годъ“. Предполагаемая драма должна была состоять изъ трехъ отдѣленій и эпилога.

Въ первой картинѣ I-го отдѣленія — сцены на Красной площади, относящіяся къ началу войны, и въ нихъ Грибоѣдовъ хотѣлъ между прочимъ обрисовать „народныя черты“.

Вторая картина — въ Архангельскомъ соборѣ. Въ нее внесень элементъ чудеснаго. „Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч.“ Цѣль появленія этихъ усопшихъ исполиновъ — возбудить въ сынахъ Россіи „огнь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества“.

Третья картина — теремъ царей въ Кремлѣ. Наполеонъ размышляетъ „о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ“. Въ уста Наполеона авторъ влагаеъ слѣдующую знаменательную фразу о русскомъ народѣ: „Самъ себѣ преданный, — что бы онъ могъ произвести?“

Въ первой картинѣ II-го отдѣленія авторъ имѣлъ въ виду

изобразить „сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ“, конечно, людей, занявшихъ Москву.

Вторая картина — село подъ Москвой. „Всеобщее ополченіе безъ дворянъ“. Среди ополченцевъ — выдающееся лицо, крѣпостной челобѣкъ, названный у автора буквою М*. Онъ является во всѣхъ отдѣленіяхъ драмы, и характеръ его долженъ обнаружиться уже въ первой ея картинѣ.

Въ III-мъ отдѣленіи, планъ котораго разработанъ всего менѣе, должны быть указаны „подвиги М*.“ Это отдѣленіе относится уже ко времени зимняго преслѣдованія непріятеля.

Эпизодъ — въ двухъ картинахъ; первая — Вильна. „Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. М* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свои съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію“. Вторая картина эпизода — село или развалины Москвы. „Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе..... самоубійство“.

Въ планѣ этой задуманной драмы уже достаточно обнаружены многія мысли и чувства автора.

Проф. Веселовскій въ своей біографіи Грибоѣдова говоритъ (стр. XIX): „Заставивъ въ прологѣ, исполненномъ патріотическаго мистицизма, ночью слетѣться въ Архангельскій соборъ тѣни древнихъ героевъ, онъ (Грибоѣдовъ) въ самой пьесѣ желалъ указать на ужасающій контрастъ прежняго геройства съ нравственнымъ растлѣніемъ своихъ современниковъ“.

Этотъ контрастъ главная руководящая мысль пьесы. Но затѣмъ надо отмѣтить еще слѣдующее.

Хотя Петръ и является у Грибоѣдова въ числѣ „исполнень“, тѣмъ не менѣе вложенная въ уста Наполеона фраза о русскомъ народѣ заставляетъ насъ ставить Грибоѣдова въ ряды тѣхъ людей, которые были сторонниками естественнаго хода развитія нашего просвѣщенія, какимъ былъ, напримѣръ, и кн. Шаховской¹⁸⁶). Этою стороною планъ драмы соприкасается съ замѣтками Грибоѣдова на исторію Петра I. Далѣе: и тутъ и тамъ есть протестъ противъ крѣпостничества. Замѣтка Грибоѣдова: „Изъ письма Петра: *большія бороды нынѣ не въ авантажъ обрѣтаются*“ *) и въ драмѣ указаніе на желаніе помѣщика сбрить бороду у М*—свидѣтельствуютъ, что Грибоѣдовъ отличалъ европеизмъ отъ европейничанья.

*) Курсивъ Грибоѣдова.

Кромѣ того, замѣчательнѣе сочувственный взглядъ Грибоѣдова на русскій народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уважительное отношеніе его къ нашей старинѣ и къ ея представителямъ — къ Святославу, Владимиру Мономаху.

Замѣчательна и самая мысль его взять лучшее лицо драмы, этого героя М*, изъ народа, изъ сословія крѣпостного, и противоположить его, — да не только его, но и всю народную массу, — высшему слою общества, тѣмъ людямъ, искательства которыхъ и погоня за отличіями омрачали въ глазахъ Грибоѣдова всю поэзію подвиговъ.

Если бы драма была написана, финалъ ея производилъ бы сильное впечатлѣніе и былъ бы однимъ изъ сильнѣйшихъ криковъ сердца противъ крѣпостничества.

Планъ драмы проф. Ор. Э. Миллеръ назвалъ, „по-шекспировски разностороннимъ“¹³⁷⁾. Это справедливо, и показываетъ, что Грибоѣдовъ не придерживался никакой стереотипной теоріи составленія драматическихъ произведеній. А какова могла быть его драма: „1812-й годъ“, объ этомъ до извѣстной степени можно судить по сохранившейся одной сценѣ изъ нея *), заключающей въ себѣ разговоръ между отцомъ (Петромъ Ан.) и дочерью (Наташей). Отецъ—человѣкъ, живущій въ „убогомъ домѣ“; дочь была взята на воспитаніе какимъ-то княземъ, во время нашествія французовъ покинувшимъ и ее и Москву. Эту прекрасную сцену нельзя не привести.

Петръ Ан.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не вырывать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ. Не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
А нынѣ, знать, вельможи,—гдѣ они?..
Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купеля?..
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Блестали разноцвѣтными огнями..
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безчастныя рассыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,

*) Одна сцена только и извѣстна.

Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ,
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ жилья роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдана,
А мнѣ куда съ тобой?.. Куда укрыться?
И если бь могъ бѣжать отселъ я,
Нѣтъ! нѣтъ!... Не оторвался бь отъ тебя,
О мать наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится, — потерпимъ,
И съ вѣрою владимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!.. О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

Наташа.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... (Рыдаеть).

Петръ Ан.

И тѣ ли времена? О братѣ, что ли?
Нашъ Алексѣй... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердить, — онъ будетъ живъ.

Наташа.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ. (Рыдаеть пуще прежняго).

Петръ Ан.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отраднаго я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно, — посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало посѣтишь и ты меня, отца.
Обнимешь, все осмотришь... уголь мой
На полгода весельемъ просвѣтитя...
А нынѣ вмѣстѣ мы — и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!.. (Растворяетъ окно).

Эта сцена, которую, по стиху, языку и мастерству обрисовки настроенія, можно сопоставить со сценами въ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, свидѣтельствуеть о сильномъ и разностороннемъ талантѣ Грибоѣдова. А что драма осталась все-таки ненаписанной, какъ не написано или не дописано Грибоѣдовымъ и многое другое изъ задуманнаго имъ, — это объясняется все тѣми же роковыми обстоятельствами его жизни. Частые разѣзды, служебныя

обязанности, наконецъ гнетущая тоска — все это было помѣхой. Правда, въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ имѣлъ больше досуга, но грустилъ не меньше. Особенно тяготило его ненавистное одиночество. „Я.. одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ“, писалъ онъ сестрѣ Кюхельбекера, Ю. К. Глинкѣ¹⁸⁸), а самого Кюхельбекера (уже уѣхавшаго изъ Тифлиса въ Смоленскую губ.) извѣщалъ, что „въ поэтическихъ своихъ занятіяхъ довѣряется только однѣмъ стѣнамъ“. — „Имъ кое-что читаю изрѣдка свое или чужое; а людямъ—ничего; некому“¹⁸⁹).

И Грибоѣдовъ сознавалъ себя глубоко-несчастливымъ, хотя и не падалъ духомъ, благодаря религіозному чувству. Въ томъ же письмѣ къ Ю. К. Глинкѣ, писанномъ по-французски, онъ говорилъ, что надо „покориться судьбѣ и смотрѣть на наши страданія, какъ на нравственныя испытанія, изъ которыхъ мы выйдемъ менѣе пылкими, болѣе хладнокровными, съ запасомъ той душевной твердости, которая возбуждаетъ почтеніе и увѣренность, будто мы всю жизнь нашу благоденствовали“ (перев. Шл.).

Кромѣ того, надо помнить, что Грибоѣдовъ былъ натура въ высокой степени альтруистическая: чужія страданія онъ принималъ къ сердцу больше собственныхъ. „Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ!“—читаемъ въ упомянутомъ выше письмѣ къ Кюхельбекеру:—„помяни Амлиха *), вѣрнаго моего спутника въ теченіе 15-ти лѣтъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Потомъ Щербаковъ **) пріѣхалъ изъ Персіи и страдалъ на рукахъ у меня; вышелъ я на нѣсколько часовъ, вернулся: его уже въ гробъ клали. Кого еще скоситъ смерть изъ пріятелей и знакомыхъ? А весною, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлаго года зимній холодъ остановилъ на нашей границѣ. Трезвые умы,—Коцебу, напримѣръ,—обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ будто я самъ боюсь въ землю лечь: другихъ жаль сторично пуще себя!“ И далѣе Грибоѣдовъ съ горькимъ чувствомъ говоритъ объ эгоистахъ: „Ахъ, эти избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кастрюлькахъ etc., etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужого: страдаетъ болѣзнію ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи; чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ!“

---

*) Слуга Грибоѣдова.

**) Тоже не слуга ли, какъ предполагаетъ Шляпкинь (I, 419).

Въ началѣ марта 1823 г. Грибоѣдовъ получилъ отпускъ въ Москву и Петербургъ. Отпускъ этотъ продлился два года. Грибоѣдовъ усердно занялся своей комедіей. При первой же встрѣчѣ съ Бѣгичевымъ онъ, выслушавъ замѣчаніе друга на первый актъ, передѣлалъ его заново; затѣмъ много работалъ надъ комедіей въ Москвѣ, часто по ночамъ, возвратясь поздно домой, вѣроятно, съ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній, и тогда, по словамъ Булгарина, создавались цѣлыя сцены, такъ сказать, въ одинъ присѣсть¹⁴⁰⁾. Лѣтомъ 1823 г. онъ работалъ въ имѣннн Бѣгичева (въ с. Дмитріевскомъ, Ефремовскаго уѣзда Тульской губ.), въ садовой бесѣдкѣ. Писалъ ли онъ тамъ 3-й и 4-й акты впервые, или переработывалъ уже раньше написанное — сказать трудно, такъ какъ мнѣнія объ этомъ расходятся¹⁴¹⁾.

Но какъ бы ни было, въ 1823 г. часть „Горя отъ ума“ была уже извѣстна многимъ: графъ Вьельгорскій, близкій знакомый Грибоѣдовыхъ, перебирая однажды ноты на фортепiano Марьи Сергѣевны, нашелъ рукописные листы комедіи, заинтересовался ими, почти насильно увезъ съ собою, носился съ ними повсюду — и такимъ образомъ первый распространилъ извѣстность „Горя отъ ума“. Авторъ скоро услышалъ „восторженные крики сочувствія“, и тутъ-то, думаетъ Веселовскій, могло у него родиться желаніе видѣть свою комедію на сценѣ¹⁴²⁾. Послѣ этого онъ и началъ ее передѣлывать, о чемъ мы уже знаемъ изъ одного черноваго его наброска, который приведенъ выше¹⁴³⁾. Затѣмъ Грибоѣдовъ въ 1824 г. хлопочеть о принятіи его комедіи на сцену, но сталкивается со строгой тогда цензурой, и, въ угоду ей, опять принимается за передѣлку. Это, какъ говоритъ Веселовскій, было настоящей пыткой для автора. „Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ..., сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ;... будетъ же, добьюсь до чего-нибудь“. Такъ писалъ онъ Бѣгичеву въ августѣ 1824 г. И то, что переживалъ тогда Грибоѣдовъ, было тоже своего рода драмой: портить свое любимое дѣтище тяжело; но сильно и желаніе видѣть его на сценѣ. Послѣднее беретъ перевѣсъ, но зато является въ душѣ автора чувство чего-то похожаго на презрѣніе къ самому себѣ—чувство, которое переживалось Грибоѣдовымъ, должно быть, очень мучительно. Въ томъ же письмѣ къ Бѣгичеву онъ писалъ: „Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе не сообразной съ нена-

сытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ... И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошова ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ, прилична ли спесь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій?“—¹⁴⁴) Грибоѣдовъ мучился тѣмъ, что вбитый имъ въ собственную голову гвоздь, отъ котораго онъ не въ силахъ былъ освободиться, лишалъ его права считать себя выше тѣхъ, которые утѣшаются побрякушками авторскаго самолюбія.

Предѣлывая свою комедію въ виду цензурныхъ требованій, Грибоѣдовъ, весьма строго относившійся къ своему произведенію, пересмотрѣлъ его еще разъ и съ другой цѣлью: съ цѣлью окончательной художественной его отдѣлки. Нѣкоторыя мѣста ему не понравились, и онъ, какъ самъ говоритъ все въ томъ же письмѣ къ Бѣгичеву (Шл., I, 186), перемѣнилъ слишкомъ 80 стиховъ.

„Теперь гладко, какъ стекло“, писалъ онъ другу, довольный этими перемѣнами. Сверхъ того, онъ вставилъ въ послѣднемъ актѣ сцену заигрыванья Молчалина съ Лизой, такъ художественно дорисовывающую характеръ этой низкой личности.

Такимъ образомъ, окончательно отдѣлано „Горе отъ ума“ было въ 1824 г. Долго, слѣдовательно, и много работалъ Грибоѣдовъ надъ своей комедіей, и тѣмъ сильнѣе было его огорченіе, когда онъ убѣдился, что хлопоты его о постановкѣ „Горя отъ ума“ напрасны. Между тѣмъ какъ одни восхищались его комедіей, другіе, затронутые ею за живое, особенно изъ москвичей, старались очернить намѣренія автора, написавшаго будто бы пасквиль на Москву, — и пьеса цензурою не была пропущена. Но публика все-таки знала ее: она разошлась въ тысячахъ списковъ.

Однако авторскому самолюбію Грибоѣдова былъ предѣлъ. Булгаринъ, съ которымъ Грибоѣдовъ въ это время познакомился, и который съ перваго же дня знакомства оказывалъ поэту „ласковости“ (Шл., I, 192), напечаталъ въ „Литературныхъ листкахъ“ 1824 г. статью подъ названіемъ „Литературные призраки“ ¹⁴⁵), гдѣ, подъ именемъ Талантана, былъ выставленъ Грибоѣдовъ, какъ выдающійся писатель и образованный человѣкъ. Это восхваленіе Грибоѣдову не понравилось, и онъ написалъ Булгарину письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его, что знакомства съ нимъ продолжать далѣе не можетъ. „Правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе“, — писалъ онъ (въ окт. того же 1824 г.),—

„не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной“ (Шл., I, 192—193).

Грибоѣдовъ гадливо отнесся къ статьѣ Булгарина, заподозривъ въ ней лесть; но изъ письма его видно, что состояніе его духа въ ту пору было вообще тревожное, такъ какъ авторъ письма прямо говоритъ о своемъ душевномъ раздвоеніи, о несогласіи съ самимъ собою. Впослѣдствіи впрочемъ отношенія уладились, и Грибоѣдовъ даже писалъ Булгарину дружественныя письма (см. у Шл., I, 215—221).

Работая надъ „Горемъ отъ ума“, Грибоѣдовъ находилъ время и для научныхъ занятій. Въ Петербургѣ (1824 г.) онъ продолжалъ изучать восточные языки подъ руководствомъ проф. Казембека и Мирзы-Джаффара ¹⁴⁶). Русской исторіей онъ началъ заниматься еще раньше, и хлопоталъ, чтобы добыть „Памятники російской словесности XII вѣка“ Калайдовича, Русскія древности Успенскаго, сочиненія Арцибашева (вѣроятно, „О первобытной Россіи и ея жителейхъ“, какъ полагаетъ Шляпкинъ; см. у него т. I, стр. 183 и 368). Кромѣ того, имъ прочитано и изучено было много и другихъ историческихъ книгъ, какъ показываютъ относимыя къ этому приблизительно періоду времени его замѣтки подъ заглавіемъ: „Desiderata“ (Шл., I, стр. 75—83 и 358—359). Замѣтки эти относятся главнымъ образомъ къ области исторической географіи, этнографіи, археологіи и генеалогіи и обличаютъ не только обширную и серьезную начитанность Грибоѣдова, но и глубину и значительную широту его научныхъ интересовъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько замѣтокъ.

З а м. 3-я. Правда ли, что сѣверная часть Рязанской губерніи, по лѣвому берегу Оки, еще понынѣ удержала названіе „*Мещерской стороны*“ (словарь Геогр. подъ статью: „Мещерская сторона“). — Откудава это наименованіе? Сохранились ли слѣды *народа*, который нѣкогда въ томъ краю былъ извѣстенъ подъ именемъ *Мещеры*?

З а м. 5-я. Между именами городовъ великаго княжества Рязанскаго, въ исчисленіи русскихъ городовъ (Воскресенск. лѣтопись, стр. 22), иные намъ знакомы, другіе вовсе исчезли. Наша историческая географія много бы свѣту приобрѣла, кабы кто потрудился опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Напр., гдѣ полагать должно *Торческъ*, *Тешилловъ*, *Крылатескъ*, *Неринскъ*, *Кулатескъ* (Кумтескъ) и тотъ *Рославль*, или лучше *Ярославль-Польскій*, ко-

торый, конечно, далъ имя обширнымъ равнинамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *степи Ярославской, большой и малой*, въ южной части Тамбовской губерніи. Последнее имя *Оурюпискѣ* показано *Юрюпискѣ* въ Шлецеровомъ спискѣ.

За м. 14-я. Академикъ Фалькъ (Beiträge zur Topographisch. Kennt. des Russ. Reichs) говоритъ о *двухъ городищахъ значительныхъ* возлѣ *Цымлянской* станицы. Онъ самъ ихъ не видалъ, но что казачій атаманъ ему объ нихъ рассказывалъ—всемѣрно заслуживаетъ любопытнаго изслѣдованія имени, фигуры и вещества этихъ развалинъ. Не видать ли тамъ слѣдовъ искусства? Какое свойство грунта? Не раскапывали ли земли, и что въ ней найдено?

За м. 20-я. Нельзя ли достать словарь языка *Закубанскихъ черкесовъ*? Въ Гильденштедтѣ *) есть словарь кабардинскій; такимъ образомъ можно было бы научиться различать разныя нарѣчія языка черкесскаго.

Въ за м. 49-й, между прочимъ, читаемъ: „Подъ статью *Горчаковы князья* въ Бархатной книгѣ II, 305, кажется, что отрасль князей Козельскихъ древнѣе Карачевскихъ. Стоило бы справиться въ Рязанскомъ Архивѣ подъ № 202, а для князей Совицкихъ, или Осовицкихъ подъ № 207“.

За м. 57-я. Нарѣчія русскаго языка и крестьянская одежда гдѣ и какъ перемѣняются?

Всѣхъ замѣтокъ 57 да еще на отдѣльномъ листкѣ 5. Значительное число ихъ имѣетъ форму вопроса или сопровождается вопросами. Отвѣты на многіе изъ этихъ вопросовъ, поставленныхъ вполнѣ научно, даны нашими учеными ужъ гораздо позднѣе, въ годахъ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ¹⁴⁷).

Къ періоду жизни Грибоѣдова въ отпуску (вѣроятно, къ 1824 г.) относятся и его критическія замѣтки на „Русскую грамматику“ Греча (собственно отрывокъ, касающійся ученія о глаголѣ; см. у Шл., I, 84—87). Замѣтки показываютъ большую вдумчивость ихъ автора и его филологическое образование.

Къ этому же періоду относятся и многія литературныя работы Грибоѣдова, кромѣ работы надъ „Горемъ отъ ума“. Такъ, 11 сент. 1824 года въ Петербургѣ,—а въ Москвѣ еще раньше,—была представлена на сценѣ опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи: „Кто братъ, кто сестра, или обманъ за обманомъ“, оригинальное сочиненіе, съ хорами и разнохарактернымъ дивертисментомъ. Музыка

*) Въ описаніи путешествія Гильденштедта по Россіи и Кавказу.

А. Н. Верстовскаго. Эта драматическая бездѣлка написана наскоро Грибоѣдовымъ и кн. Вяземскимъ для бенефиса одной московской актрисы. Вся проза принадлежитъ Грибоѣдову, а куплеты — кн. Вяземскому, за исключеніемъ одного:

Любить обнвы	Вожжи шелковы
Мальчикъ Эротъ;	Въ руки беретъ.
Стрѣлкѣ перѣнной,	Плеткой ременной
Знать, не чередь,—	Хлещеть и бьетъ.

Этотъ куплетъ тоже написанъ Грибоѣдовымъ.

Эта наскоро изготовленная „водевильная стряпня“, какъ называлъ впоследствии пьесу кн. Вяземскій, успѣха не имѣла.

Несравненно интереснѣе другая работа Грибоѣдова: осенью 1823 года онъ задумалъ написать, для открывшагося тогда въ Москвѣ новаго театра, стихотворный прологъ: „Юность вѣщаго“, въ двухъ актахъ. Написать его онъ не успѣлъ, а обдумалъ лишь планъ да набросалъ небольшой отрывокъ—въ 25 строкъ. Интересно именно то, что героемъ пьесы избранъ былъ Ломоносовъ,— Ломоносовъ-юноша, томящійся „жаждой познанія“ и для удовлетворенія ея убѣгающій изъ отческаго дома. Грибоѣдовъ, самъ томившійся такой же жаждой, конечно, долженъ былъ сочувствовать Ломоносову и понимать всю тягость его положенія среди домашней обстановки. Какъ относился Грибоѣдовъ къ этому вышедшему изъ народа „исполину“, видно уже изъ слѣдующихъ стиховъ отрывка:

И тотъ пѣвецъ, кому никто не смѣетъ
Вослѣд ступить изъ бардовъ сихъ времянь,
Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣтъ,
Онъ отрокомъ, безвѣстенъ и презрѣнъ,
Сынъ рыбака, чудовищъ земноводныхъ
Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
Душой алкая странъ и дѣлъ иныхъ,
Изнемогалъ въ усиліяхъ безплодныхъ!..

(Шл., II, 219).

Далѣе, не останавливаясь на другихъ произведеніяхъ Грибоѣдова, относящихся къ періоду его жизни въ отпуску*), обра-

*) Сюда относятся 4 стихотворенія 1824 г.: 1) романсъ: „Ахъ, точно ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ, желанье тайное не волновало кровь?“ 2) „Задача Эрота“, 3) „Давидъ“, 4) „Телешовой“ (балеринѣ); затѣмъ статья: „Частные случаи петербургскаго наводненія“ 1824 г., описывающая его ужасы. Кроме того, у Грибоѣдова есть еще планъ трагедіи: „Родамисть и Зенобія“, точное время составленія котораго неизвѣстно, а относятъ его къ годамъ 1819 — 1823. Съ трагедіей „Родамисть и Зенобія“ Кребиллона, кроме именъ, общаго почти ничего нѣтъ. Дѣйствіе у Грибоѣдова въ Закавказьѣ, а дѣйствующія лица—армяне и грузины.

тимъ вниманіе на „Прологъ Фауста“. Это — переводъ, мѣстами вольный, той части Гётевскаго „Введенія къ Фаусту“, гдѣ идетъ разговоръ директора театра и весельчака (die lustige Person) съ поэтомъ. Директоръ театра требуетъ отъ поэта, чтобы онъ имѣлъ въ виду вкусы толпы. Въ театрѣ, если пьеса пришлась по вкусу, люди ломятся:

Стѣной густѣютъ непреломной,
Толпа растеть, и рокоть громный,
А голоса: билетъ! билетъ!
Какъ будто ихъ рождаеть преисподня;
И это чудо кто творить? — Поэтъ!

Поэтъ—человѣкъ, и онъ не чуждъ человѣческихъ слабостей: восторги толпы, обаяніе славы у современниковъ могутъ увлечь его; чувствуя возможность такого увлеченія, онъ говоритъ директору:

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной!
Задерни, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая пестрѣющей пучиной
Съ собой *противовольно* насъ влечеть.

И далѣе прибавляетъ, что блескъ у современниковъ обманчивъ; что поэтъ долженъ имѣть въ виду славу у потомства. Тутъ, на помощь директору, выступаетъ весельчакъ и убѣждаетъ поэта думать не о потомкахъ, а о современникахъ.

Потомству? да, и слышно только то,
Что духомъ всѣ парять къ потомкамъ отдаленнымъ;
Неужто, наконецъ, никто
Не порадѣетъ современнымъ?

Соблазнительныя рѣчи директора и весельчака терзаютъ душу поэта, но онъ находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы не поддаться соблазну и не „обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду“. Онъ говоритъ директору:

Поди, ищи служниковъ другихъ.
Тебѣ ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу въ жертву прихотей твоихъ?

И затѣмъ слѣдуетъ указаніе на высокое значеніе истиннаго поэта, геніальныя произведенія котораго, будучи „превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей“, съ вѣками дѣлаются все нетлѣннѣе и свѣжѣе.

Переводъ относятъ къ 1824 г., а А. И. Смирновъ относитъ его даже къ 1825-му ¹⁴⁸); слѣдовательно онъ сдѣланъ Грибоѣдовымъ не раньше того времени, когда онъ „урѣзывалъ“ свою комедію, какъ самъ признавался, ради „ничтожной славишки“ у толпы. Онъ поддался соблазну — и самъ мучился своей слабостью; но

послѣ ему захотѣлось сказать нѣчто въ родѣ Галилеева: „а все-таки она движется!“—и онъ сказалъ это устами Гёте, прибавивъ отъ себя превосходнѣйшій финалъ къ патетической рѣчи поэта, — стихи, которыхъ у Гёте нѣтъ:

Ты (т.-е. директоръ театра) постигаешь ли умомъ
Создаваго міры и лѣта?
Его престоль—душа поэта.

Такимъ образомъ, какъ намъ кажется, выборъ для перевода сцены изъ Гёте не былъ случайнымъ: онъ, думается намъ, находился въ связи съ тогдашнимъ настроеніемъ Грибоѣдова, съ тогдашней раздвоенностью его души: онъ поддался соблазну—и самъ же протестовалъ, негодовалъ на свое малодушіе, не дозволившее ему сохранить въ чистотѣ то, что онъ называлъ „престоломъ“ Бога.

Настроеніе Грибоѣдова въ 1824 году и въ началѣ 1825 года отразилось особенно въ его письмахъ. Изъ письма его къ Бѣгичеву въ іюнѣ 1824 г. видно, что имъ овладѣвало иногда уныніе (Шл., I, 184). Осенью въ Петербургѣ онъ былъ какъ-то необыкновенно раздражителенъ, бранилъ его, бранилъ всѣхъ и въ томъ числѣ самого себя. „Было бы о чемъ расписаться, но мелочи, главныя черты Петербурга и его глупцовъ“,— писалъ онъ Катенину 17 октября,—„тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ извѣстны... всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь изъ этого мертваго города!“ (I, 190). Грибоѣдовъ собирался ѣхать за границу. „Знай однако, что я здѣсь на перепутьи въ чужіе края; попаду ли туда—не ручаюсь, но вотъ какъ располагаю собою: отсюда въ Парижъ, потомъ въ южную Францію; коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ, Италію — и Эракійскимъ Воспоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды“ (I, 190—191). Въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 4 января 1825 г. раздражительности и недовольства еще больше. „Другъ и братъ! Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра — не спится. Нынче день моего рожденія,—что же я? На полпути моей жизни, скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и виміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачества, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный: я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясиномъ государствѣ. Скоро отправлюсь — и надолго“. Далѣе уже видны слѣды

глубокаго разочарованія. „Братъ! Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя пойду прибѣжища, не отъ бурей, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой мѣръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!“ (I, 193—194).

Въ возникновеніи такого настроенія не малую, конечно, роль играли и неудавшіяся хлопоты о пріемѣ на сцену любимаго дѣтища Грибоѣдова.

II.

Вторая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ.—Причина отъѣзда.—Въ Кіевѣ его охватываетъ обаяніе старины и святости мѣста.—Настроеніе его въ Крыму доходитъ до мрачности.—Путевыя замѣтки о Крымѣ и укеры автора по адресу русскихъ.—Грибоѣдовъ на Кавказѣ.—Свѣтлыя минуты вдохновенія и начало поэмы: „Хищники на Чегемъ“.—Далѣе настроеніе опять ухудшается.—Чтобы „не ювничать“—пускается въ Чечню.—Взглядъ Грибоѣдова на тогдашній нашъ образъ дѣйствія на Кавказѣ.—„Прости, отечество“ и „Диалогъ полководцевъ мужей“, замѣтки И. А. Шляпкина и наши дополненія къ нимъ.—Поводъ къ аресту и отношеніе Грибоѣдова къ тогдашнему движенію среди молодежи.—Грибоѣдовъ подъ арестомъ.—Жизнь его у Булгарина на дачѣ, недовольство собой, любопытныя черты его личности.—Мысли и чувства, выраженныя въ статьѣ: „Загородная прогулка“.—Грибоѣдовъ въ Москвѣ.—Молебень у Иверской.

Грибоѣдовъ могъ бы найти значительное облегченіе своего настроенія въ умственныхъ занятіяхъ, умиротворяющую силу которыхъ онъ зналъ: В. О. Одоевскій сталъ съ увлеченіемъ изучать философію Шеллинга; Грибоѣдовъ писалъ ему: „Милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ; не охлаждайся: *они всякой жизни придаютъ высокое значеніе*“ (I, 203). Но самому ему отдаться умственному труду безъ всякихъ помѣхъ опять было нельзя: онъ долженъ былъ снова ѣхать на Востокъ—и все по той же причинѣ: ради матери, ради семьи. Въ томъ же письмѣ къ Одоевскому изъ Кіева отъ 10 іюня 1825 г. у него вырвались такія слова: „Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть чловѣкъ безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни; но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе“. Но во имя долга онъ все-таки уѣхалъ. Это было въ концѣ мая 1825 г. Отправился онъ на Кавказъ не такъ, какъ предполагалъ: не черезъ Францію, Италію и Босфоръ (заграничное путешествіе не удалось), а черезъ Кіевъ и Крымъ.

Началась вторая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ, второй актъ его жизненной трагедіи.

Въ Кіевѣ, гдѣ Грибоѣдовъ былъ уже въ самомъ началѣ іюня, его охватило обаяніе старины и святости мѣста. „Владимиры и Изяслavy совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ“,— писалъ онъ В. Э. Одоевскому (10-го іюня):—за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе... Природа великолѣпная; съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагу виды измѣняются; прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора, и какъ душѣ просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ: зелень, тополи и виноградники—чего нѣтъ у насъ!“ (I, 202).

Далѣе, въ Крыму, настроеніе Грибоѣдова уже ухудшается. Изъ Симферополя 9-го сентября онъ писалъ Бѣгичеву: „Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю: не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать,—за это ручаюсь: отчего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!“ (I, 204). Безпрестанная скитанія, мѣшавшія покойно предаться умственному труду, порождаютъ желаніе свить себѣ гдѣ-нибудь постоянное гнѣздо, но непремѣнно въ уединеніи. И онъ пишетъ Бѣгичеву: „Еще игра судьбы *нестерпимая*: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ“.—„Мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!“ жалуется онъ далѣе своему другу (I, 205). Грибоѣдовъ начинаетъ наконецъ даже сомнѣваться въ своихъ способностяхъ: ужъ не отъ того ли онъ, имѣя „замыслы безпредѣльные“, ничего не пишетъ, что способности его, думается ему, „ограниченныя“ (I, 205). Дальнѣйшая судьба его представляется ему въ мрачномъ свѣтѣ, и на Кавказъ онъ ѣдетъ съ какими-то дурными предчувствіями. „Отчего я туда пускаюсь что-то скрѣпя сердце. Увидишь, что мнѣ тамъ не сдобровать“. Эти предчувствія заставляютъ его думать, что онъ не выдержитъ долго своей страннической жизни и вернется къ Бѣгичеву, въ его уединеніе (I, 205).

Письмо къ тому же Бѣгичеву изъ Феодосіи отъ 12-го сентября указываетъ на еще болѣе мрачное настроеніе Грибоѣдова. Онъ избѣгаетъ людей, ищетъ одиночества, посѣщаетъ кладбища и занимается тамъ „сближеніемъ своей жизни съ судьбою давно отшедшихъ“ (I, 207). „А мнѣ, между тѣмъ, такъ скучно, такъ грустно!“—говоритъ онъ въ концѣ этого письма:—„думалъ по-

мочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя; вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности“ (I, 208). И за этими строками, вызывающими глубокое сочувствіе къ страдальцу, слѣдуетъ мѣсто свидѣтельствующее, что Грибоѣдовъ на время дѣйствительно „утратилъ силу характера“, какъ объ этомъ самъ онъ заявилъ въ симферопольскомъ письмѣ къ Бѣгичеву (I, 205): онъ, прежде, въ Тифлисъ въ 1823 г., говорившій о необходимости твердо переносить страданія, какъ ниспосланныя намъ нравственныя испытанія, теперь отказывается выносить ихъ дольше—и желаетъ смерти. „Пора умереть! не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это такъ долго меня промучить, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ“ (I, 208).

Въ первое время путешествія по Крыму, Грибоѣдовъ набрасывалъ отрывистыя замѣтки, ¹⁴⁹⁾ относящіяся главнымъ образомъ къ крымскимъ видамъ и топографіи, но есть и замѣтки историческаго характера и археологическаго. Изъ замѣтокъ видно, что у него были въ рукахъ сочиненія: Палласа—„Tableau physique et topographique de la Tauride“ и „Путешествіе по Тавридѣ“ Муравьева-Апостола; приведена одна цитата изъ Нестора (I, 102).

Изъ замѣтокъ останавливаетъ на себѣ вниманіе особенно одна: видя богатую и прекрасную природу, Грибоѣдовъ поражается „лѣнью и бѣдностью татаръ“ и говоритъ: „Нѣтъ народа, который бы такъ легко завоевывалъ и такъ плохо умѣлъ пользоваться завоеваніями, какъ русскіе“ (I, 98). Подобная укорительная же замѣтка есть и въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Феодосіи. „Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ!... На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами—духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго. Что жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бранными остатками нашего бытія“ (I, 208).

Характеръ этихъ „Путевыхъ записокъ“ о Крымѣ, имѣющихъ форму дневника (веденн. съ 24 іюня по 12 іюля), глав-

нымъ образомъ объективный; но есть одна фраза, въ которой преобладавшее тогда настроеніе Грибоѣдова все-таки сказалось. Путешествовалъ онъ по Крыму не одинъ, а съ слугою своимъ Александромъ Грибовымъ *) да еще съ какимъ-то Бороздинымъ. Однажды онъ пробылъ ночь и слѣдующее утро одинъ. Въ дневникѣ своемъ (12-го іюля) онъ отмѣтилъ: „Одинъ и счастливъ“, т.-е. потому и счастливъ, что одинъ (I, 106).

Въ октябрѣ Грибоѣдовъ былъ уже на Кавказѣ и участвовалъ, какъ охотникъ, въ экспедиціи генерала Вельяминова ¹⁵⁰). Тутъ, въ виду непріятели, у подножія Кавказскихъ горъ, его посѣтило вдохновенье, — рѣдкій гость его въ ту пору, — и онъ началъ поэму: „Хищники на Чегемѣ“ **). Началъ онъ ее въ становищѣ близъ каменнаго моста на рѣкѣ Малкѣ, но такъ и не окончилъ. „На Малкѣ я началъ что-то поэтическое, по крайней мѣрѣ самому очень нравилось; обстоятельства прервали — остылъ“, писалъ онъ потомъ Бестужеву (I, 209).

О „Хищникахъ на Чегемѣ“ Булгаринъ сказалъ: „Видъ под-облачныхъ горъ, гнѣзда хищническихъ, полудикихъ племенъ, возбудили въ воображеніи поэта мысль представить ихъ въ природномъ ихъ характерѣ, пирующихъ послѣ битвы и грозными пѣснями прославляющихъ свои набѣги и свои неприступныя убѣжища“ (I, 398). Далѣе Булгаринъ отмѣчаетъ силу и сжатость слога въ этой поэмѣ.

Написано Грибоѣдовымъ всего лишь 10 строфъ, въ 7 стиховъ каждая. Приведемъ строфы 4—7.

4.

Наши — камни! наши — кручи!
Русь! зачѣмъ воюешь ты?
Вѣковыя высоты
Досягнешь ли? — Вотъ подъ тучей —
Двувершинный и могучій ***)
Рѣжется изъ облаковъ
Надъ главою твоихъ полковъ.

5.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ,
Вотъ невидимъ онъ очамъ! —

---

*) Онъ былъ молочнымъ братомъ Грибоѣдова, сыномъ его кормилицы. Онъ былъ очень привязанъ къ своему барину. Забавные анекдоты о немъ см. у Шляпкина, I, 397—399.

***) Чегемъ — горная рѣка при сѣверномъ склонѣ Кавказа.

***) Эльбрусъ (примѣч. Булгарина).

Той же тканію свіенной
Такъ же скрыты мы мгновенно,
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣль, два — и сгинуль слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропою,
Не въ краю вы сель и нивъ!
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ.
Туть утесъ:—берите съ бою!
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ;
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

7.

Ждемъ. — Готовы къ новой сѣчѣ...
Но и слухъ о нихъ исчезъ!..
Загарайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлжемъ
Дѣлимъ взятое ножомъ.

Далѣе въ настроеніи Грибоѣдова видимъ опять поворотъ къ худшему. Въ ноябрѣ онъ былъ въ Екатериноградской станицѣ, куда прибылъ и Ермоловъ со своей свитой. Грибоѣдовъ сталъ тяготиться этимъ непріятнымъ для него многолюдствомъ. „Досугу не имѣю ни на секунду, окруженъ шумнымъ сонмищемъ, даже сплю не одинъ: въ моей комнатѣ находится Мазаровичъ, съ латинскимъ молитвенникомъ и дипломатическими замыслами; одно спасеніе—это изъ постели на лошадь и въ поле“,—писалъ онъ Бестужеву 22 ноября (I, 209). Черезъ нѣсколько дней (27 ноября) изъ той же станицы онъ жаловался Кюхельбекеру, что его и безъ того „слишкомъ лѣниво посѣщаетъ вдохновеніе“, а туть еще помѣхи со стороны сонмища (I, 211). А письмо его оттуда же, отъ 7-го декабря, къ Бѣгичеву уже указываетъ на полный возвратъ прежней „ипохондріи“.—„На убѣдительныя твои утѣшенія и совѣты надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами, дражайшій мой Степанъ. Ты совершенно правъ, но этого для меня недовольно, ибо, кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель; склоняетъ меня ко мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ же, что въ Θεодосіи: не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно. — Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя

пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? (I, 213).

Чтобы разсѣяться и, какъ онъ выразился, „не ювничать“. Грибоѣдовъ пускается съ Ермоловымъ въ Чечню! — „Въ Чечню! въ Чечню! Здѣсь война особаго рода: главное затрудненіе въ дѣбрыхъ и ущельяхъ отыскать непріятели; отыскавши, истребить его ничего не значить“ (I, 214).

Но интересенъ высказанный въ этомъ же письмѣ къ Бѣгичеву взглядъ Грибоѣдова на тогдашній нашъ образъ дѣйствія на Кавказѣ. Ермоловъ дѣйствовалъ то страхомъ, казня горскихъ послушниковъ, то щедротами, осыпая ими преданныхъ. Противъ внушенія горцамъ страха Грибоѣдовъ ничего не имѣлъ. „Имя Ермолова“,—говорилъ онъ,—„еще ужасаетъ; дай Богъ, чтобы это очарованіе не разрушилось“. Но онъ желалъ, чтобы по отношенію къ покореннымъ не было нарушаемо *правосудіе*. „Дѣйствовать страхомъ и щедротами“,—заявлялъ онъ,—„можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей“ (I, 214).

Есть у Грибоѣдова еще два произведенія, — стихотвореніе: „Прости, отечество“ и „Диалогъ половецкихъ мужей“ (отрывокъ),— время написанія которыхъ (какъ и время составленія плана трагедіи: Родамистъ и Зенобія)¹⁵¹⁾ точно не опредѣлено: ихъ относятъ къ годамъ 1819—1825. И. А. Шляпкинъ оба эти произведенія соединяетъ въ одно, относя ихъ приблизительно къ одному времени (къ 1825 г., „если не позднѣе“), и, какъ кажется, основательно считаетъ первое предисловіемъ ко второму. Въ самомъ дѣлѣ, два предпоследніе стиха въ стихотвореніи: „Прости, отечество“:

Займемся былью стародавней,
Какъ люди весело шли въ бой —

имѣютъ прямое отношеніе къ „Диалогу половецкихъ мужей“, гдѣ авторъ именно и хотѣлъ изобразить жизнь людей, весело ходившихъ въ бой (II, 519).

Кромѣ того, Шляпкинъ говоритъ: „Д. А. Смирновъ и А. Н. Веселовскій относятъ первый отрывокъ *) къ 1819 г. Намъ кажется, что онъ написанъ позднѣе: этотъ поворотъ Грибоѣдова къ національнымъ темамъ, въ родѣ превосходныхъ, хотя и не окон-

*) Г.-е. стих. „Прости, отечество“.

ченныхъ стихотвореній: «Востокъ», «Домовой», вѣроятно, совершилъ въ 1825 году, если не позднѣе.—На это, пожалуй, можно возразить, что и „1812-й годъ“ и „Юность вѣщаго“ имѣютъ національныя темы. Но вотъ что: нельзя ли видѣть доказательство позднѣйшаго происхожденія стих. „Прости, отечество“ въ самомъ настроеніи его автора? Вѣдь оно очень близко къ тому именно, которое преобладало у Грибоѣдова въ 1825 г.

Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь!
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки—не увлекайте!..
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно;
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ...
Какъ неожиданно, какъ дивно!..
Но скоро бросишь кисть и прочь
Бѣжишь отъ радужной палитры!
Мы молоды и вѣримъ въ рай,
И гонимся и вслѣдъ и вдаль
За слабо брезжащимъ видѣнемъ..
Постойте!.. Нѣтъ его, угасло!
Обмануты, утомлены...
И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
Ногой отгѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.

Все это не напоминаетъ ли намъ мрачное настроеніе Грибоѣдова въ упомянутомъ году, его разочарованіе, его жалобы на рѣдкое ощущеніе въ себѣ вдохновенія, на утомленіе жизнью? не напоминаетъ ли наконецъ его тогдашнихъ мыслей о смерти? А то обстоятельство, что, сказавъ:

Займемся былью стародавней,
Какъ люди весело шли въ бой,

онъ сейчасъ же прибавляетъ:

Когда плѣняло ихъ собой
Что такъ обманчиво и славно,—

развѣ эти два стиха не голосъ Грибоѣдова, разочаровавшагося тогда въ томъ, что раньше плѣняло его и казалось славнымъ?

„Диалогъ половецкихъ мужей“—небольшой отрывокъ, состоящій изъ трехъ монологовъ: 1-й изъ нихъ и 3-й произноситъ Серчакъ, а 2-й—Итляръ. Приведемъ 1-й монологъ Серчака.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
На поиски счастливые дерзали,

Съ коңей три дня, три ночи не слѣзали;
Имъ тяжко: градомъ потъ и клубомъ парь,
А мы на нихъ—то вихрями въ пустынь,
То вплавъ по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
Кручины, горя не было вовѣкъ,
И мощь руки не та была, что нынѣ.
Зачѣмъ старѣють люди и живутъ,
Когда по жиламъ кровь едва струится,
Когда подъять безсильны ратный трудъ,
И темя ихъ снѣгами убѣлится!
Смотри на стечь:—что день, то шумный бой:
Духъ вѣтренный, другого превозмогшій,
И самъ гонимъ... сшибутся межъ собой
И завиваютъ пыль и злакъ изсохшій.
Такъ человекъ рожденъ гонять врага,
Настичъ, убить иль запетлить арканомъ.
Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
Кому уже конь прыткой не слуга;
Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
Онъ, притаясь, добычи не блюдетъ,—
Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живетъ!
Не называйся сыномъ половецкимъ!

Шляпкинъ еще разъ правъ, по нашему мнѣнiю, сближая по времени предисловіе съ самымъ діалогомъ, такъ какъ въ послѣднемъ также отразилось настроеніе, господствовавшее у автора въ 1825 г. Заподозрѣвъ въ себѣ упадокъ творческихъ силъ, т.-е. заподозривъ въ себѣ безсиліе дѣлать то, что онъ ставилъ цѣлью своей жизни, Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Бѣгичеву говоритъ: „Пора умереть!“¹⁵²⁾ Не ту ли же мысль развиваетъ онъ и устами Серчака, конечно, соотвѣтственно положенію послѣдняго? Серчака, почувствовавъ въ себѣ безсиліе вести тотъ образъ жизни, для котораго, по его понятію, человекъ рожденъ, говоритъ: надо лечь въ могилу.

Да и въ предисловіи можно видѣть ту же мысль: обманутому и утомленному остается только соорудить себѣ темный гробъ.

Если все это такъ, то замѣчательно то искусство, съ какимъ Грибоѣдовъ умѣлъ перелить собственную душу въ Серчака и въ то же время сохранить черты „сына половецкаго“. А этотъ выразительный, сжатый и величавый эпическій языкъ! И не только въ 1-мъ монологѣ, но и въ остальныхъ двухъ. Вотъ, на примѣръ, четыре начальные стиха 2-го монолога Серчака:

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій вѣдренъ!
Гордись, Итляръ! Тебя ихъ мужественный видъ,
Какъ въ зимній день лучъ солнечный. живить.
Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ...

Все это свидѣтельствуесть о крупномъ и разностороннемъ талантѣ Грибоѣдова.

Въ декабрѣ Грибоѣдовъ, какъ мы видѣли, собирався въ Чечню; но воевать ему на этотъ разъ не пришлось: благодаря аресту, онъ въ началѣ 1826 г. очутился въ Петербургѣ и былъ посаженъ въ зданіи Главнаго Штаба ¹⁵³).

Тутъ слѣдуетъ указать какъ поводъ къ аресту, такъ и отношеніе Грибоѣдова къ тому движенію, которое закончилось 14-мъ декабря.

Поводомъ къ аресту послужили не только знакомство, но и переписка съ будущими декабристами, съ нѣкоторыми изъ которыхъ Грибоѣдовъ особенно сблизился во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1824—1825 г.г. (съ Бестужевымъ ¹⁵⁴), Рылѣвымъ). Онъ во многихъ изъ нихъ цѣнилъ личныя ихъ дарованія и, какъ выразился А. И. Смирновъ, „раздѣлялъ съ ними недовольство нестроениями въ общественной жизни“. Въ особенности возмущало его крѣпостничество. Въ своемъ экспромптѣ 1826 г. онъ сказалъ:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ —
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Иисусу.

Но онъ вовсе не раздѣлялъ желанія декабристовъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. По словамъ Д. А. Смирнова, Грибоѣдовъ относился къ такимъ мѣрамъ иронически и говорилъ смѣясь: „сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи“ ¹⁵⁵). Позднѣе, въ 1828 г., онъ писалъ уже несшему наказаніе А. И. Одоевскому: „Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ!.. Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаци, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты, вѣрно, теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ... Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать!“ (I, 253—254).

Всѣмъ этимъ достаточно опредѣляется отношеніе Грибоѣдова къ тому, что вызвало событіе 14-го декабря.

Что же дѣлалъ Грибоѣдовъ подъ арестомъ?—Онъ проводилъ время въ чтеніи. Въ своихъ письмахъ къ Булгарину, относящихся къ этому періоду, онъ безпрестанно просилъ его о книгахъ и журналахъ—и какъ разнообразны были его требованія: Чайльдъ-

Гарольдъ, стихотворенія Пушкина, атласъ къ „Анахарсису“, сочиненію аббата Бартелеми, „Апологи“ И. И. Дмитріева, календари Шуберта, къ которымъ были приложены астрономическія и историческія статьи, „Тавриду“ Боброва (опис. Крыма въ стих.), Дифференціальное счисленіе Франкёра (François), „Опыты науки изящнаго“ Галича (I, 215—221). Научныя занятія Грибоѣдовъ продолжалъ и по освобожденіи изъ-подъ ареста: тогда его особенно занимали такія сочиненія, какъ путешествіе въ Татарію Планъ-Карпина (въ 1246 г.), исторія монголовъ и татаръ арабскаго писателя Абуль-Гази, и т. п. (I, 221).

По разслѣдованіи дѣла Грибоѣдовъ былъ, по собственнымъ словамъ его, „оправданъ начисто, какъ стекло“ (I, 217), и весну и часть лѣта провелъ на дачѣ Булгарина, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“¹⁵⁶⁾ Булгаринъ сообщаетъ, что Грибоѣдовъ тогда видался только съ близкими людьми, проводилъ время въ чтеніи, въ дружеской бесѣдѣ, въ прогулкахъ, и занимался музыкою. Въ настроеніи его, повидимому, не было мрачности, но въ музыкальныхъ импровизаціяхъ его звучало глубокое чувство меланхоліи, и часто онъ бывалъ недоволенъ собою вслѣдствіе мысли, что мало еще сдѣлалъ для словесности. И Грибоѣдовъ говорилъ въ увлеченіи: „Но я долженъ что-нибудь сдѣлать... сдѣлаю!..“ Далѣе Булгаринъ свидѣтельствуетъ о слѣдующихъ любопытныхъ чертахъ личности автора „Горя отъ ума“. Грибоѣдовъ любилъ простой народъ и любилъ ходить въ церковь. „Любезный другъ! говорилъ онъ: только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди; думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви я въ отечествѣ, въ Россіи. Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимирѣ, Димитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе одушевляло набожныя души. Мы—русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ“.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится одно мѣсто въ статьѣ Грибоѣдова: „Загородная прогулка“, относящейся къ лѣту того же 1826 г. Грибоѣдовъ съ товарищемъ отправился въ Парголово. Побродивъ нѣсколько времени, вдругъ услышали они звучные плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе. Это былъ хоръ крестьянскихъ дѣвушекъ, въ лентахъ и бусахъ, и мальчиковъ. „Родныя пѣсни!“—воскликаетъ авторъ названной статьи:—„куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?“ Явились и слушатели не изъ народа. „Прислонясь къ дереву“,—гово-

рить Грибоѣдовъ, — „я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами — и навѣки! Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами (I, 108—109).

Въ концѣ іюля Грибоѣдовъ былъ въ Москвѣ. По разсказу сестры его, Маріи Сергѣевны, сохраненному Д. А. Смирновымъ ¹⁵⁷), мать сумѣла заставить сына снова отправиться на службу, но уже не къ Ермолу, а къ бывшему съ Грибоѣдовыми въ родствѣ Паскевичу, который въ томъ же 1826 г. былъ назначенъ на Кавказъ. Разсказъ Марьи Сергѣевны слѣдующій: „Матушка никогда не понимала глубокаго, сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и внѣшности. Вотъ что она съ нимъ сдѣлала: братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божіей Матери. Пріѣхали, отслужили молебенъ... Вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить... Растроганный, взволнованный, онъ далъ слово... Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ“.

Начался третій актъ жизненной трагедіи Грибоѣдова.

III.

Третья поѣздка Грибоѣдова на Востокъ. — Настроение, въ которомъ онъ уѣзжалъ, и письмо его къ Бѣгичеву отъ 9-го декабря 1826 г. — Напряженная работа по службѣ, исполняемая вопреки влеченію, но по чувству долга. — Радуетса успѣхамъ русскаго оружія и ревниво относится къ его славѣ. — Трагизмъ положенія Грибоѣдова между тѣмъ все усиливается. — Работы его, связанные съ научными и общественными интересами. — Что веселило его русское сердце. — Трагедія: „Грузинская ночь“ и связь ея съ протестомъ Чацкаго противъ возмутительныхъ явленій крѣпостничества. — Поэма: „Кальяичи“. — Переговоры съ Аббасъ-Мирзою и Туркманчайскій миръ. — Грибоѣдовъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію.

Легко можно представить себѣ то настроеніе, въ которомъ Грибоѣдовъ уѣзжалъ теперь на Востокъ. Онъ, связавъ себя данымъ матери обѣщаніемъ ѣхать на службу къ Паскевичу, не только опять жертвовалъ собой, какъ писателемъ, отрываясь отъ мирныхъ занятій, но и клалъ на свою душу тяжелый камень, понимая, что Ермолова огорчитъ переходъ его къ Паскевичу, на котораго этотъ старый и заслуженный генералъ смотрѣлъ, какъ на своего соперника. Это мучительное настроеніе Грибоѣдова отразилось и въ письмѣ его къ Бѣгичеву отъ 9-го декабря 1826 г., гдѣ онъ говоритъ: „Буду ли я когда-нибудь независимъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ и, можетъ статься, наперекоръ судьбы. Поэзія! люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина:

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира“ (I, 222). Тутъ же Грибоѣдовъ жалуется, что люди вообще стали мелки, и противопоставляетъ имъ характеры древнихъ грековъ, описанные у Плутарха (I, 223). И тутъ же намеки на отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ: „Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ“, и вообще говоритъ, что ему теперь „жизнь плохая“ (I, 221).

Когда въ началѣ 1827 г. Ермоловъ былъ отрѣшенъ отъ должности, и главнокомандующимъ назначенъ Паскевичъ, — послѣдній предписалъ Грибоѣдову принять въ свое вѣдѣніе заграничныя

сношенія съ Турціей и Персіей. Съ этого времени служба Грибоѣдова дѣлается серьезнѣе, тѣмъ болѣе, что начался эриванскій походъ, участіе въ которомъ принималъ и онъ. Ему приходилось заниматься весьма сложной и обширной официальной перепиской Паскевича, составлять донесенія и тому подобныя служебныя бумаги. Своимъ положеніемъ онъ ужасно недоволенъ. „Горцы, персіяне, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Недолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь: и не моя вина; люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другого поприща“. Такъ писалъ Грибоѣдовъ Булгарину въ апрѣлѣ 1827 г. (I, 226). Но чувство долга все-таки заставляло его работать, иногда до глубокой ночи, даже до самаго разсвѣта (I, 228—229). Приходилось ему вести и личные переговоры съ представителями Персіи—и тутъ онъ дѣйствовалъ, какъ умный дипломатъ, и твердо отстаивалъ интересы Россіи (I, 235—251). Успѣхи русскаго оружія чрезвычайно его радовали, и онъ очень ревниво относился къ его славѣ. Такъ, недовольный описаніемъ въ печати побѣды Паскевича надъ персами при Елисаветполѣ (13 сентября 1826 года), Грибоѣдовъ писалъ съ Кавказа Булгарину (11 декабря): „Отчего вы такъ мало пишете о сраженіи при Елисаветполѣ, гдѣ 7,000 русскихъ разбили 35,000 персіанъ? Самое дерзкое то, что мы врѣзались и учредили наши батареи за 300 саж. отъ непріятеля и, по превосходству его, были имъ обхвачены съ обоихъ фланговъ, и самое умное, что пѣхота наша за бугромъ была удачно поставлена внѣ пушечныхъ выстрѣловъ; но это обстоятельство нигдѣ не выставлено въ описаніи сраженія“ (I, 224).

Трагизмъ положенія Грибоѣдова между тѣмъ все усиливался. Заваленный работою, которая была ему не по душѣ, онъ, какъ самъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, службу свою „ненавидѣлъ отъ всего сердца“ (I, 252). Ему не разъ приходило въ голову бросить ее и уѣхать, „не смотря ни на что, что бы она ни обѣщала ему въ будущемъ“ (I, 252). Но мысль, что онъ долженъ жить для семьи, денежныя дѣла которой все болѣе и болѣе приходили въ разстройство, заставляла оставаться на службѣ; а оставаясь на ней, онъ подчинялъ себя служебному долгу и работалъ съ напряженіемъ силъ.

Но когда работа выходила за предѣлы официальной переписки и имѣла либо научный, либо живой общественный интересъ, Грибоѣдовъ брался за нее очень охотно. Такъ, 16 апрѣля 1827 г., онъ писалъ Булгарину изъ Тифлиса: „Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ... Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ. При Алексѣѣ Петровичѣ *) у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употребляю это въ пользу“ (I, 225—226). Лѣтомъ того же 1827 г., по поводу распоряженія Паскевича о приведеніи Тифлиса въ лучшее устройство, Грибоѣдовъ составилъ „Записку“ о лучшихъ способахъ вновь построить этотъ городъ (I, 116—118). Затѣмъ онъ, кромѣ путевыхъ записокъ объ эриванскомъ походѣ, сжато набросанныхъ въ видѣ дневника (I, 110—116), составилъ прекрасное описаніе тогда уже нами завоеванной, Эриванской области (I, 118—127), главнымъ образомъ въ топографическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ запискахъ авторъ между прочимъ отмѣчаетъ, что эриванскій походъ велся самымъ гуманнымъ образомъ. Іюня 25-го онъ записалъ: „День хорошо начать: избавляемъ деревенскихъ жителей отъ утѣсненія. Имъ платягъ на привалѣ по 6-ти реаловъ лишнихъ на быка; они благословляютъ непріятеля. Вообще война самая человѣколюбивая“ (I, 115). Въ „Путешествіи“ читаемъ такой разсказъ о возвращаемыхъ изъ русскаго плѣна эриванцахъ: „Они не могли нахвалиться великодушіемъ русскихъ и, обворованные привлекательнымъ обращеніемъ генерала Красовскаго, были тронуты до умиленія, которое, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни ощущали. «Не мудрено, что вы побѣждаете насъ», сказалъ Измаиль-ханъ: «конечно, и у насъ есть добрые люди, хорошіе начальники, но, узнавши вашихъ, я долженъ сознаться, что мы далеко отъ васъ отстали»“ (I, 125). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о развалинахъ караванъ-сарая, авторъ съ восторгомъ

---

*) Ермоловъ.

воскликаетъ: „Свидѣтели времянъ минувшихъ!... вы видѣли борьбу народовъ; видѣли гибель племенъ, плачь, горабщеніе, — и послѣднія минуты жизни вашей видятъ славу русскихъ, видятъ невиданное прежде: радость пскорегныхъ“ (I, 124). Есть разсказъ и о персіянахъ, характеризующій личность разсказчика. „Въ Гумры пріѣхали два сарбаза, взятыя военнс-плѣнными въ Аббаст-Абадѣ, которыхъ изъ Тифлиса возили въ Петербургъ. Они съ восторгомъ говорятъ о представленіи своемъ государю, императору и государынямъ императрицамъ, о наслѣдникѣ, о великихъ князьяхъ, и съ удивленіемъ разсказываютъ о всемъ, что видѣли. Они ѣдутъ въ Персію, куда призываютъ ихъ связи родства. Когда слушаешь ихъ, чувство живѣйшей радости наполняетъ душу, а искренняя любовь къ русскимъ cadaго изъ тѣхъ, которые имѣли случай узнать нашихъ, веселитъ сердце русское“ (I, 125—126).

Наконецъ въ 1828 г., хотя неизвѣстно, въ какое именно время этого года, Грибоѣдовъ принималъ участіе въ очень важной работѣ: въ составленіи вмѣстѣ съ грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ Завилейскимъ проекта для дѣйствій учреждаемой тогда въ Тифлисѣ Закавказской Торговой Компаніи (I, 135—153). Редакція „Тифлисскихъ Вѣдомостей“, печатая въ 1831 г. этотъ проектъ, замѣтила отъ себя между прочимъ, что въ немъ всѣ предположенія „основаны на самыхъ ясныхъ доводахъ, почерпнутыхъ изъ фактовъ, глубокаго изслѣдованія края и теоретическаго сравненія будущихъ надеждъ съ результатами, происшедшими отъ одинаковыхъ данныхъ въ другихъ частяхъ свѣта“ (I, 135).

Изъ поэтическихъ произведеній Грибоѣдова ко времени его третьей поѣздки на Востокъ съ достовѣрностью можно отнести его замѣчательную трагедію: „Грузинская ночь“, отъ которой однако сохранились только отрывки (II, 403—411), а цѣлое погибло въ Тегеранѣ вмѣстѣ съ авторомъ. Въ основу трагедіи, по объясненію Булгарина, взятъ фактъ изъ исторіи рабства. Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, своего раба, сына своей бывшей кормилицы, а потомъ няни его дочери. Мать требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабскою одного съ нимъ господина. Князь сперва гнѣвается, затѣмъ общается выкупить отрока, но впослѣдствіи обѣщаніе свое забываетъ. Кормилица при помощи злыхъ духовъ Грузіи, мститъ князю ¹⁵⁸). Для образца приводимъ одинъ изъ монологовъ

кормилицы. Послѣ того, какъ она объявила уже князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль, князь ей отвѣчаетъ:

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали.

Вотъ эти слова князя и вызываютъ слѣдующую рѣчь несчастной матери:

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да;—но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарилась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живого отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда жъ былъ многія години въ заточеннѣ,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромѣхъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты!..
А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? гроза твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы..
И кочеть, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный;
А мнѣ передъ тобой не можно умолчать,—
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать..
Гдѣ громъ Твой, власть твоя, о Боже Вседержавный!

Въ послѣдній прїѣздъ свой въ Петербургъ, Грибоѣдовъ привозилъ съ собой эту трагедію, и отрывки изъ нея читалъ наизусть своимъ друзьямъ. Сцены, читанныя въ Петербургѣ, читалъ потомъ и Бѣгичеву при послѣднемъ свиданіи съ нимъ, но ни за что не хотѣлъ прочесть всей трагедіи. „Я теперь еще къ ней страстенъ“,— говорилъ онъ,— „и далъ себѣ слово не читать ее пять лѣтъ; а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту, какъ чужое сочиненіе, и если буду доволенъ, то отдамъ въ печать“ (II, 534). Булгаринъ и Гречъ, слышавшіе только отрывки, дали такой отзывъ о новомъ произведеніи Грибоѣдова: первый говорилъ, что оно могло бы составить украшеніе не только одной русской, но всей европейской лите-

ратуры; что, слушая жалобы матери, требующей возврата сына, были растроганы и самые холодные люди (II, 404). Гречь замѣтилъ: „Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на комедіи: «Горе отъ ума», которое останется далеко позади «Грузинской ночи». Онъ займетъ такую степень въ литературѣ, до которой еще никто не приближался у насъ; у него, сверхъ ума и генія творческаго, есть душа, а безъ этого нѣтъ поэзіи“¹⁵⁹).

Трагедія: „Грузинская ночь“ уясняетъ намъ личность ея автора, какъ врага рабства и крѣпостничества, и проливаетъ свѣтъ на извѣстный монологъ Чацкаго, гдѣ тоже идетъ рѣчь о распродажѣ и промѣнѣ крѣпостныхъ. На тему о продажѣ дѣтей у Грибоѣдова есть еще одно произведение — поэма: „Кальянчи“^{*}), время написанія которой пока неизвѣстно. Сохранился только небольшой отрывокъ (II, 411—414). Въ немъ авторъ затрогиваетъ явленіе еще болѣе возмутительное: продажу дѣтей родителями (на Востокѣ). Въ одномъ мѣстѣ поэмы красавецъ-отрокъ, кальянчи, говоритъ о себѣ такъ:

На Ріона берегахъ,
Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ,
Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
Росъ—едва не изъ пеленъ
Матерью, отцомъ, безвинный,
Въ чужу проданъ, обмѣненъ
За сосудъ цѣнный. **).

Послѣ взятія нашими войсками крѣпости Аббасъ-Абада въ іюль 1827 г. Грибоѣдовъ велъ съ Аббасъ-Мирзою, наследникомъ персидскаго шаха, переговоры о мирѣ, о которыхъ подробно доносилъ Паскевичу (I, 235—251). Переговоры эти обнаруживаютъ большія дипломатическія способности Грибоѣдова и полное знаніе характера персіанъ. Затѣмъ онъ ѣздилъ въ Персію и много хлопоталъ при заключеніи Туркманчайскаго договора. Когда наконецъ мирный договоръ былъ заключенъ¹⁶⁰), Грибоѣдовъ былъ отправленъ Паскевичемъ въ Петербургъ съ донесеніемъ государю, куда онъ и прибылъ 14-го марта 1828 г. Произведенный уже за первые переговоры съ Аббасъ-Мирзою въ коллежскіе совѣтники, онъ теперь былъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ св. Анны 2-й ст. съ алмазами и 4000 чер-

^{*}) *Кальянчи*—слуга, заботамъ котораго вѣрены кальяны.

^{**}) *Цѣнный*, по объясненію И. А. Шляпкина.—финифтевый, эмалевый (II, 412).

вонныхъ, а затѣмъ, неожиданно для себя, былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію. Отказаться отъ назначенія Грибоѣдовъ не считалъ возможнымъ. „Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-либо ему неусердствовать“, говорилъ онъ въ письмѣ къ Булгарину (I, 255). Совершилась четвертая и послѣдняя поѣздка Грибоѣдова на Востокъ, на этотъ разъ — для него роковая.

IV.

Четвертая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ. — Трагическое положеніе его усиливается. — Предчувствіе и крайне пониженный тонъ настроенія. — Женитьба. — Трагическая развязка. — Мѣсто изъ рѣчи Ор. Миллера. — Параллель Е. В. Пѣтухова. — Нѣкоторыя изъ послѣднихъ писемъ Грибоѣдова. — Его стихотворенія: „Домовой“ и „Востокъ“.

Столкновеніе силъ, обусловливавшихъ трагическое положеніе Грибоѣдова, и въ этотъ періодъ его жизни оставалось все такимъ же, но каждая отдѣльная сила работала напряженнѣе.

Влеченіе и къ научнымъ занятіямъ и къ поэтическому творчеству стало сильнѣе. „Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался“, — говорилъ онъ Бѣгичеву въ мартѣ 1828 г., разумѣя свою служебную дѣятельность, — „для меня дѣла постороннія. Призваніе мое — кабинетная жизнь. Голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать“ (I, XXXVIII). Отправляясь въ послѣднее свое путешествіе на Востокъ, онъ спѣшитъ заготовить книги — и между прочимъ всеобщимъ атласомъ Іордена, „Географіей Азіи“ Гасселя, новѣйшими сочиненіями о коммерціи, о веденіи консульскихъ книгъ и „двойною или десятерною бухгалтерією“ (I, 255—256).

Но если сильнѣе сказалась потребность отдаться кабинетному труду, то съ другой стороны увеличилась и необходимость продолжать службу: ужъ не говоря о деликатномъ чувствѣ благодарности къ государю, Грибоѣдовъ въ это время особенно нуждался въ средствахъ: „Дѣла матери моей разстроены; деньги мнѣ нужны“, заявлялъ онъ тогда же тому же Бѣгичеву (I, XXXVIII). Собираясь устроить свое собственное семейное гнѣздо, онъ увидѣлъ еще больше причинъ оставаться на службѣ. „Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кортить“, писалъ онъ Булгарину съ турецкой границы въ іюль того же 1828 г. (I, 267).

А мы знаемъ уже, какъ относился Грибоѣдовъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. „Всякій чиновникъ долженъ грудью

стоять за вѣренную ему порученность“, сказалъ онъ однажды (I, 285), и это не были слова только: онъ оправдалъ ихъ на самомъ дѣлѣ.

И четвертая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ, какъ и первая три, была совершена имъ „противъ воли“, о чемъ имѣется его собственное свидѣтельство (I, 257). Съ необыкновенной грустью прощался онъ со своими друзьями и говорилъ: „О Боже мой! неужели проведу я всю мою жизнь тамъ, въ странѣ чуждой моимъ чувствамъ, мыслямъ...“ (I, 254). Къ тому же Грибоѣдовъ предчувствовалъ трагическую развязку: тотчасъ же послѣ полученнаго назначенія онъ сказалъ Жандру: „Насъ тамъ непременно перерѣжутъ: Аллаяръ-ханъ *) — личный врагъ; не подарить онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата“ (I, XLI). Спустя нѣкоторое время то же самое говорилъ онъ Бѣгичеву при послѣднемъ свиданіи съ нимъ, и прибавилъ: „предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь“ (I, XLIII—XLIV). Онъ, говоритъ Бѣгичевъ, былъ очень мраченъ. И этотъ крайне пониженный тонъ настроенія сталъ у Грибоѣдова преобладающимъ. „Какъ тошно въ этой Персіи!“ читаемъ въ одномъ изъ октябрьскихъ его писемъ (I, 304); въ декабрѣ опять слышимъ горькую жалобу: „У насъ здѣсь скучно, гадко, скверно. Нѣтъ! ужъ не испытать мнѣ на томъ свѣтѣ гнѣва Господня! Я и здѣсь вкушаю прелести тьмы кромѣшной“ (I, 326).

Въ число „прелестей тьмы кромѣшной“ входили и хлопоты по взысканію контрибуціи, что Грибоѣдовъ называлъ „египетской работой“. Иногда онъ просто приходилъ въ отчаяніе, и ему начинало казаться, что онъ непригоденъ для выполненія возложенныхъ на него обязанностей. Въ ноябрѣ онъ писалъ въ Тифлисъ къ одной изъ своихъ знакомыхъ: „Мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я неспособенъ выполнить, какъ слѣдуетъ, служебныя обязанности. Многіе другіе исполнили бы ихъ во сто тысячъ разъ лучше“ (I, 308). Но Грибоѣдовъ клеветалъ на себя: въ декабрѣ онъ пи-

---

*) Зять шаха, первый министръ Аббасъ-Мирзы, врагъ Россіи и Грибоѣдова.

саль изъ Тавриза уже иное: „Взимаю контрибуцію довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозень кажусь, и меня прозвали *сахтиръ*, соеиг dur“ (I, 330).

Эти дипломатическіе успѣхи радовали Грибоѣдова, но въ общемъ настроеніе его было мрачно. Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ, отрадно блеснувшимъ ему, была его женитьба на горячо и нѣжно любимой дѣвушкѣ, но и тутъ счастье омрачалось предчувствіемъ близкой смерти: онъ говорилъ молодой женѣ своей, стараясь прикрыть шутивнымъ тономъ горечь своей просьбы: „Не оставляй костей моихъ въ Персіи; если умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида“ (I, XLVI).

Нинѣ Александровнѣ скоро пришлось исполнить эту просьбу мужа. По договору, персы обязаны были освободить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ подданныхъ, которые пожелаютъ возвратиться въ Россію. Грибоѣдовъ твердо настаивалъ на исполненіи этой статьи, и многіе изъ плѣнныхъ уже находились въ русскомъ посольствѣ, готовясь быть отправленными на родину. Возмущенная духовенствомъ и врагами Грибоѣдова тегеранская чернь стала требовать выдачи укрывавшихся. Грибоѣдовъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда мятежники убили немногочисленную свиту посланника, и самого его изрубили такъ, что тѣло его можно было узнать между другими убитыми только по мизинцу лѣвой руки ¹⁶¹).

Грибоѣдовъ,—говоритъ Ор. Э. Миллеръ въ своей прекрасной рѣчи,—„не соглашаясь выдать тѣхъ, которые нашли прибѣжище въ его помѣщеніи, поступилъ, какъ нашъ мудрый преобразователь, не выдавшій Дм. Кантемира. Грибоѣдовъ, какъ и Петръ Великій, съ дѣломъ совѣсти связывалъ и государственную честь Россіи. *Онъ держалъ имя русское «честно и грозно по старинѣ» и сложилъ за него свою, пожалуй, и буйную голову!*“ ¹⁶²).

Е. В. Пѣтуховъ провелъ слѣдующую параллель между Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ:

„Оба они были въ высокой степени художественныя натуры, оба страстно любили свое поэтическое призваніе, возвышенно, свято и необыкновенно добросовѣстно къ нему относились; оба видѣли въ трудѣ необходимый спутникъ таланта и геніальности, постоянно стремились къ пополненію и расширенію своего образованія; оба носили въ душѣ горячія національныя симпатіи, оба

стремились побывать въ чужихъ краяхъ — и не побывали; оба испытали тяжелый нравственный гнетъ близкой среды, которая была ихъ ниже, не понимала ихъ возвышенныхъ стремлений и легкомысленно и эгоистично толкала ихъ на путь мишурныхъ служебныхъ или свѣтскихъ успѣховъ; оба лелѣяли въ душѣ идеалъ тихаго семейнаго счастья и мирнаго кабинетнаго труда; оба предчувствовали свою необыкновенную развязку *), и наконецъ оба они дѣйствительно пали жертвою разлада своихъ внутреннихъ стремлений съ тѣми, которыя были имъ извнѣ навязаны внезапно и насильственно—трагически отошедши отъ этой жизни, и оставили послѣ себя хотя поздній, но назидательный урокъ тѣмъ, кто могъ считать себя въ этомъ близко заинтересованнымъ“¹⁶³).

Остановимся еще на нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ писемъ Грибоѣдова. Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Въ одномъ изъ нихъ онъ проявляетъ свою заботу о научныхъ интересахъ: онъ проситъ Паскевича, чтобы тотъ завоеванные въ Баязетѣ восточныя рукописи отослалъ въ Академію, „гдѣ профессора Френъ и Сеньковскій извлекутъ изъ сего пріобрѣтенія пользу для ученаго свѣта“ (I, 302).

Въ другомъ—къ Булгарину—онъ выражаетъ свой патриотическій восторгъ по поводу взятія Карса. „Ура! Любезнѣйшій другъ. Мои желанія и предчувствія сбылись. Карсъ взятъ штурмомъ. Читаю реляцію и проповѣдую ее всенародно. Это столько чести приносить войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать отъ радости“ (I, 260).

Строго требуя выполнения Туркманчайскаго договора со стороны персовъ, Грибоѣдовъ въ то же время протесовалъ и въ томъ случаѣ, когда видѣлъ нарушеніе его съ нашей стороны. Такъ полковнику Ренненкампу, назначенному для опредѣленія на мѣстѣ границъ между Россіей и Персіей, онъ писалъ (5-го дек. 1828 г. изъ Тавриза), что будетъ поддерживать передъ шахомъ всѣ наши справедливыя требованія, но проситъ „отступить отъ всякаго притязанія на увеличеніе нашихъ владѣній противъ условій договора“ (I, 331).

Возмущаясь всякимъ несправедливымъ поступкомъ, онъ въ длинномъ письмѣ къ Паскевичу указывалъ на необходимость

---

*) Намекъ на предчувствіе у Грибоѣдова встрѣчается уже въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 30 авг. 1818 г. (см. выше, стр. 117).

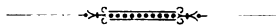
удовлетворять справедливыя жалобы жителей присоединенных тогда областей (I, 283—287).

Есть у Грибоѣдова два неоконченныхъ стихотворенія: „Востокъ“ и „Домовой“; время написанія которыхъ неизвѣстно, но которыя, какъ думаютъ, относятся во всякомъ случаѣ къ послѣднимъ годамъ жизни ихъ автора. Второе изъ нихъ (II, 418), подобно нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина, отличается чисто-народнымъ колоритомъ.

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожить насъ дѣдъ-непосѣдъ,
Зла творить много, много и множество бѣдъ,
Ступней топочеть, столами ворочить,
Душить, навалится, щиплетъ, щекочить.

Въ стихотвореніи: „Востокъ“ (II, 416 — 417) также есть народныя черты, но намъ кажется, что оно находится къ народнымъ пѣснямъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся къ нимъ и пѣсни Кольцова. Вотъ, напримѣръ, какъ изображена тутъ восточная красавица — княжая дочь:

Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь:
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница,
Раздираетъ черну ночь.
Если жъ кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ,
То забудь о матери, отцѣ;
Съ кѣмъ душой она сольется,
Станомъ гибкимъ, гибкими руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 4) См. выпускъ VI, стр. 188—190.
- 2) „Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова“ (Спб., изд. 1886 г.), т. III, стр. 257.
- 3) „Сочиненія М. Н. Загоскина“ (Спб., изд. 1889 г.), т. VI, стр. 23.
- 4) „Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова“, т. III, стр. 252—304.
- 5) „Сочиненія М. Н. Загоскина“, т. I, стр. III—CXII.
- 6) Тамъ же, стр. VIII-ая.
- 7) Аксаковъ, III, 255.
- 8) Тамъ же.
- 9) См. „Сочиненія М. Н. Загоскина“, т. I, стр. VIII-ая.
- 10) См. выпускъ VI, стр. 197—199.
- 11) Аксаковъ, III, 257.
- 12) „Сочиненія М. Н. Загоскина“, т. I, стр. LII.
- 13) Аксаковъ, III, 268.
- 14) Тамъ же, 255 и 301.
- 15) Выписки изъ „Путешественника“, равно какъ и изъ другихъ произведеній Загоскина, приводимъ по изданію его сочиненій 1889 г. — „Путешественникъ“ помѣщенъ въ VII-мъ томѣ.
- 16) „Сѣверный Наблюдатель“, ч. I, стр. 195—196.
- 17) Аксаковъ, III, 260.
- 18) Тамъ же.
- 19) „Театральныя сѣни“ помѣщены въ VII-мъ т. сочиненій Загоскина.
- 20) Аксаковъ, III, 261.
- 21) См. выпускъ VI, стр. 171—174.
- 22) „Сочиненія М. Н. Загоскина“, т. I, стр. LIII.
- 23) Аксаковъ, III, 263.
- 24) См. выпускъ V, стр. 46—47.
- 25) Аксаковъ, III, 265—267.
- 26) См. выпускъ II, стр. 118—119.
- 27) Странно, что о комедіи: „Недовольные“ ни Аксаковъ, ни другой биографъ Загоскина ничего не говорятъ, кромѣ заявленія, что она успѣха не имѣла.
- 28) Въ написаніи фамиліи: Хмельницкій (а не Хмельницкій) слѣдуемъ Н. Добротворскому, помѣстившему въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1889 г. свою статью о Хмельницкомъ (главнымъ образомъ его биографію). На первой же страницѣ этой статьи есть слѣдующая выноска:

„Мы пишемъ фамилію Хмельницкій черезъ *e*, а не черезъ *ь*, потому что такъ писалъ ее самъ Н. И. Хмельницкій, въ чемъ мы могли убѣдиться, просмотрѣвши массу бумагъ, писанныхъ имъ собственноручно во время его губернаторствованія въ Смоленскѣ. Также черезъ *e* писали эту фамилію: В. Г. Бѣлинскій (Соч., т. IX, 470), И. И. Срезневскій («Историч. обзор. слободской Украины», Харьковъ, 1839 г.), Н. И. Костомаровъ («Руина», «Богданъ Хмельницкій» и проч.); также пишетъ теперь и «Кіевская Старина», авторитетность которой по части южно-русской исторіи можетъ быть принята безспорно. Въ первый разъ буква *ь* появилась въ этой фамиліи въ Смирдинскомъ изданіи «Сочиненій Хмельницкаго» (Спб., 1849 г.), и съ тѣхъ поръ всѣ стали писать въ этомъ словѣ букву *ь*, хотя это рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправдано“.

Кромѣ статьи Добротворскаго, есть еще біографія Хмельницкаго, написанная Сергѣемъ Дуровымъ (псевдонимъ дѣвицы-кавалериста Александровой). Она помѣщена при I-мъ томѣ „Сочиненій Хмельницкаго“, изд. Смирдинымъ въ 1849 г. (въ трехъ томахъ). Этимъ изданіемъ мы и пользуемся.

²⁹⁾ Статья Добротворскаго, стр. 579.

³⁰⁾ Тамъ же, 577.

³¹⁾ Статья Дурова, стр. XX-я.

³²⁾ Статья Добротворскаго, 578.

³³⁾ „Исторія русской словесности“ И. Порфирьева, ч. II, отдѣлъ 3-й, стр. 241 (Казань, 1891 г.).

³⁴⁾ См. выпускъ IV, 36—39.

³⁵⁾ „Исторія русской словесности“, ч. II, отдѣлъ 3-й, стр. 243.

³⁶⁾ Статья Дурова, стр. XXI-я.

³⁷⁾ Тамъ же, XVII—XVIII.

³⁸⁾ Статья Добротворскаго, 563.

³⁹⁾ Тамъ же, 573.

⁴⁰⁾ Тамъ же, 565.

⁴¹⁾ Статья Дурова, стр. XIII-я.

⁴²⁾ Источникомъ для біографіи А. И. Писарева служатъ свѣдѣнія, переданныя о немъ въ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ“ С. Аксакова, гдѣ они отчасти разбросаны по разнымъ мѣстамъ воспоминаній, а отчасти собраны группами, напримѣръ, въ самомъ концѣ записокъ, на послѣднихъ пяти страницахъ.

⁴³⁾ „Литературныя и театральныя воспоминанія“ С. Аксакова, стр. 84—85 (Изд. Мартынова, 1886 г. Спб. Томъ IV).

⁴⁴⁾ Тамъ же, 71.

⁴⁵⁾ Тамъ же, 142.

⁴⁶⁾ С. Аксаковъ годъ рожденія Писарева указываетъ—1803-й (стр. 139-я); но едва ли это вѣрно, ибо самъ же онъ на 138-й стр. тѣхъ же воспоминаній говоритъ, что Писаревъ умеръ на 27-мъ году, относя день его смерти къ 15-му марта 1828 года. А днемъ рожденія Писарева было, по указанію Аксакова же, 14-е июля. Поэтому мы, вмѣстѣ съ Н. Энгельгардтомъ („Исторія русской литературы XIX столѣтія“, т. I, 607), относимъ рожденіе Писарева къ 1801-му году.

⁴⁷⁾ „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, статья: „Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума“, стр. 1562.

⁴⁸⁾ См. „Милльонъ терзаній“.

⁴⁹⁾ См. статью о Грибоѣдовѣ въ „Очеркахъ по исторіи русской литературы XIX вѣка“ Евг. Соловьева (Андреевича). Спб., 1902 г., стр. 72.

⁵⁰⁾ Биографическій очеркъ Грибоѣдова, написанный проф. Алексѣемъ Николаевичемъ Веселовскимъ и помѣщенный при сочиненіяхъ Грибоѣдова, изданныхъ въ V-мъ томѣ „Русской Библіотеки“. Спб., 1875 г. Типографія Стасюлевича. Второе изд. было въ 1878 г.

⁵¹⁾ Свѣдѣнія о предкахъ Грибоѣдова напечатаны въ „Москвитининѣ“ 1856 г., т. III, № 12, въ статьѣ Семевского: „Нѣскольцо словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ“.

⁵²⁾ Помѣщены въ „Сборникѣ, издан. студентами С.-Петербургскаго университета“, 1860 г., вып. II.

⁵³⁾ См. биографическій очеркъ Грибоѣдова, написанный Семевскимъ („Русская Старина“ 1874 г., т. X, № 5, очерка гл. I; окончаніе очерка—въ № 6).

⁵⁴⁾ См. „Биографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“ Д. А. Смирнова въ „Бесѣдахъ въ Общ. Любит. Рос. Словесности“, Москва, 1867 г., вып. I, отд. 2-е, стр. 24—25.

⁵⁵⁾ „Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова“ подъ редакціей И. А. Шляпкина, т. I, стр. 154.

⁵⁶⁾ См. статью А. И. Смирнова: „А. С. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьба комедіи его: Горе отъ ума“ (въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ, 1895 г., т. VI, стр. 3).

⁵⁷⁾ „Сочиненія Батюшкова“, т. I, 109 (изд. 1887 г.) и то же самое въ т. III, 77 (изд. 1886 г.).

⁵⁸⁾ См. выпускъ II, стр. 23.

⁵⁹⁾ „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стр. 1518.

⁶⁰⁾ У Шляпкина, т. I, „Частная и служебная переписка“, письмо X-е.

⁶¹⁾ Веселовскій („Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стр. 1518).

⁶²⁾ „Сборникъ, издан. студентами С.-Петербургскаго университета“, 1860 г., вып. II.—Что Грибоѣдовъ „зналъ совершенно нѣмецкій, французскій, итальянскій и англійскій языки“,—объ этомъ говорить и Булгаринъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ“ („Сынъ Отечества“ 1830 г., ч. CXXXI, № 1).

⁶³⁾ „Русская Старина“ 1874 г., т. X, № 5, очерка гл. II.

⁶⁴⁾ Веселовскій (см. выше примѣч. 50-е).

⁶⁵⁾ „Русская Старина“ (см. выше примѣч. 63-е).

⁶⁶⁾ У Шляпкина, I, письмо VII-е, стр. 165.

⁶⁷⁾ А. И. Смирновъ (см. выше примѣч. 56-е).

⁶⁸⁾ Веселовскій (см. выше примѣч. 50-е).

⁶⁹⁾ Тамъ же.

⁷⁰⁾ У Шляпкина,³² I, п. XLI, стр. 216.

⁷¹⁾ Е. З. Пѣтуховъ: „А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта 5 января 1795 года“. Отдѣльный оттискъ, Кіевъ, 1895 г. (стр. 4).

⁷²⁾ Тамъ же.

⁷³⁾ „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стр. 1529.

⁷⁴⁾ „Сборникъ, издан. студентами С.-Петербургскаго университета“ 1860 г., вып. II, стр. 236.

⁷⁵⁾ Веселовскій (см. примѣч. 50-е).

⁷⁶⁾ См. у Шляпкина, I, стр. VIII-я.

⁷⁷⁾ У Шляпкина, I, п. X, стр. 169.

- 78) Тамъ же, п. XXII, стр. 189.
- 79) Тамъ же, п. XXXIX, стр. 200—201.
- 80) Статья, указанная въ примѣч. 56-мъ, стр. 7.
- 81) У Шляпкина, I, 12.
- 82) Указаніе на *конецъ лѣта* есть у Семейскаго („Русская Старина“ 1874 г., т. X, № 5, очерка гл. I).
- 83) „Сочиненія Батюшкова“ 1886 г., т. III, стр. 43.
- 84) Тамъ же, стр. 615.
- 85) У Шляпкина, I, п. XXVII, стр. 197.
- 86) См. тамъ же, п. XXIII, стр. 192.
- 87) Тамъ же, п. XXVIII, стр. 198—199.
- 88) Тамъ же, п. XXIII, стр. 190.
- 89) Тамъ же, п. XIV, стр. 176.
- 90) Тамъ же, п. XII, стр. 172.
- 91) Тамъ же, п. IV, стр. 161.
- 92) Тамъ же, стр. 161—162.
- 93) См. у Шляпкина, т. I, стр. 24 и затѣмъ 350—351.
- 94) Тамъ же, п. VII, стр. 165.
- 95) „Исторія русской литературы“, т. IV, стр. 299.
- 96) У Шляпкина, I, п. XXXIX, стр. 215.
- 97) Тамъ же, п. LV, стр. 226.
- 98) См. выпускъ III, гл. III.
- 99) Веселовскій, стр. XXX-я (см. выше примѣч. 50-е).
- 100) У Шляпкина, I, п. III, стр. 160.
- 101) Тамъ же, п. I, стр. 158.
- 102) Подробнѣе см. въ „Хронологической канвѣ“ Шляпкина, а также въ біографіяхъ Грибоѣдова, напр. у Веселовскаго, Семейскаго и др. Всѣ они разсказываютъ о дуэли Шереметева со словъ Д. А. Смирнова (см. „Бесѣды въ Общ. Любит. Рос. Слов.“, II, 17).
- 103) См. выше, стр. 79.
- 104) У Шляпкина, I, п. IV, стр. 162.
- 105) Тамъ же, стр. 47—48.
- 106) Тамъ же, п. XII, стр. 172.
- 107) Тамъ же, п. XXV, стр. 194.
- 108) См. выпускъ VI, стр. 199 и д.
- 109) У Шляпкина, I, 370.
- 110) Тамъ же, п. XXIII, стр. 190.
- 111) Подробнѣе о критической статьѣ Гнѣдича и объ антикритикѣ Грибоѣдова см. у Шляпкина, т. I, стр. 341—349 и стр. 13—23. Тамъ же помѣщена и самая баллада: „Ольга“, стр. 338—341.
- 112) „Сочиненія Батюшкова“ 1886 г., т. III, стр. 390—391.
- 113) У Шляпкина, I, п. IV, стр. 161. У него же и рецензія Загоскина (I, 364).
- 114) Весь памфлетъ этотъ помѣщенъ у Шляпкина, II, стр. 41—42.
- 115) См. статью, указанную нами въ примѣч. 52-мъ, или см. у Шляпкина, II, 515—517.
- 116) См. выпускъ III, стр. 48.
- 117) Біографія Грибоѣдова, стр. XVIII (см. выше примѣч. 50-е).
- 118) См. выпускъ VI, стр. 193—194.

- ¹¹⁹⁾ См. у Шляпкина, т. II, стр. 518.
- ¹²⁰⁾ Биографія Грибоѣдова, стр. XXVI.
- ¹²¹⁾ См. выпускъ VI, стр. 194.
- ¹²²⁾ Эти сцены приводимъ по изд. Шляпкина (т. II), какъ и вообще все изъ Грибоѣдова приводимъ по этому изданію.
- ¹²³⁾ „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I.
- ¹²⁴⁾ У Шляпкина, т. I, 83.
- ¹²⁵⁾ „Исторія русской литературы“, IV, 313.
- ¹²⁶⁾ У Шляпкина, I, п. VII, стр. 165.
- ¹²⁷⁾ Тамъ же, п. V, стр. 163.
- ¹²⁸⁾ См. выше, стр. 87.
- ¹²⁹⁾ См. выше, стр. 85.
- ¹³⁰⁾ См. выше, стр. 93.
- ¹³¹⁾ У Шляпкина, I, „Путевыя письма“, стр. 30.
- ¹³²⁾ См. выше, стр. 76.
- ¹³³⁾ См. выше, стр. 85 и 113.
- ¹³⁴⁾ Ст. А. И. Смирнова, стр. 89 (помѣщена въ „Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ“; см. выше примѣч. 56-е).—Дневникъ Кюхельбекера (1832—1845 г.) напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., т. XIII и XIV.
- ¹³⁵⁾ „Сынъ Отечества“ 1830 г., № 1, стр. 12.
- ¹³⁶⁾ См. выпускъ VI, стр. 166—167.
- ¹³⁷⁾ См. у Шляпкина, II, 520.
- ¹³⁸⁾ Тамъ же, I, п. XVI, стр. 182.
- ¹³⁹⁾ Тамъ же, I, п. XV, стр. 178.
- ¹⁴⁰⁾ У Шляпкина, I, стр. XVII.
- ¹⁴¹⁾ См. выше, стр. 123. Расходятся показанія и относительно мѣста работы Грибоѣдова въ Тульской губерніи: по Лонгинову и Веселовскому, онъ работалъ въ с. Дмитріевскомъ Ефремовскаго уѣзда; между тѣмъ у Шляпкина (I, 383) есть и другое указаніе: имѣнье Бѣгичева — *Екатерининское*, Епифановскаго уѣзда.
- ¹⁴²⁾ „Русскій Архивъ“ 1874 г., I, стр. 1560.
- ¹⁴³⁾ См. выше, стр. 112.
- ¹⁴⁴⁾ У Шляпкина, I, п. XXI, стр. 185—186.
- ¹⁴⁵⁾ У Шляпкина перепечатана вся эта статья (I, 370—376).
- ¹⁴⁶⁾ Семевскій, „Русская Старина“ 1874 г., № 6, гл. IV.
- ¹⁴⁷⁾ См. у Шляпкина, I, 359.
- ¹⁴⁸⁾ См. стр. 19-ю статьи, указанной выше, въ примѣч. 56-мъ.
- ¹⁴⁹⁾ См. у Шляпкина, I, 93—107.
- ¹⁵⁰⁾ „Русская Старина“ 1874 г., статья Семевского, гл. IV.
- ¹⁵¹⁾ См. выше, стр. 133.
- ¹⁵²⁾ См. выше, стр. 138.
- ¹⁵³⁾ Разказы о подробностяхъ ареста передаются не всѣми одинаково (см. у Шляпкина, I, XXIX). Николай Викторовичъ Шимановскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ („Русскій Архивъ“, 1875 г., кн. II, стр. 339—344) между прочимъ говоритъ: „Все, что мнѣ удалось читать печатнаго объ арестѣ Грибоѣдова, все совершенно не такъ. Видно, что это пересказанныя рѣчи. Я буду говорить, какъ очевидный свидѣтель и ручаюсь за сказанное“ (стр. 341).
- ¹⁵⁴⁾ О первой встрѣчѣ Грибоѣдова съ Бестужевымъ можно прочесть у Шляпкина, I, XX—XXIII.

- ¹⁵⁵) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Рос. Словесности“, II, 20.
¹⁵⁶) „Сынъ Отечества“ 1830 г., № 1.
¹⁵⁷) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Рос. Словесности“, II, 25.
¹⁵⁸) Подробнѣе см. у Шляпкина, II, 403 — 404.
¹⁵⁹) Статья А. И. Смирнова, стр. 28 (см. выше примѣч. 56-е).
¹⁶⁰) См. выше, стр. 115.
¹⁶¹) См. выше, стр. 114.
¹⁶²) „Въ память А. С. Грибоѣдова“. Рѣчь на актѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 8 февраля 1879 г. (стр. 1).
¹⁶³) „А. С. Грибоѣдовъ“, стр. 18—19 (см. выше примѣч. 71-е).

PG 3011
.S 515
1899
vyp. 7

764975

9393

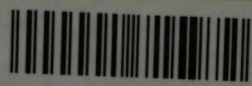

A000001715972

A000001715972